

ПИОНЕР

ИЮНЬ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1965 г.

В учебниках географии не описывается эта республика. А между тем она существует и славится на весь мир. Прозрачно и ласково море у ее берегов, прекрасны поросшие лианами и кипарисами скалы, ослепительно солнце над ними, а жители ее всегда жизнерадостны, никогда не устают петь, играть, бегать, плескаться в море, всегда готовы, закинув рюкзак за плечи, пуститься в странствия по горам и долам или на всех парусах плыть наперегонки с волнами и ветром. В республике этой нет стариков. Средний возраст жителей—десять—двенадцать лет, и поголовно все они пионеры или октябрята.

Сюда приезжают и иностранцы. Но это не туристы и не гости. Едва ступив на землю республики, они становятся ее полноправными гражданами. Здесь на всех хватает солнца, моря, дружбы и улыбок!

Мы не пробуем загадывать загадок. Все равно каждый уже понял, что речь идет об Артеке. Но не каждый знает, что вечно юному Артеку исполняется сорок лет. Уже сорок лет Артек дарит здоровье и радость ребятам. И не только это. Не только загар и крепкие мускулы увозят отсюда ребята. Новые песни, новые игры, новые затеи, умение дружить и трудиться по-пионерски тоже дарит Артек. Вот почему не только у нас, но и в дальних странах, на иных языках звучит как пароль дружбы и бодрости пионерское слово АРТЕК!

Фото И. Гольдберга.

Год издания 42-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ВСЕМ ВСЕМ ВСЕМ

СКОРО — ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЁЖИ!

Огромная коллекция марок отправится с советской фестивальной делегацией в Алжир в подарок детям, если каждый из вас наклеит на свое письмо в редакцию одну самую интересную марку из своей коллекции непогашенных советских марок!

В Алжир поедут сто альбомов с рисунками наших ребят, если каждый из вас вложит в конверт самый лучший свой рисунок.

А как быть, если ты не собираешь марок? Выбери на почте ту, которая больше всего тебе понравится.

Ты не можешь придумать, что нарисовать? Посоветуйся с ребятами в отряде: ум хорошо, а два лучше.

Альбомы для рисунков и марок заготовлены. Ждем твоего письма.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" №6 ИЮНЬ 1965

Ю. СОТНИК

Рисунки Ю. Коровина.

ШЕПОТ В ТЕЛЕФОННОЙ ТРУБКЕ

Часов около пяти вечера, не доделав уроков, Петя прилег с книжкой на диване и неожиданно задремал. Сквозь сон он слышал телефонные звонки в передней, потом приглушенный голос мамы. Но вот скрипнула дверь: мама заглянула в комнату.

— Петь! Петр Васильевич! Тебя Ира к телефону.

— Ну ее! — промычал Петя.

— Она просила тебя разбудить, говорит, срочное дело.

— Ой, мама, да ну ее! — Петя взбрыкнул ногой и повернулся на другой бок.

Голос мамы снова послышался из-за двери.

— Ира, ты слушаешь? Он просит примерно через часок позвонить. Как? Ах, вот оно что!

Дверь с треском распахнулась.

— Ну-ка, сыщик, вставай! — на этот раз в полный голос сказала мама.— Работа для тебя есть: расследовать что-то надо.

Петя сел на диване.

— Мам... а ты не врешь?

Мама тут же вскипела:

— Петр, ты с кем разговариваешь? Что это значит: «Ты не врешь?»...

— Мам... это я... это я так, спросонья. Я хотел сказать: Ирка не врет?

Мама уже не слушала. Она ушла в кухню. Петя подбежал к телефону.

— Да!

Сначала ему показалось, что в трубке просто что-то зашуршало, потом он понял, что это Ирин голос: она говорила шепотом:

— Петька, чего ты так долго! В комнату вот-вот войдут, и я не смогу говорить!

— Ладно! В чем дело?

— Петька, скорее приходи! Только не ко мне, а к Маше Пролеткиной. Слышишь! Очень таинственное дело!

— К кому?

— К Пролеткиной, к Маше. Которая в шестом «А» учится. Это моя подруга. Петька, через пятнадцать минут я должна уйти: мы с мамой в гости идем.

— А что произошло?

— Петька, мне некогда рассказывать, что произошло: в комнату вот-вот войдут. Только все очень загадочно! Петька, ты придешь?

Шепот в трубке звучал так взволнованно, что Петя невольно сам понизил голос.

— Ладно, говори адрес.

— Она в том же подъезде, что и я, только этажом ниже, квартира двести. Придешь?

— Приду. Минут через пятнадцать приду.

Петя повесил трубку. После этого мама минуты три приговаривала:

— Петр, спокойней! Петька, я тебя никуда не пущу, если ты будешь так бесноваться.

Петя помчался было в ванную, чтобы сполоснуть лицо, но тут он вспомнил, что на нем старые брюки, и бросился переодеваться. Впопыхах он долго не мог попасть ногой в штанину и, прыгая по комнате, уронил стул.

— Мам, я, значит, пошел. Пока!

— Беги! Сумасшедший!

Петя выскочил на площадку, захлопнул дверь, но тут же раздался продолжительный звонок, и мама пошла открывать.

— Забыл!—сказал детектив, пробегая к себе в комнату.— Самое главное забыл.

Он открыл ящик своего стола, вынул оттуда боль-

шую лупу, круглую пластмассовую коробочку и прямоугольный магнитик от микроэлектромотора.

— Теперь все! Мамуль, пока! — сказал он и чмокнул на ходу маму в щеку.

* * *

Пожалуй, у каждого мальчишки бывает в жизни период, когда он мечтает сделаться сыщиком, следователем, контрразведчиком... (Точное название профессии зависит от того, каких книжек он больше начитался.) У Пети это увлечение оказалось особенно стойким.

Началось оно еще летом, на даче. Петя тогда впервые читал «Шерлока Холмса», и тут с соседней дачи таинственно исчезли два третьеклассника — Дима и Миша, с которыми он иногда играл. Пока взрослые разыскивали их по улицам поселка, сообщали в милицию, бегали на железнодорожную станцию, Петя вел свое расследование. Он припомнил разговоры, которые вели мальчишки, и объявил взрослым, что Миша и Дима решили бежать на Кубу. Он предложил взрослым посмотреть, какие вещи пропали из дому. Выяснилось, что исчезли ключи от московской квартиры, в которой жил один из беглецов. После этого нетрудно было догадаться, что беглецы перед путешествием на Кубу собирались заехать к Диме домой. Так оно и получилось. Вскоре соседка по московской квартире привезла мальчишек обратно на дачу. Из допроса беглецов выяснилось, что они действительно хотели присоединиться к сподвижникам Фиделя Кастро.

Взрослые были удивлены Петиной проницательностью, но больше всех она поразила самого Петю. Он решил, что нашел свое призвание и все свободное время стал посвящать тренировке качеств, необходимых следователю.

Когда начались занятия в школе, он по содержимому карманов своих одноклассников, по состоянию их обуви, по пятнам на руках пытался угадать, кто чем занимался накануне вечером. В девяти случаях из десяти он попадал впросак, но эти его неудачи быстро забывались. Зато когда Петя угадывал, все приходили в дикий восторг.

Еще в самом начале своей сыскной деятельности Петя обзавелся большой лупой, а в конце сентября сделал очень ценное приобретение. Ему давно было известно, что отпечатки пальцев на различных предметах проявляются «магнитной кисточкой». Потом он узнал, что для «магнитной кисточки» простые железные опилки не годятся, а нужен какой-то особый порошок, именуемый «восстановленным железом». Где его взять, Петя не знал. И вдруг однажды, покупая в аптеке пирамидон для мамы, он увидел под стеклом на прилавке коробку с этикеткой: «Восстановленное железо. 20 порошков». Стоила она всего пятнадцать копеек. Купив коробку, Петя примчался домой, разломал электромоторчик, вынул из него маленький постоянный магнит и ткнул один из концов магнитика в порошок. Порошок повис на магнитике темно-серой кисточкой. Петя прижал большой палец к чистому листу бумаги, потом стал водить по этому месту магнитной кисточкой. Через несколько секунд проявился серый отпечаток пальца с отчетливым рисунком папиллярных линий. Петя, конечно, притащил магнитную кисточку в школу. Нечего и говорить, какое впечатление произвела она на шестиклассников. Что там шестиклассники! Однажды Петю остановил в коридоре высокий, толстый учитель физики Митрофан Фомич. Он сказал своим гудящим басом:

— А ты у нас, оказывается, вроде восходящего светила на поприще криминалистики. Мне в девятом «В» о твоих чудесах рассказывали.

Петя понимал, что школьная молва сильно преувеличила его успехи. Тем сильнее ему хотелось оправдать свою замечательную репутацию. Но никто больше никуда не убегал, ничего загадочного ни в школе, ни дома не случалось. Уже два месяца «восходящее светило» пребывало без работы.

И вот теперь это светило неслось по залитым осенним солнцем улицам, чуть не сбивая прохожих с ног.

МАША САМБО

Лишь прибежав во двор большого дома, в котором жила Пролеткина, Петя сообразил, что несолидно будет врываться к незнакомой девочке, пыхтя, как паровоз. Он сдержал себя и, вместо того, чтобы войти в подъезд, стал прохаживаться перед ним, ожидая, пока успокоится сердце.

Петя знал далеко не всех девочек в параллельных классах, и фамилия Пролеткина ему ничего не говорила. Пете представлялось, как он, спокойный, невозмутимый, входит в квартиру номер двести, как его встречает бледная от переживаний и бессонницы красавица, как эта красавица приглашает его в комнату, обстановку которой он тут же окидывает проницательным, все подмечающим взглядом, как эта красавица, с надеждой глядя на Петю, посвящает его в свою трагическую и таинственную историю.

Петя начал было придумывать эту таинственную историю, но вовремя вспомнил, что его ждет тайна не выдуманная, а настоящая. Он поднялся на третий этаж, нашел квартиру номер двести и позвонил.

Ему открыла девочка в черных шерстяных брюках и в синем свитере. Петины мечты о бледной красавице сразу рухнули. Перед ним была известная всей школе Маша по кличке «Самбо». Говорили, что ее старший брат увлекается этим видом борьбы и Маша научилась от него всем приемам. Она славилась не только ловкостью и силой, но и вспыльчивостью. Даже самые отчаянные мальчишки боялись ее задевать, потому что она бросала их через голову.

Ни красотой, ни бледностью Машка не отличалась. Лицо у нее было скуластое, розовощекое, нос вздернутый. Золотистые всклокоченные волосы были заплетены в две коротенькие, но толстые косички. Одна из них загибалась кренделем над ухом, а другая торчала в сторону параллельно плечу.

— Здравствуй! — сказала она деловито.— Вытирай ноги, а то бабушка никому житья не дает с этим паркетом. Вытер? Туда иди. — Самбо дернула подбородком вправо от себя.

Петя был человеком застенчивым. Властный тон Маши смутил его. Войдя в комнату, он совсем забыл «окинуть проницательным взглядом» обстановку. Он только заметил, что мебель в комнате «модернистая», а паркет сильно блестит.

— Садись! — приказала Самбо.

Петя на что-то сел.

— Ирина не дождалась тебя,— сообщила Маша.— Она с родителями на именины идет.

Самбо замолчала. Она прохаживалась взад-вперед, сунув пальцы в маленькие кармашки на брюках. Молчал и Петя. Он только теперь вспомнил, что забыл не только умыться, но и причесаться, и, когда Маша поворачивалась к нему спиной, торопливо приглаживал ладонями русые вихры.

Но вот хозяйка остановилась перед ним.

— Ирка правду говорит? Это в самом деле у тебя способности такие: всякие тайны расследовать?

— Конечно... смотря какие тайны,— скромно пробормотал Петя.

— О тебе невесть что говорят. Послушаешь — так Шерлок Холмс перед тобой младенчик.

— Это, конечно... Гм! Преувеличено, конечно.

— В том-то и дело, что преувеличено. Я наших знаю: убьешь муху, а они растрезвонят, что слона.

Петю это замечание задело.

— Ну вот, например, насчет мальчишек, которые бежали на Кубу,— это правда.

— Значит, это ты их поймал?

— Не поймал, а только определил, что они решили бежать на Кубу и что они собирались сначала заехать с дачи в Москву домой.

Самбо стояла над Петей, серьезно глядя на него. Глаза у нее были большие, длинные, темно-серые.

— И то хлеб,— сказала она.

Петя чутьем угадал, что перед этой девчонкой не следует изображать хладнокровного и опытного сыщика. От этого он сразу почувствовал себя свободней.

— Ну, так что у тебя за история?

Маша подошла к двери, бесшумно приоткрыла ее и прислушалась. Кругом было тихо, но по той осторожности, с которой Маша снова закрыла дверь, Петя догадался, что они в квартире не одни.

Самбо опять заходила по комнате.

— С чего бы это начать? Только ты не думай, что тут какое-нибудь преступление. Просто глупость какая-то, а вместе с тем все нервы мне истрепала.

— Так! Слушаю.

— Если в двух словах, то вот в чем дело: уже несколько раз пол в нашей кухне оказывается чисто вымытым, а его никто не мыл.

Чего-чего, а этого Петя никак не ожидал.

— Как это так: никто не мыл? — пробормотал он. Он даже заподозрил, что Самбо издевается над ним. Но она пояснила совершенно серьезно:

— Понимаешь, пол на самом деле кто-то моет, но все говорят, что никто не мыл.

— Погоди! Кто это «все»?

— Ну, наши семейные. Кого ни спросишь, каждый говорит, что он пола не мыл.

— А он вымыт?

— Ага. В понедельник бабушка специально на линолеум чернилами капнула. В среду пятно исчезло.

— Чудно! — сказал Петя. Он задумался, потирая ладонями коленки, потом поднял голову.— Слушай, а чего ты так волнуешься из-за этого?

Самбо широко расставила ноги и уперлась кулаками в бока. Глаза ее стали злыми.

— А потому, что в этом обвиняют меня. Вот почему! Понял?

Машка смотрела на него так, что детектив заерзал на месте.

— Ладно! Ты только, знаешь... не нервничай. Ты мне вот что объясни: мытье полов — дело полезное... Почему же ты говоришь, что тебя о б в и н я ю т в таком хорошем деле?

— А потому, что все они рассуждают так: если пол регулярно кто-то моет, значит, его кто-то регулярно и пачкает. А если он регулярно пачкает, значит, он занимается в кухне каким-то тайным делом.

— Ну, дальше!

— И все, как обычно, подозревают меня.

— Кто «все»?

— Ну, конечно, папа, мама и бабушка.

— А почему «как обычно»?

— Потому, что меня всегда во всем подозревают. Это уж так принято в семье: если что-нибудь случилось, значит, обязательно я виновата. Сначала было еще ничего, сначала они только посмеивались надо мной, а потом...

Самбо вдруг умолкла, скосив большие глаза на дверь. В следующий момент она бросилась к двери и распахнула ее. Петя заметил, что кто-то в передней быстро отскочил от двери.

— Ну? — грозно спросила Самбо.

— Мне авторучку взять,— послышался мягкий голосок.

В дверь мимо Маши бочком проскользнула щуплая девчонка лет одиннадцати в куцем темном платьице, с тонкими, как червяки, ногами в коричневых чулках. На Машку она походила лишь золотистыми волосами. Косички ее были аккуратно связаны под затылком, а лицо у нее было нежное, продолговатое и глаза не серые, а темно-карие.

— Бери свою авторучку и уматывай отсюда! — проворчала Самбо.

— Комната не твоя, а общая, и ты, пожалуйста, потише,— негромко ответила девчонка.

Тут только Петя заметил два столика, размещенные у противоположных стен. Они были сделаны из чертежных досок. Каждая доска была одним концом привинчена к стене, а другим концом опиралась на единственную ножку. Как видно, оба столика можно было опускать, как столики в железнодорожных вагонах. Над каждым столиком висели полки из неокрашенного дерева. На столике и на полке у левой стены царил образцовый порядок, с правого столика свисал чулок, среди разбросанных как попало книг и тетрадок топорщился ком железной проволоки. На полке рядом с книгами стояли банки с синей и зеленой жидкостью, а от них тянулись провода к какому-то ребристому прибору.

Самбо следила напряженным взглядом за вошедшей девчонкой. Та бочком подобралась к столику, на котором царил порядок, и пошевелила пальцем карандаши в пластмассовом стакане.

— Ну! Где твоя авторучка? — процедила сквозь зубы Маша.

— Значит, она у бабушки в комнате,— ответила девчонка и бочком вышла из комнаты, не поворачиваясь к Машке спиной. Так выходит укротитель из клетки с тиграми.

— Видал? — сказала Самбо, прикрывая дверь.— Подслушивала!

— Это твоя сестра?

— Ага. Заноза. Ты думаешь, ей авторучка нужна? Ха-ха! Она на тебя взглянуть приходила.— Самбо снова принялась ходить по комнате.— Теперь у нее ушки на макушке. Она знает, какая о тебе в школе слава идет, она понимает, что я не чай пить тебя пригласила. Теперь хвост подожмет.— Самбо вдруг резко остановилась перед Петей.— Спорим, что это она моет в кухне полы!

Некоторое время Петя оторопело смотрел на свою странную клиентку.

— Ладно! А почему ты так думаешь?

— Во-первых, потому, что больше некому, а во-вторых, потому, что она всякий раз испаряется, как только об этом заходит разговор.

Петя вдруг вскочил и тоже прошелся по комнате. Он весь подтянулся, тонкая загадочная улыбка появилась на его губах.

— Так! — сказал он звонким голосом.— Разреши мне задать тебе несколько вопросов.

— Задавай! Только потише.

— Не можешь ли ты перечислить книги, которые в последнее время читала твоя сестра?

— Могу. Ей недавно несколько штук подарили на день рождения.

— Прекрасно! А какие именно?

— «Дети капитана Гранта» — раз! «Лесную газету» Бианки — два! Повести Гайдара — три!..

— Стоп! Какие именно повести?

— Ну, «Школа», «Тимур и его команда», «Голубая чашка»...

— Так! Еще вопрос. Кто у вас в семье занимается хозяйством?

— Бабушка.

— Сколько бабушке лет?

— Шестьдесят один.

— Все! Вопросов больше не имею.— Петя сел, откинувшись на спинку дивана, заложив ногу за ногу. Самбо внимательно смотрела на него.

— Все ясно, как день! — проговорил детектив и загнул большой палец на левой руке.— Первое: ты права, пол в кухне действительно моет твоя сестра. Кстати, как ее зовут?

— Занозу? Люськой.

Петя загнул указательный палец.

— Теперь второе. Ваши домашние утверждают, что если кто-то моет пол, значит, он его и пачкает. На самом деле все гораздо проще. Твоя Люська начиталась Гайдара и теперь подражает Тимуру, тайно помогает бабушке. Понятно?

Петя умолк, ожидая, что Машка начнет восторгаться его проницательностью, но она стояла неподвижно, скрестив руки на груди, склонив голову набок.

— Лопух ты, а не сыщик,— грустно сказала она.

Детектив сразу скис. Он выпрямился, поджал ноги под диван.

— А что?.. Почему лопух?

— Я самого главного не договорила: Люська вошла и помешала.— Машка на секунду задумалась.— Знаешь что? Лучше ты сам посмотри. Идем на кухню!

ЗАГАДКА ЭЛЕКТРОПОЛОТЕРА

Самбо вышла в переднюю, Петя — за ней. Здесь Петя увидел немолодую, довольно полную женщину в пестром переднике с оборочками. Она что-то доставала из стенного шкафа. Шкаф был до отказа набит всякими хозяйственными вещами. Женщина потянула к себе какой-то предмет с длинной ручкой, а на нее сверху из шкафа вывалилась раскладушка.

— Господи! — жалобно воскликнула женщина.— Ничего никогда как следует не уложат! Маша, да помоги же ты наконец! Тумба какая-то!

Самбо подбежала к женщине, помогла ей запихнуть обратно раскладушку и вытащить из шкафа электрополотер. Женщина сразу повеселела.

— А это что-то новое лицо,— сказала она, глядя на Петю.— Может быть, ты меня все-таки познакомишь?

— Это Петя Калач из шестого «А». А это моя бабушка,— сказала Самбо.

— Здравствуй! — заулыбалась бабушка. — Извини, у меня руки грязные.— Она обратилась к Маше:— А вообще, когда знакомишь, надо имя-отчество называть: «Познакомься, это моя бабушка Ксения Ивановна», а не просто «бабушка», и все тут. Ужас до чего у нас Машка невоспитанна! Она, знаете...

Ксения Ивановна, как видно, любила поговорить. Петя подумал, что они надолго застрянут в передней, но тут дверь одной из комнат приоткрылась и из нее выглянула Заноза. Она как-то странно посмотрела на электрополотер, выскользнула в переднюю и сняла с вешалки пыльник.

— Бабушка, я пошла... Я прогуляюсь немного... Я пошла.

— И прекрасно! Чем меньше вас в квартире останется, тем лучше будет: мне сегодня полы натирать.

Петя почувствовал в этих словах намек: мол, ему тоже следует убраться из квартиры. Но Самбо мотнула головой, и он пошел за ней дальше.

Кухня у Пролеткиных была вся белая: белые кафельные стены, белый холодильник, покрытый белым

пластиком стол, два белых шкафа: один — на стене, другой — под широкой мойкой для посуды... Только линолеум на полу был обычный, коричневый.

Самбо нагнулась и, держась руками за колени, принялась оглядывать стены возле самого пола.

— Похоже, что бабушка все уже отмыла,— тихо проговорила она.— Хотя нет, погоди! — Она присела, глядя на стену рядом с газовой плитой...— Смотри!

Петя тоже присел.

— Брызги? — спросил он.

— Ага! — кивнула Маша.

Кафельные плитки в этом месте были усеяны грязными брызгами. Петя посмотрел на них и ничего не понял.

— Ну и что?

— А то, что вот таким образом все было забрызгано: все стены сантиметров на тридцать от пола, низ холодильника, ножки стола...— Охватив колени руками, Самбо посмотрела на детектива.— Ну? Может, и теперь ты скажешь, что это тимуровская работа? По-моему, за такую работу надо смертным боем бить!

— Да! Тимур, пожалуй, тут ни при чем.

— То-то и оно! А приписывают все это мне.

Оба помолчали, разглядывая серые крапинки.

— Часто это повторялось?

— Два раза. Первый раз набрызгали да так и оставили, а второй раз вытерли, но абы как.

Самбо хотела еще что-то сказать, но тут оба вздрогнули. В комнате за стеной раздался вой, похожий на вой сирены, через секунду к нему примешался отвратительный скрежет, потом все стихло.

— Дрянная, противная, возмутительная девчонка!— донесся в кухню голос бабушки, в котором слышались слезы.— Негодная, лживая, зловредная девчонка! — добавила она с еще большим накалом и вдруг крикнула что было сил: — К тебе, кажется, обращаются! Иди сюда!

Самбо вскочила, бросила на Петю значительный взгляд и, вся напружинившись, пошла из кухни. Петя — за ней.

Оба остановились в дверях большой комнаты, служившей, как видно, кабинетом и гостиной. Ксения Ивановна стояла, опираясь на ручку полотера. Широкое лицо ее дрожало.

— Ну... ну, вот что мне с тобой теперь делать? Ну... ну, что это такое? — воскликнула она и ладонью показала на пол.

Ребята увидели на блестящем паркете большое матовое пятно.

— Целый день, целый день, как проклятая, кручусь! — снова заговорила бабушка, глядя на внучку круглыми карими глазами.— Целый день то готовлю, то кормлю, то убираю, целый день даже минуты почитать не могу! И вот вам благодарность! Ну ты скажи: разве это не хамство? Ну ты ответь мне: кто тебе позволил полотер в воде мочить?

— Полотер? — растерянно переспросила Самбо.

— Вон, гляди: все щетки мокрые, хоть выжимай! — Ксения Ивановна наклонила полотер, показывая ребятам щетки, и даже потрогала одну из них.— Ну зачем тебе это нужно? Ну, ты мне ответь!..

Секунд десять Самбо молчала, прикусив нижнюю губу. Она дышала все сильней и сильней.

— Ах, значит, и полотер я тоже намочила! — сказала она наконец очень низким, грудным голосом.

— А кто же еще? Неужели я? Неужели мама или папа?

— Значит, и тут и тут я виновата, да? Значит, и тут Заноза ни при чем! Значит, и тут я плохая, а вы все хорошие, да?

— Ты... ты, Машка, пожалуйста, истерики не начинай.

— Не начинать истерики? — уже в голос кричала Самбо, заливаясь слезами.— Хорошо, я не буду начинать истерики, но... но... мне эта травля надоела... С меня довольно!.. Теперь все! Теперь все!.. Все!..

Тоненько завыв, Машка убежала в кухню. Затем пролетела через переднюю в свою комнату, а затем опять мелькнула в передней и хлопнула выходной дверью. На лестнице она снова тоненько взвыла и затарахтела подметками по ступенькам. Эти звуки быстро замерли.

Свое «Теперь все!» Машка выкрикнула так трагически, что Петя подумал, не собирается ли она броситься под троллейбус. Но Ксению Ивановну, как видно, такие мысли не тревожили. Она оставила полотер и поправила пеструю косынку на рыжеватых крашеных волосах.

— Вот так мы и живем,— обратилась она к Пете.— Тебе же напакостят, и ты же виновата.

В этот момент следователя поразила такая замечательная догадка, что он приоткрыл рот и уставился на бабушку с самым идиотским видом.

— Я говорю, вот так мы и живем,— повторила Ксения Ивановна, думая, что Петя не расслышал.

— Да. Конечно,— пробормотал следователь, пятясь в переднюю.— Конечно! Всего хорошего!

ДАКТИЛОСКОПИЯ

Почти кубарем скатился Петя вниз по лестнице, как пробка вылетел он из подъезда во двор. Двор был очень просторный, благоустроенный. Петя повертел головой, и перед глазами заметались зеленые газоны, желтые тополя, красно-белые клумбы, разноцветные скамейки и коляски для малышей. Ребят по двору бегало много, Петя оглянул самые дальние уголки двора, но Самбо там не увидел.

Он обнаружил ее совсем близко. Заложив руки за спину, она прохаживалась в своих черных брюках перед самым подъездом. В одном месте на асфальтовой дорожке лежала абрикосовая косточка. Всякий раз, проходя мимо, Самбо пыталась наподдать косточку ногой, но это ей не удавалось: то ли косточка лежала в углублении, то ли она прилипла к асфальту.

В глазах у Самбо уже не было ни слезинки. В другой раз Петю удивила бы такая быстрая перемена, но сейчас ему было не до того.

— Эй ты! — крикнул он. Застенчивость уже не мучила его.

Самбо оглянулась. Следователь стоял на крыльце, красный от волнения, сердито вытянув из грубого пиджака тонкую шею. На голове его топорщилось множество прямых вихров.

— Чего ты сбежала?! Самый решительный момент, а она исчезла куда-то!

— Ну... психанула немножко. Ты не обращай внимания. А почему «решительный момент»?

Петя страшно вытаращил на нее глаза.

— Почему решительный момент? А ты что, не понимаешь? Ты не понимаешь, что между брызгами на стене и мокрым полотером есть... эта... как ее?.. прямая связь!

— Связь?

— И теперь не понимаешь? Ведь это п о л о т е р о м полы в кухне мыли и забрызгали стены! Щетки вращались и брызгали!

Самбо сцепила руки на животе и втянула голову в плечи.

— Ой, слушай!.. Верно ведь!..— как-то испуганно проговорила она, глядя снизу вверх на Петю.

Следователь по-прежнему стоял на крыльце. Он уперся кулаками в бока.

— Если мы сумеем завладеть полотером, твоя сестра завтра же будет разоблачена. Если, конечно, это она моет пол.

Самбо по-прежнему смотрела на него.

— Дак-ти-ло-ско-пи-я! — отчеканил следователь.— Знаешь, что это такое?

Самбо молча покачала головой.

— Одним словом, надо исследовать отпечатки пальцев на электрополотере.

— Гм! А ты умеешь?

— Не умел бы, не говорил. Пошли!

У Маши был свой ключ от квартиры. Вернувшись, они застали Ксению Ивановну в передней. Она надевала перед зеркалом шляпку.

— Успокоилась, красавица? — уже добродушно сказала она.— Вот и прекрасно! Но все-таки относительно полотера мы еще поговорим. Вечерком, когда все соберутся. Одной мне как-то не под силу с тобой разговаривать.

Лицо у Маши стало краснеть, глаза расширились, но Петя уже совсем освоился с ней. Он взял ее за руку и ввел в комнату.

— Спокойно!—сказал он, прикрывая дверь.—Пусть бабушка уйдет, тогда начнем действовать.

Ждать пришлось долго. Слышно было, как бабушка ходит из передней в комнату и обратно, щелкает замком сумочки, позвякивает ключами. Петя вспомнил, что давно хотел задать Маше один вопрос.

— Слушай, почему все так дружно подозревают в разных проделках именно тебя? Только ты по-честному скажи, это что: несправедливость, или у них есть какие-нибудь причины?

Самбо подумала и сказала, что причины, пожалуй, все-таки есть.

— Во-первых, у меня, как папа говорит, преобладают мужские интересы.

— А именно?

— Например, я увлекаюсь техникой... Потом моих родителей за драку в школу вызывали. Особенно неприятно было, когда я Морозову плечо вывихнула.

— Так! Дальше!

— Ну... еще у меня есть такая черта... Я, например, запустила в комнате ракету из пленки и спалила ею занавесь. Все утверждали, что это я сделала, а я твердила, что ничего подобного.

— Боялась, что попадет?

— Ну да еще! Ничего я не боялась. Просто разозлилась, что все сразу подумали на меня.

— А потом как же?

— А через неделю созналась. Когда всем надоела эта история.

И Самбо добавила, что так повторялось несколько раз, что такой уж у нее особенный характер.

— Если меня по-хорошему спросят, кто это натворил, я тут же честно признаюсь. А если сразу скажут: «Ну, конечно, это Машкиных рук дело», — я назло все буду отрицать, а через несколько дней все равно расскажу правду.

Петя хмыкнул. Он сказал, что при таком характере старшей сестры Люся, и правда, может безнаказанно вытворять все, что угодно.

— А то нет! — дернула плечами Самбо.— Тут вся моя трагедия и заключается: Заноза пользуется, что мне никто не верит, и преспокойно брызгает грязью на стены.

Петя опять взъерошил свои вихры.

— Маша! Давай вот прикинем: зачем ей это нужно?

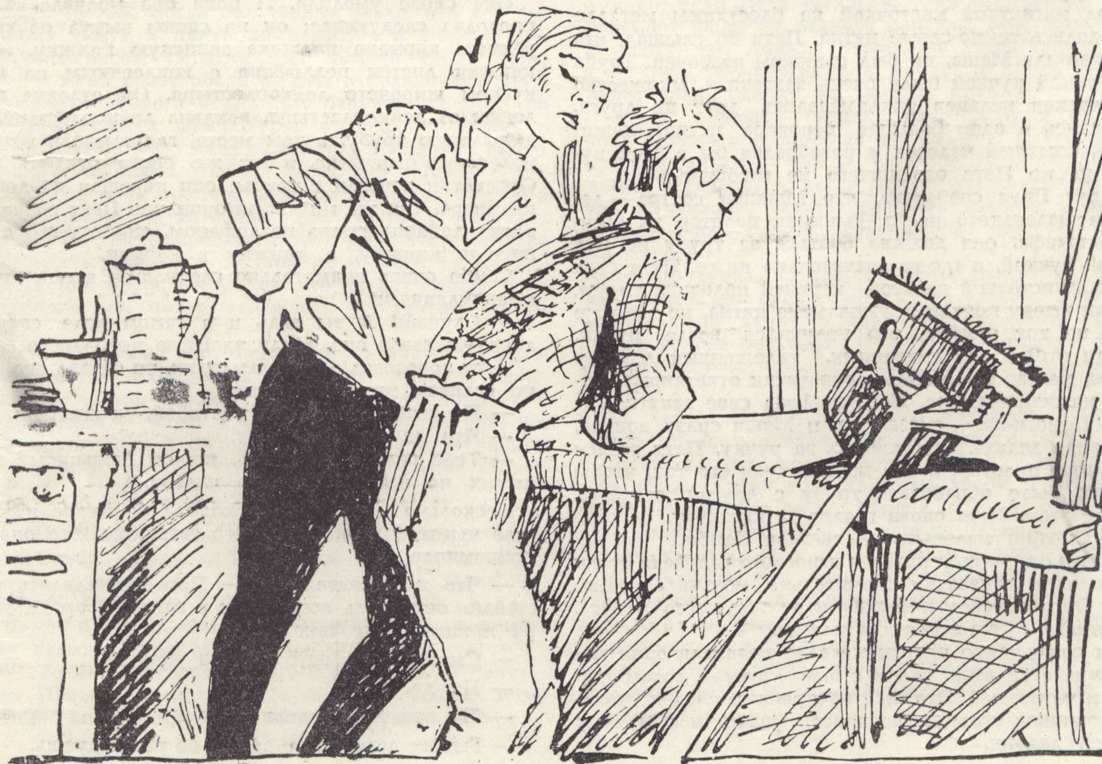
— Я сама все мозги над этим вопросом свихнула.

— А может быть, это не она?

Самбо широко развела руки.

— Ну, а тогда кто же, в самом деле? Ну, ведь не мама же, не папа, не...

Дверь приоткрылась, в комнату заглянула бабушка.

— Я в клуб пошла.— Она, улыбаясь, обратилась к Пете.— Благодаря внучке я могу хоть прогуляться перед собранием. Начала было полы натирать, а теперь, оказывается, и отдохнуть можно. До свидания, молодой человек! Заходите к нам!

Как только бабушка ушла, ребята бросились в комнату, где она натирала полы, но электрополотера не оказалось. В стенном шкафу они его тоже не нашли. Они обнаружили полотер на подоконнике в кухне: Ксения Ивановна положила его туда сушиться.

Маша посмотрела на полотер, на Петю... В ее голосе снова появились недоверчивые нотки.

— Ну, и как же ты будешь их исследовать, отпечатки пальцев?

Петю ее тон не смутил. Машка еще не слышала о магнитной кисточке, и это только обрадовало его.

— Ты вот что,— проговорил он негромко, но твердо: — ты смотреть смотри, но не вздумай и пальцем прикасаться к полотеру. Понятно?

Самбо кивнула и притихла.

«Спокойно! Главное, не суетись!» — сказал Петя уже не вслух, а мысленно. Он извлек из кармана пластмассовую коробочку, магнитик, лупу и разложил все это на подоконнике; он снял пиджак и повесил его на спинку стула; он засучил рукава клетчатой рубашки.

— Так! Приступим!

Детектив открыл коробочку, сунул в нее магнитик и тотчас вынул его с повисшей на нем темно-серой кисточкой.

Петя понимал, что сама ручка полотера уже захватана Ксенией Николаевной и ею заниматься не следует. Он принялся осторожно водить кисточкой по дюралевой трубе, на которой держалась ручка. Самбо стояла за его спиной и дышала ему на правое ухо.

— Смотри! Смотри! — прошептала она через минуту. — Ой... а я ведь не верила... Думала, что все это врут про тебя.

Под магнитной кисточкой на блестящем металле появлялись темно-серые пятна. Петя не слышал, что прошептала Маша, он был слишком озабочен. Труба под самой ручкой была очень захватана, множество отпечатков пальцев накладывались друг на друга, сливались в одно большое неровное пятно. Может быть, опытный человек и разобрался бы в этой путанице, но Пете она ничего не говорила.

Вдруг Петя сообразил, что Машина сестра — девочка маленького роста. Вынимая полотер из стенного шкафа, она должна браться за трубу не под самой ручкой, а где-то значительно ниже. Петя стал водить кисточкой по всей верхней половине трубы. Почти всюду появлялись овальные пятна, но это уже был не тот сумбур, что получился возле ручки. Среди отпечатков смазанных, наложенных друг на друга, можно было видеть отпечатки отчетливые, ничем не испорченные. Петя прервал свое занятие.

— Помоги-ка! — сказал он, и Маша сразу поняла, что надо делать. Она взялась за ручку, Петя взялся за самый полотер, и оба перевернули его так, чтобы можно было обработать трубу с другой стороны. После этого Петя снова взялся за кисточку.

— Смотри: маленькие! — сказала Самбо.

Среди отпечатков пальцев взрослого человека стали появляться отпечатки значительно меньших размеров. Петя перевел кисточку в другое место и тут... тут и он и Маша перестали дышать.

На совершенно чистом металле появился один маленький отпечаток, рядом с ним — другой, затем третий и четвертый. Это был прекрасный след не только кончиков пальцев, но и всех фаланг и выпуклых частей ладони.

— Видала! — тихо сказал детектив.

Самбо кивнула.

— Попалась Заноза! — так же тихо сказала она.

Петя поднес к отпечаткам лупу.

— Наклонись! Видишь: узоры? Это папиллярные линии. Теперь тебе надо получить отпечатки пальцев своей сестры, и, если узоры совпадут, тогда все: она разоблачена.

— А как их получить, эти отпечатки?

— Чернила для авторучки есть? Только синие надо, а не черные. Намажь ей чернилами пальцы, не очень густо, подожди, чтобы чернила высохли, потом слегка смочи лист гладкой бумаги и прижми к нему ее пальцы.

— Ничего себе работка! — воскликнула Самбо:— «Намажь ее пальцы, дай высохнуть, намочи бумагу, прижми ее пальцы...» Так она мне и позволит все это над ней проделать. Она такой визг подымет — держись!

— А ты на хитрость ее возьми, скажи, что хочешь фокус показать...

Самбо осторожно приподняла трубу и стала разглядывать след руки.

— Вот это мизинец, как видно,— сказала она.— Вот это безымянный, это средний, а это указательный... А где же большой палец?

Петя тоже со всех сторон осмотрел трубу. Потом он снова взялся за кисточку и долго работал ею, но отпечаток большого пальца так и не проявился.

— Вот это да! — сказал следователь и взялся за затылок.

Оба долго смотрели друг на друга.

— Что же это такое? — спросила Маша.

— А то,— отчеканил следователь,— что у твоей сестры есть сообщник и у этого сообщника не хватает на руке большого пальца.

— Четырехпалый сообщник! — прошептала Самбо.— Ты гляди! Как в книжке!

Она снова умолкла. И пока она молчала, Петя проделал следующее: он не спеша вынул из внутреннего кармана пиджака записную книжку, а из книжки листок целлофана с наклеенным на него куском широкого лейкопластыря. Он отделил целлофан от лейкопластыря, наклеил лейкопластырь на дюралевую трубу, в том месте, где темнели четыре маленьких отпечатка, и тут же снова отклеил его. Отпечатки исчезли с трубы: они перешли на лейкопластырь. Так же молча, неторопливо Петя снова заклеил лейкопластырь целлофаном, спрятал его в записную книжку, а книжку в карман.

Самбо очень внимательно следила за всеми этими манипуляциями.

— Слушай! А ты ведь и в самом деле специалист,— сказала она, глядя на Петю исподлобья.

Петя порозовел от удовольствия, но сделал вид, что не слышал этого замечания.

— Ну вот! Теперь дело за тобой,— сказал он.

— Что за мной?

— Тебе надо припомнить, кто из Люськиных знакомых не имеет большого пальца.

Несколько минут Самбо ходила по кухне и шептала чьи-то имена. Ни одного четырехпалого она не припомнила.

— Что ж! — сказал Петя.— Придется сделать так: сегодня осмотреть всех ребят в вашем дворе, а завтра приняться за школу.

— Смотреть, у кого пальца нет?

— Ну да.

— На это две недели уйдет.

— Бывает дело, что и за год не расследуешь.

Самбо как-то скисла. Она сунула в рот кончик косы и пожевала его, глядя куда-то в окошко. Потом она прошлась по кухне, задевая боками то плиту, то стул, то угол шкафа. Потом остановилась перед Петей.

— Ты «Геккельбери Финна» читал?

— Читал, конечно.

— Помнишь, как они с Томом Сойером негру Джиму готовили побег? И подкоп рыли, и веревочную лестницу в пирог запекали, а нужно было только открыть замок у чулана.

Детектив обиделся.

— Короче, ты хочешь сказать, что я говорю глупости.

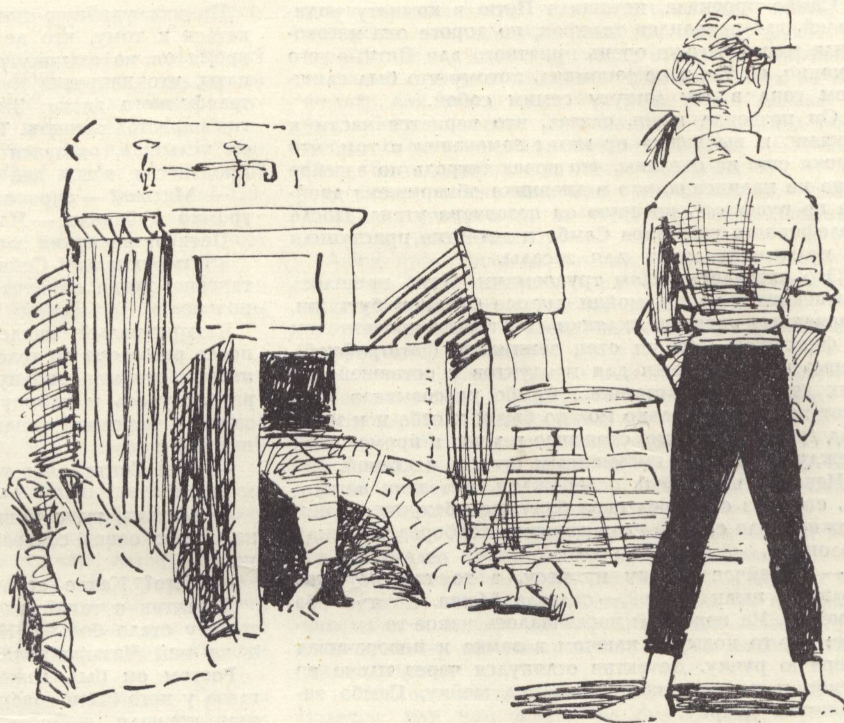
— Не глупости, а просто зачем искать четырехпалого среди сотен людей, если мы их сегодня можем сцапать... И Люську и твоего четырехпалого.

— Гм! А как?

— Я для этого тебя и звала.

— Для этого и звала?

— Ага. Я думала, тебе интересно будет в засаде посидеть.

ЗАСАДА

План у Маши был очень простой. По ее словам, Люська занималась своей преступной деятельностью лишь в те дни, когда она твердо знала, что все домашние уйдут и никто не вернется в течение нескольких часов. Сегодня был именно такой день. Папа и мама сразу после работы отправлялись смотреть двухсерийного «Гамлета», бабушка уходила на заседание совета пенсионеров в соседнем клубе, а Маша должна была идти на занятия школьного кружка юных техников. Люська знает, что сегодня с шести вечера и по крайней мере до половины девятого в квартиру никто не войдет. Вот тут бы и застукать Занозу на месте преступления! Для этого нужно освободить шкаф под мойкой от всякого хлама, посидеть там часок, наблюдая, что делает Заноза и ее четырехпалый, потом выскочить и схватить их за руки.

Петя выслушал этот проект без всякого восторга. Одно дело — исследовать отпечатки пальцев, сопоставлять улики, строить сложные умозаключения, а другое дело — сидеть в чужой квартире, согнувшись в три погибели в низеньком шкафу среди пауков, и ждать: то ли приступит Люська к своим таинственным занятиям, то ли нет.

Петя молчал.

— Ну говори: согласен или отказываешься? — сказала Самбо.— Времени не так уж много осталось.

— А почему тебе самой в шкаф не залезть? — спросил Петя.

Самбо ответила, что она не может пропустить сегодня занятия кружка.

— То есть сегодня у нас, собственно, и занятий нет. Просто мы делаем генеральную уборку помещения. Если я пропущу, могут подумать, что я от черной работы отлыниваю. А потом мне хочется, чтобы их кто-нибудь посторонний застукал, чтобы у меня свидетель был.

Петя колебался. Чтобы оттянуть время, он спросил Самбо, как она думает осуществить свой замысел практически. Самбо ответила, что у нее все продумано: если Петя согласен, они быстренько освобождают шкаф от всякого барахла. Как только они услышат, что Люська открывает дверь своим ключом, Петя забирается под мойку, а Маша говорит Занозе, что уходит на занятия кружка.

— Ну, хорошо,— сказал Петя.— А если твоя Заноза никакого сообщника не позовет, будет просто книжки читать — что ж, мне под мойкой так все время и сидеть? А когда придут твои родители, что мне прикажешь делать: вылезать при них и раскланиваться или сидеть скрючившись, пока все спать не лягут?

Все продумала Самбо, но такой возможности она, как видно, не предугадала. Она снова вразвалку заходила по кухне, глядя себе под ноги, постукивая ногтем большого пальца по нижним зубам. Ходила она на этот раз очень долго. Ходила и молчала.

— Ладно! Иди! — сказала наконец она.— Я думала, с тобой, и правда, можно дело иметь.

И Петя вдруг почувствовал, что ему жалко расставаться с этим таинственным делом о забрызганных стенах, и с самой Машей, и даже со шкафом под мойкой, в котором он еще не сидел, но внутренность которого ему уже отчетливо представлялась. По сравнению с сильной, энергичной Самбо он показался сам себе хлипким, каким-то комнатным, даже немного смешным со своей магнитной кисточкой и логическими рассуждениями.

— Ладно! — сказал он.— Разгружай мойку, а я пойду маме позвоню, что задержусь надолго. Где у вас телефон?

Самбо просияла, потащила Петю в комнату родителей, где находился телефон, по дороге она наговорила много чего-то очень приятного для Пети — чего именно, он так и не запомнил, потому что был слишком горд в эту минуту самим собой.

Он позвонил маме, сказал, что вернется часам к восьми, и выслушал от мамы замечания о том, что уроки еще не сделаны, что новая тетрадь по алгебре еще не надписана, что в дневнике обнаружена двойка по русскому, которую он позавчера утаил. После телефонного разговора Самбо и детектив приступили к подготовке места для засады.

Это оказалось делом трудоемким. Пете пришлось вытаскивать из-под мойки пустые банки и бутылки, порванные авоськи, склянки со старым проявителем и фиксажем (Машин отец занимался фотографией), дерматиновые сумки для продуктов с оставшейся в них землей от картошки... Самбо рассовывала весь этот хлам куда только можно было: к себе и к маме под диван, за трюмо, стоявшее в углу, в промежуток между отцовским письменным столом и стеной.

Наконец шкаф был освобожден. Детектив нагнулся, еще раз осмотрел свое будущее убежище. В нем можно было сидеть, если держать подбородок между коленями.

— Я сейчас тряпку принесу, а то там паутины полно и пыли всякой,— сказала Маша, но тут оба замерли. Из передней послышалось какое-то царапанье: кто-то ковырял ключом в замке и поворачивал дверную ручку. Детектив оглянулся через плечо на Самбо и на карачках уполз под мойку, Самбо захлопнула дверцу.

Едва Петя уселся в шкафу более или менее удобно, в кухне послышались легкие, чуть шаркающие шаги и тоненький голосок:

— А где бабушка?

— Ушла прогуляться, потом пойдет прямо в клуб. Ты сегодня ужинать будешь одна. Мама с папой на «Гамлета» пойдут, а мне на кружок надо.

— Я знаю,— тихо ответила Заноза.

— Курица в холодильнике, картошка на сковороде. Я пойду переоденусь.

Самбо ушла из кухни. Люся прошаркала куда-то в сторону окна. Несколько секунд стояла полная тишина. Вдруг что-то негромко брякнуло. Похоже было, что Люська обратила внимание на мокрый полотер и теперь разглядывает дюралевую трубку с отпечатками пальцев. Детектив сидел скрючившись и проклинал себя и Машку за то, что они не убрали полотер.

— Людмила! Я, значит, пошла,— донесся из передней голос Маши.— Ты дома будешь?

Петя услышал, как Заноза шмыгнула прочь от подоконника.

— Не знаю... Может, прогуляться пойду,— ответила Люся таким безразличным тоном, что детектив подумал: «Может, пронесло. Может, она не обратила внимания на полотер».

Хлопнула входная дверь. Люся ушла в комнаты. Тут Петя смог ориентироваться в своем убежище и разместиться в нем поудобнее. До сих пор он сидел скорчившись, упираясь спиною в боковую стенку шкафа, а затылком — в нержавеющую сталь, из которой была сделана мойка. Он сидел не под раковиной, а под тем местом, куда ставили вымытую посуду, то есть в самом высоком месте шкафа. Теперь он сообразил, что если протянуть ноги под раковину, то можно сесть поудобней: бочком, полулежа. Петя так и поступил и тут же сделал новое открытие: между дверцей и верхней частью мойки тянулась довольно широкая щель, в которую была видна значительная часть кухни.

Приняв удобную позу, детектив стал прислушиваться к тому, что делается в квартире. Некоторое время он не слышал ровно ничего. Но вот из комнаты, что напротив кухни, донеслось потрескивание телефонного диска: Заноза кому-то звонила. Детектив перестал дышать. Телефонный разговор, который он услышал, оказался удивительно коротким. Люся произнесла всего два слова:

— Митька? — спросила она негромко и так же негромко добавила: — Иди!

Петя от волнения заерзал в своем шкафу.

«Четырехпалый! Сейчас придет Четырехпалый! Интересно, когда он явится? Через пять минут? Через полчаса?»

Четырехпалый явился гораздо быстрей. Сразу после разговора по телефону Заноза прошла в переднюю и открыла входную дверь. Петя услышал, как распахнулась и хлопнула дверь соседней квартиры, затем в передней раздался торжествующий мальчишеский голос:

— Все! Считай, что теперь все! Считай, что готова машина!

— Митька, ты с машиной сейчас подожди! Митька, у нас очень серьезное положение,— сказала Заноза.

— Чего? Какое серьезное?

Детектив с такой силой припал к щели, что лбу и носу стало больно. И вот в кухню вошла Заноза, а за ней Четырехпалый.

Ростом он был даже поменьше Люси. Голова и глаза у него были совершенно круглые, нос кнопкой, уши торчали, а брови отсутствовали.

— Где серьезное?.. Чего серьезное?—повторил пришелец. Как видно, это был человек горячий, энергичный. Говорил он быстро и громко, а когда оглядывался, резко дергал головой. На какой руке у него не хватало пальца, Петя разглядеть не смог.

— Митька, нас выследили,— почти шепотом сказала Заноза.— Иди сюда! Гляди! — Она увела своего сообщника к окну, и оба исчезли из поля зрения детектива. Теперь он слышал только их разговор.

— Ну? — спросил Четырехпалый.

— Во-первых, бабушка обнаружила мокрый полотер. Она им паркет у себя в комнате испортила.

— Попало?

— Пока не попало. Потому что меня дома не было. Но, конечно, попадет... Митька, но это не самое главное... Вот, смотри! Видишь?

— Ну, кто-то хватал трубу грязными руками.

— А чьи это «грязные руки»? Чьи это отпечатки пальцев? Ты знаешь? — тихо, но взволнованно произнесла Заноза.— Это же наши отпечатки пальцев!

— Во! «Наши»! — усмехнулся Четырехпалый.— Что мы, в саже сначала руки пачкали, прежде чем полотер брать?

Тут Заноза объявила Митьке, что он ничего не понимает, что он полный дурак, что он совсем как маленький ребенок. Она рассказала ему, что Самбо пригласила на помощь Петю Калача, а тот, как Митька сам знает, известен всей школе своей страстью к расследованиям, и своей магнитной кисточкой, с помощью которой он проявляет отпечатки пальцев.

Четырехпалый понял все, но нисколько не испугался.

— Вот это да! Это, значит, наши отпечатки пальцев, Люськ! Вот бы узнать, из чего делают эту магнитную кисточку!

— Митька! Ну... Ну, ты совсем глупенький! Ты понимаешь, что мне от Машки теперь жизни не будет, а тебя Машка так отлупит, что ты неделю больной пролежишь!

В голосе Четырехпалого снова появились торжествующие нотки.

— Отлупит? А на что спорим, что не отлупит? Хочешь, нас завтра... нет, послезавтра в школе на руках будут носить, а еще через неделю наши портреты в «Пионерской правде» появятся. Хочешь?

— Ну, хочу, конечно!..— уже другим тоном сказала Заноза.— Только ты говори яснее: в чем дело?

— В чем дело? Пылесос, вот в чем дело! Понимаешь?

Как видно, Люся ничего не понимала. Она молчала.

— Полотер моет, а пылесос воду отсасывает,— торжественно и медленно отчеканил Четырехпалый.— Теперь понимаешь?

Наступила долгая пауза.

— Митька, ты, кажется, гений,— тихо произнесла Заноза.

— Неси пылесос! — приказал «гений».— Завтра твоя Самбо гордиться будет, что у нее есть такая сестра.

В шкафу под мойкой стояла жара: где-то поблизости проходила труба с горячей водой. Пете было душно, у него затекла правая рука, на которую он опирался, болела шея, потому что голову нужно было держать прижатой к плечу. Но детективу казалось, что он готов просидеть в таком положении хоть до поздней ночи, лишь бы только узнать, что значит вся эта возня с пылесосом и чем она кончится.

Теперь он снова мог видеть заговорщиков. Они то уходили из кухни, то возвращались. С изумлением детектив убедился, что Четырехпалый вовсе не четырехпалый, что на обеих Митькиных руках все пальцы целы. Заноза принесла откуда-то красивый, обтекаемой формы пылесос. Митька извлек из него фильтр для пыли, сказав, что он будет только мешать. Затем пылесос поставили на стул, да в таком месте, словно нарочно позаботились о том, чтобы Пете было удобнее на него смотреть.

— Ведро тащи или таз какой-нибудь,— сказал Митька, прикрепляя к пылесосу гофрированный шланг с наконечником.

Люся притащила из ванной большой эмалированный таз и поставила его на пол под пылесосом в противоположном конце от шланга.

— Из кружки будем или кишку принести? — спросила она Митьку.

— Кишку давай. Чтобы все как полагается было.

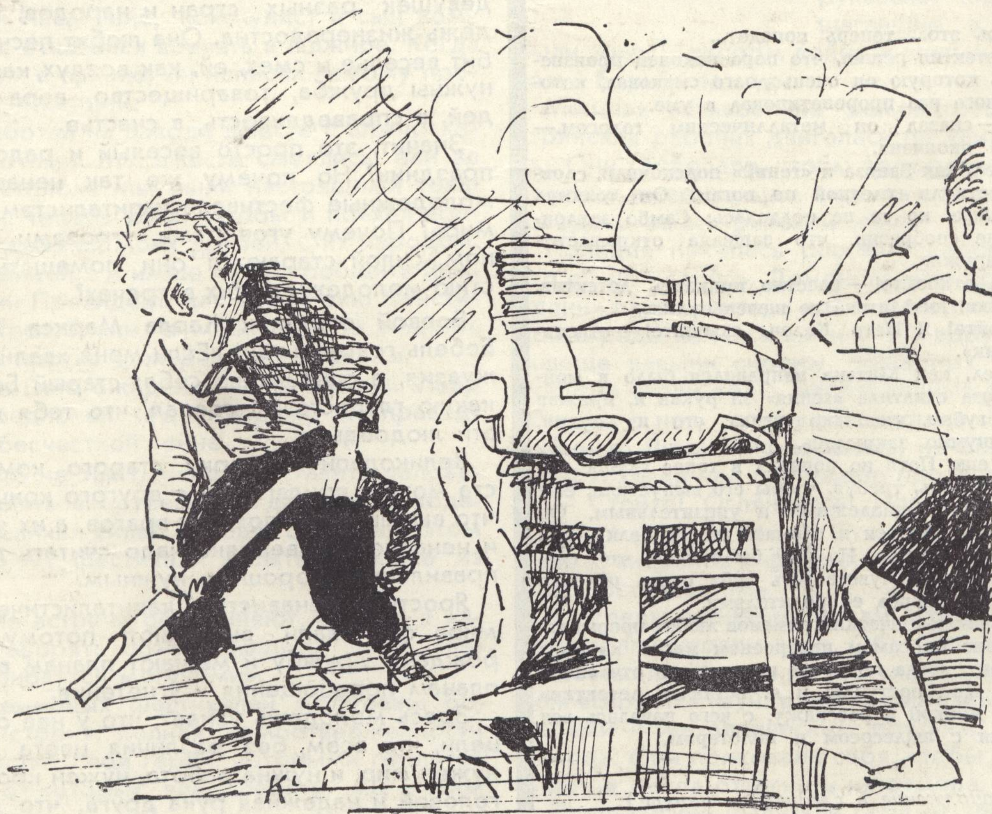
Заноза ушла и вернулась с кишкой, такой же толщины, как для клизмы, но только раза в три длинней. Она подошла вплотную к мойке, и Пете на некоторое время ничего не стало видно. Он только по звукам мог догадаться, что Люся насаживает конец кишки на водопроводный кран.

— У меня все, — тихо произнесла Заноза, и Петя снова увидел перед собой красивый пылесос.

— И у меня все, — отозвался Митька, втыкая вилку от пылесоса в штепсель у двери. Он отошел от штепселя и взялся за гофрированный шланг.

— Митька, ты волнуешься? — чуть слышно спросила Заноза.

— Малость есть, конечно... Все-таки судьба решается: или нам жизни не будет, или...

Заноза не дала ему договорить.

— Митька... пускать воду?

— Пускай! — немного хрипло ответил Митька.

Над головой у детектива зашумела по трубе вода. В следующее мгновение взвыл мотор пылесоса.

Петя увидел, как по линолеуму растекается большая лужа. Митька схватил наконечник пылесоса и стал водить им по этой луже.

— Качает! Качает! — закричала Люся.— Ой, ты смотри, даже перебрызгивает через таз!

Из заднего отверстия пылесоса хлестали мелкие брызги. Они проносились над тазом и улетали куда-то в коридор. Держа в одной руке кишку, Заноза другой рукой приподняла таз так, чтобы брызги попадали в него. Хорошенькое лицо ее сияло.

— Митька! Ты гений! Нет, Митька, ты просто гений!

Митька не слушал ее.

— Эту штуку надо резиной обклеить,— говорил он, орудуя наконечником.— Тогда еще лучше к полу прижиматься будет. Еще сильнее будет тянуть.

Детектив заметил, что лицо Занозы как-то вдруг изменилось, она с тревогой смотрела на пылесос. Из него теперь летели не только брызги, из него еще валил и пар. Изменился и звук, с которым работал мотор. Сначала он выл тонким голосом, а теперь выл натужно и прерывисто.

Заноза поморгала длинными ресницами. Она хотела что-то сказать своему сообщнику, но тот и сам заметил, что с пылесосом дело обстоит неладно, и, прекратив работу, уставился на машину.

Пылесос зашипел, потом в нем что-то треснуло. Шум мотора утих. Несколько секунд изобретатели молчали.

— Перегорел,— сказал наконец «гений».

— Митька! Что же теперь будет?— прошептала Заноза.

— Теперь это... теперь попадет...

И тут детектив решил, что пора наконец произнести фразу, которую он очень долго смаковал, которую он много раз прорепетировал в уме.

— Так! — сказал он металлическим голосом.— Ваша игра окончена.

Он увидел, как Заноза и «гений» подскочили, словно их хлестнули плеткой по ногам. Он толкнул дверцу шкафа, но та не поддалась: Самбо захлопнула ее, не сообразив, что защелка открывается только снаружи.

— А ну, откройте! — властно приказал детектив.

Ни Люська, ни Митька не шевельнулись.

— Откройте! Я Петр Калач, слышите! — отчеканил «сыщик».

Он увидел, как Митька направился было к мойке, но Заноза схватила «гения» за рукав и, прижав пальцы к губам, тихонько увела его из кухни. Дверь бесшумно закрылась.

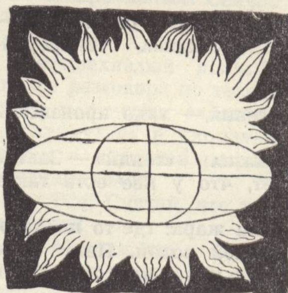
Никогда еще Петя не попадал в такое глупое положение. Кричать, требуя, чтобы его выпустили, ему казалось делом безнадежным и унизительным. Он мог бы поднатужиться и сломать или защелку, или самую дверцу шкафа. Но ему было ясно, что, сделав это, он будет чувствовать себя очень неловко перед Самбо и перед ее родителями.

Авторы приключенческих романов любят прерывать повествование на самом интересном месте, как раз в т момент, когда герои их попадают в отчаянное положение. Так поступлю и я: оставлю детектива сидеть под мойкой и расскажу, с чего началась вся эта история с пылесосом и полотером.

(Продолжение в следующем номере.)

ПЕСНЮ

Девять всемирных

Скоро, 28 июля, в столице Алжирской республики— городе Алжире откроется Всемирный фестиваль молодежи и студентов, девятый по счету.

Слово «фестиваль» означает «праздник». И, пожалуй, мало есть событий на свете, к которым так подходило бы это слово. Мало найдется праздников, где бы звенело столько песен, где бы светилось столько улыбок, где бы сердца были так открыты для дружбы. Ведь на всемирных фестивалях встречаются десятки тысяч юношей и девушек разных стран и народов. Молодежь жизнерадостна. Она любит песни, любит веселье и смех, ей, как воздух, как хлеб, нужны дружба, товарищество, вера в людей, в справедливость, в счастье.

Значит, это просто веселый и радостный праздник? Но почему же так ненавистны молодежные фестивали капиталистам всего мира? Почему уговорами, угрозами, обманом, силой стараются они помешать участию молодежи в этих встречах?

Боевой соратник Карла Маркса Август Бебель говорил так: «Если меня хвалит буржуазия, я спрашиваю себя: старый Бебель, какую глупость ты сделал, что тебя хвалят эти людоеды?»

Великолепную мерку старого коммуниста можно прилагать и с другого конца. То, что вызывает не похвалу врагов, а их ярость и ненависть, наверняка надо считать делом правильным, хорошим, нужным.

Ярость и ненависть капиталистического мира фестивали вызывают потому, что рождают дружбу и мешают планам войны, планам порабощения и угнетения.

Здесь молодежь узнает, что у нее общие цели, что всем, без различия цвета кожи, нужен мир, и нужна работа, нужен кров над головой и надежная рука друга, что и бе-

ДРУЖБЫ ЗАПЕВАЕТ МОЛОДЕЖЬ...

Е. РУБЦОВА

Рисунки В. Неклюдова.

лые, и черные, и желтые одинаково страдают, одинаково радуются, любят и ненавидят. И что преградой на пути к счастью у всех одно и то же: война, угнетение, неравенство. И цели в борьбе у всех общие: против войны, против угнетения, против неравенства, за дружбу и мир.

Вот этим и страшны фестивали для тех, кто готовит и ведет войны. Веселые, полные смеха, улыбок и песен, молодежные фестивали рождают доверие и дружбу, а в друга разве будешь стрелять?

В годы, когда Франция вела войну против алжирского народа, молодой французский рабочий Пьер Гийо, коммунист и сын коммуниста, отказался воевать в Алжире. Когда его взяли в армию, он написал самому президенту Франции:

«Я работал на заводе вместе с алжирскими рабочими. Мы вместе смеялись, ели за одним столом. Мы были настоящими товарищами. Теперь хотят, чтобы я поехал воевать с семьями моих друзей, с их народом, с их родиной... Я имею честь сообщить Вам, господин Президент, как хранителю Конституции Республики, о моем отказе поднять оружие против алжирского народа...»

Пьера Гийо ожидали суд и тюрьма. Пьер Гийо предпочел суд и тюрьму несправедливой, бесчестной войне.

Да, это не так просто — заставить человека стрелять в друзей! Да, дружба молодежи — великая сила! Хорошо сказал об этом делегат VI фестиваля Вальтер Слапке из ГДР:

«Такие встречи объединяют, а у нас в народе говорят: объединившись, даже слабые становятся могучими».

У всемирных фестивалей молодежи богатая история, полная самоотверженности и мужества, свои герои, которыми гордится мир и о которых вам, ребята, мы хотим рассказать.

Двое у ограды

Люди в колоннах несли плакаты: «Мир!», «Хлеба, а не винтовок!», «Янки, ступайте домой!».

Женщины поднимали над головами своих детей. Мужчины на костылях, мужчины с пустыми рукавами пиджаков, шагавшие в рядах, были живым укором войне и живым призывом к борьбе за мир.

Мощная антивоенная демонстрация австрийских рабочих двигалась по улицам Вены. Они требовали, чтобы правительство запретило американцам строить военные базы здесь, на австрийской земле.

Полиция пыталась рассеять колонны, но это ей не удалось. Демонстранты дошли до здания парламента, и здесь у высокой узорной ограды начался митинг. Но вдруг угрожающе завыли сирены пожарных машин. Упругие струи воды, направленные в толпу, сбивали с ног, оглушали, хлестали больнее дубинок. Люди заколебались, начали отступать. И тогда над площадью прозвучало:

— Стойте! Оглянитесь! Посмотрите, что сделала с нами война! Это готовит и вам банда генералов и фабрикантов!

Все остановились.

У ограды парламента, там, откуда отхлынула толпа, стояли двое. Оба молодые, оба на костылях. Но они не отступили под натиском водяных струй: руки их были прикованы цепями к металлическим прутьям ограды дворца. Они приковали себя, чтобы никакая сила не могла оттеснить их отсюда.

Полицейские были вне себя от злости, но

ничего не могли поделать. Пока они придумывали, как быть, пока искали слесарей, чтобы снять цепи, митинг продолжался.

Только огнем автогенного аппарата удалось полицейским перерезать цепи и втолкнуть пленников в тюремную машину.

Один из двоих, Артур Фредель, на третьем фестивале, в Берлине, рассказывал:

— Нас надолго хотели упрятать в тюрьму, и это бы им, конечно, удалось, если бы тысячи и тысячи честных людей не вступились за нас и не вызволили из-за решетки.

Раймонда

Эшелон спешил к морю. Он вез танки. Приземистые и мрачные, стояли они на платформах, за их стальной броней притаилась смерть. Танки против Вьетнама...

Узловую станцию Сен-Пьер де Кор на окраине старинного города Тура заполнила толпа людей, как только горожане узнали, что в два часа дня здесь пройдет эшелон с танками. Бросив свои дела, прервав работу, люди собрались, чтобы помешать этому. Толпа высыпала на рельсы, но вокзальная полиция не осмеливалась ее разогнать.

Это было шестнадцать лет назад. Шла война во Вьетнаме. Кружили самолеты над джунглями, рвались бомбы, пылали в дьявольском пламени напалма крестьянские хижины и рисовые поля, карательные отряды, вооруженные до зубов, охотились в чащах на партизан. Совсем, как сейчас, только сейчас бомбы, самолеты, напалм и солдаты американские, а тогда были французские. Но и тогда, как сейчас, все честные люди на свете возмущались разбойничьей войной. На всем свете, и во Франции тоже. Многие рабочие, железнодорожники, матросы отказывались доставлять военные грузы. Французское правительство издало закон, угрожавший борцам против войны долгими годами тюрьмы, даже смертной казнью. И все равно борьба продолжалась. Там, на железнодорожных путях Сен-Пьер де Кор, в пасмурный и холодный день 23 февраля 1950 года разыгрывался один из эпизодов этой борьбы.

Вот вдали показался поезд. Он набирал скорость. Машинист давал настойчивые гудки, требуя дорогу. Было ясно, что он намерен с ходу проскочить Тур. Казалось, уже ничто не сможет помешать этому.

Вдруг в тишину вклинился голос:

— Мы его остановим! Вперед, товарищи!..

Раймонда Дьен — маленькая, хрупкая, с копной темных волос, развевающихся на ветру,—бросилась навстречу поезду, за семафор, увлекая с собой группу молодежи. А поезд по-прежнему сердито кричал и все прибавлял скорость. Многие дрогнули, отступили с рельсов в сторону. Но Раймонда Дьен, дочь рабочего, легла поперек пути, впившись пальцами в рельс, прижавшись к нему щекой. И следом за ней — другие.

С застывшим от ужаса лицом машинист тормозил так резко, что лопнули стальные тросы, крепившие танки к платформам. Попадали от толчка солдаты конвоя. Испуганно лязгали буфера, колеса бешено крутились на обратном ходу, но грузная махина поезда не могла сразу погасить свою скорость и неотвратимо надвигалась на Раймонду Дьен. Эшелон остановился всего в двух шагах от нее. Только тогда ее руки отпустили холодную сталь рельса.

— Я ведь знала, что он остановится,— отважно сказала Раймонда, хотя никто лучше ее не чувствовал, как близка была смерть.

Но, лежа на рельсах, слыша щекой и пальцами, как гудит и вздрагивает сталь, она думала лишь о том, чтобы защитить никогда не виденных ею людей во Вьетнаме от смерти, которую несли им эти танки.

Парень из Чикаго

На четвертом фестивале молодежи, проходившем в столице Румынии Бухаресте, в одном из театров шел митинг дружбы. Сменяя друг друга, на сцену выходили делегаты разных стран. Звучали имена выступающих: индийские и французские, арабские и корейские, итальянские и русские. Но вот слово попросил молодой американец из Чикаго. Он не смог назвать своего имени. Он не смог даже показать свое лицо. По его просьбе в зале погасили свет, и он говорил из глубины сцены, не подходя к рампе, где светили полуприглушенные огни.

Он говорил негромко и медленно, но его слова отчетливо падали в затихший зал.

— Кое-кто старается представить, что мы, молодое поколение Америки, подчинились власти капитала, что мы беспомощны, и растерянны, и неспособны к борьбе. Это ложь!

Все смотрели на говорящего, к нему было приковано внимание, когда внезапно сверкнула вспышка и щелкнул фотоаппарат. Это было, как бандитский выстрел из-за угла, потому что американского делегата фотографировать не разрешалось.

Снимавшего пытались найти, задержать, но он исчез, словно растворился в толпе.

Дорого обошелся предательский щелчок фотозатвора! Вскоре после фестиваля американские газеты сообщили, что в Чикаго сшиблен грузовиком и убит «неизвестный молодой человек двадцати двух лет». «Страна свободы» расправилась со смелым парнем, говорившим правду.

Флаги над Гельголандом

Самолеты бомбили остров, узкий скалистый клочок земли среди волн Северного моря. Пустыми глазницами выбитых окон смотрели развалины домов, на старинном кладбище зияли развороченные взрывами могилы, и даже красные гранитные скалы были изранены бомбовыми ударами.

В энциклопедиях, изданных до войны, написано: «Гельголанд. Остров в Северном море. 45 км от материка. Длина—1,7 км, ширина —600 м, 2 600 жителей...» После второй мировой войны к этому надо прибавить, что две тысячи шестьсот человек были выброшены из своих домов, выселены с острова, на котором родились и жили, на котором погребены их деды и прадеды. Гельголанд был превращен в полигон, в мишень.

Летчикам американских баз, расположенных в Германии, нужно было практиковаться в искусстве сбрасывать бомбы, убивать, разрушать, стирая с лица земли. Еще и шести лет не прошло с окончания войны, еще лежали в развалинах многие города Европы, а они уже практиковались, пристреливались для новых убийств и разрушений!

...Лодка обычно отплывала ночью: чтобы обмануть береговую охрану, проскользнуть незаметно мимо сторожевых судов, обшаривающих море прожекторами; чтобы пройти на веслах сорок пять километров по темному, настороженному морю, к рассвету высадиться на истерзанный остров и защищать его от бомб.

В лодке на остров переправлялись смелые парни из Западной Германии, объявившие войну войне. Они поднимали над скалами старинный флаг Гельголанда и синий, как небо, флаг Союза свободной немецкой молодежи. Они укрывались в бетонированном бункере, оставшемся от военных лет, или в сводчатом каменном подвале опустевшего дома, запирались изнутри, баррикадировали дверь и, как в крепости, выдерживали многочасовую осаду, пока прибывшие с материка полицейские и солдаты долбили таранами вход.

Их силком везли на материк и сажали за решетку. Но на смену приплывали новые защитники острова, и опять все повторялось сначала.

В группах бывало иногда пятеро, иногда семеро, иногда больше десятка. Уже двести человек были приговорены судом и брошены в тюрьмы, но это не останавливало молодежь. Защищая Гельголанд, они защищали мир.

Однажды на Гельголанде укрепился целый отряд — тридцать шесть человек. Они удержались на острове недолго, всего четыре с половиной часа. Разбаррикадировав убежище, полицейские в ярости поволокли «бунтарей» на берег и швырнули в катер. Но не успел он отойти и на два километра, как Вильгельм Тазе и еще пятеро хороших пловцов прыгнули за борт. Они вплавь возвратились на остров. Им удалось продержаться еще полчаса. Полиция вернулась. Связанными по рукам и ногам доставили их в городскую тюрьму Киля. Но на этот раз всей группе удалось освободиться без суда. Судьи Западной Германии признали свое бессилие. Не упрячешь же в тюрьму всех честных людей!

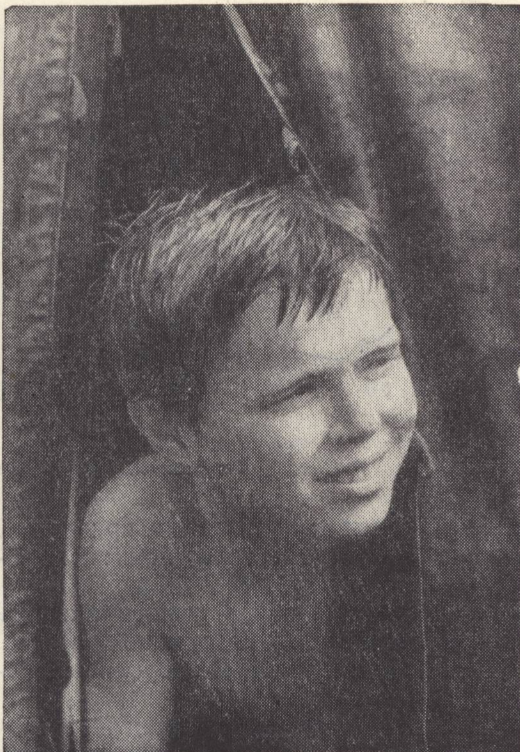
Вильгельм Тазе был в Берлине на третьем фестивале. Путь туда оказался труднее, чем на Гельголанд. Ползком ночью пересекали немецкие юноши границу, рискуя попасть под пули: охранники стояли с интервалами через двадцать метров, чтобы не пропустить делегатов фестиваля.

Два человека были убиты, пятнадцать ранены. Вильгельм Тазе и его товарищи, добравшись до Берлина, рассказали об этом молодежи всех стран.

Фото И. Гольдберга и Я. Шахновского.

Хорошо летом!

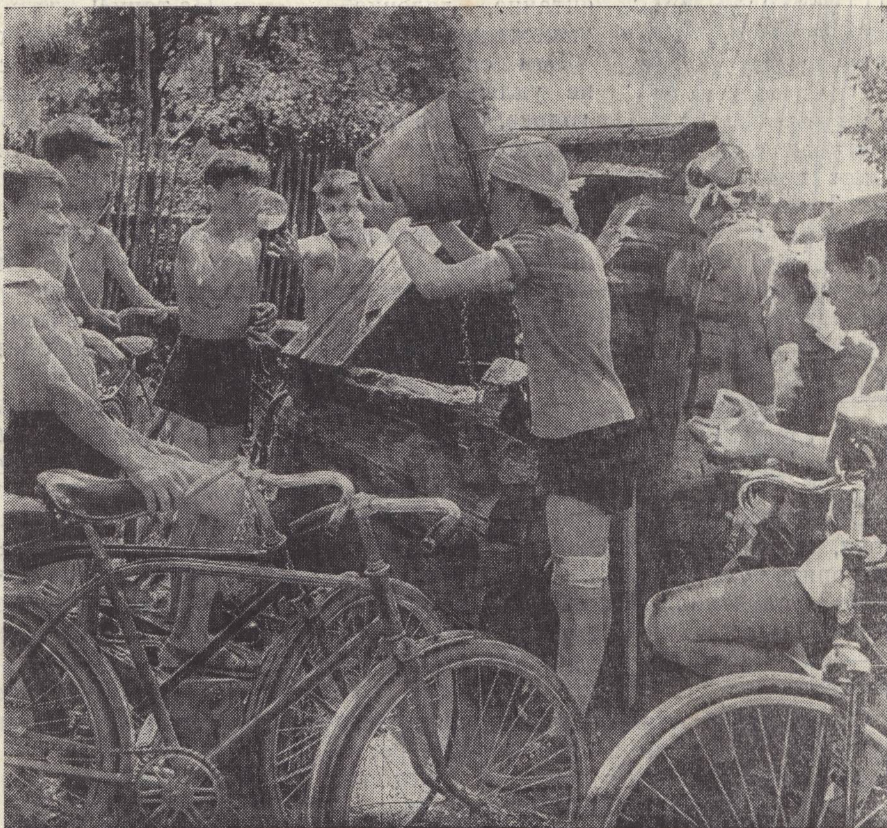
Утречком да пораньше, пока рыба голодна и клюет, хорошо закинуть удочку и сидеть, поглядывая на поплавок: не дрогнет ли. Тогда подсекай скорей! Гляди, чтобы не сорвалась добыча.

Как славно в жаркий полдень очутиться вместе со всеми ребятами в тенистом, прохладном лесу и, когда утомишься, на опушке устроить привал. Скинуть заплечные мешки, собрать валежнику, и... вот уже забулькала в котелке вкусная каша.

Или вот как эти мальчишки, вскочить в седло — и жми на педали! Мчись целым велосипедным отрядом по крепкой, гладкой дороге так, чтобы ветерок холодил спину.

Ну, а кому же не понравится проснуться поутру в легком, просвечивающем на солнце парусиновом домике? Откинул полог, выглянул наружу, а там — теплынь, благодать... Тогда скорее к воде, на озеро. Да не забыть бы весла!

Плыви, плыви, самодельная байдарочная флотилия. Куда? Вперед, только вперед!

Я иду за носорогом

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки Е. Медведева.

После лета очень трудно привыкнуть к своему месту за партой. Оно такое тесное и неудобное, что чувствуешь себя, как в ботинке, который жмет. И к тому же невозможно дождаться звонка. Может быть, он за лето испортился и звенит так тихо, что его не слышно, и теперь уроку не будет конца.

— Сложение—вычитание, деление — умножение.

Эти слова никак не укладываются в голове, будто они из другого языка.

Сейчас на улице идет дождь. И по стеклу ползут кривые ручейки, и можно загадывать, какой из них потечет влево, а какой свернет направо.

— Алексей Бочаров, куда ты смотришь?

— А?!

Он вздрагивает, как разбуженный среди ночи, резко поворачивает голову. Сейчас его опять будут ругать...

Но Валентина Васильевна неожиданно попросила:

— Алексей Бочаров, расскажи мне про носорога.

Он медленно встал, подтянул штаны и задумался. Что можно рассказать о звере, которого не проходили в школе и с которым никогда не встречался? И он выпалил:

— У носорога вместо носа рог!

Он был уверен, что ответил правильно. Но Валентина Васильевна покачала головой.

— Нет,— сказала она,— у носорога есть и нос и рог. А иногда у него даже два рога. Носорог огромный, сильный зверь, но он может испугаться собаки...

— Собаки? — переспросил мальчик.

— Ну да, собаки. Зато носорог может броситься на танк.

— На танк?!

Он вытянул губы, словно собирался сыграть на дудочке, и сразу представил себе тяжелый танк с пушкой впереди. На броне намалеван черный крест, потому что танк фашистский. Танк лязгает гусеницами и ползет прямо на него. Но тут из зарослей выбегает носорог. Он наскакивает на танк, ударяет его крепким рогом в бок, и огромная грохочущая машина переворачивается вверх тормашками.

Носорог нравится Алексею Бочарову. Зачем только он боится собак, раз ему не страшен танк?

— Но самые страшные враги носорога,— говорит Валентина Васильевна,— москиты.

— Это такие комары?

— Вроде этого,— отвечает учительница и продолжает свой рассказ: — Целые тучи москитов налетают на носорога. Они жалят его со всех сторон. И чтобы спастись от них, зверь бежит к реке и зарывается в прохладную тину.

— Это хорошо, что есть тина,— с облегчением говорит Алексей Бочаров, но Валентина Васильевна качает головой.

— В тине носорога подстерегают пиявки. Сотни пиявок впиваются в его тело...

— Как же быть?!

Валентина Васильевна молчит. Она тоже

не знает, как быть, и пристально смотрит на мальчика. И тут он замечает, что она начинает улыбаться. Незаметно — уголками глаз.

— У него есть защитник, верный друг,— доверительно говорит Валентина Васильевна.

— Слон?

— Нет, не слон.

— Тигр?

— Нет, не тигр.

Кто же друг носорога, который может одним махом раздавить всех пиявок? Мальчик смотрит в окно, но уже не видит кривых ручейков.

— Его зовут бюфаг,— говорит Валентина Васильевна.

Алексею Бочарову хочется стукнуть крышкой парты и крикнуть: «Да здравствует бюфаг!» Но он никак не сообразит, что это за зверь. Может быть, он похож на крокодила?

— Бюфаг не только спасает носорога от москитов и пиявок, но и предупреждает его об опасности,— говорит Валентина Васильевна и берет в руки мел.— И вот два носорога вышли из зарослей.— Валентина Васильевна написала на доске цифру «2».— В это время бюфаг подал сигнал тревоги: идут бегемоты!.. Но в зарослях скрывалось еще пять носорогов.— Она написала «5».— А еще три носорога лежали в речном иле.— На доске появилась белая тройка.— Услышав сигнал тревоги, все стадо собралось вместе.

Что же было дальше? Но вместо того, чтобы рассказывать, учительница спросила:

— Сколько носорогов было в стаде и на чьей стороне оказалось превосходство, если бегемотов было восемь?

Ни минуты не раздумывая, Алексей Бочаров окунул перо в чернила и стал записывать историю, которая произошла с носорогами. Надо было как можно скорее собрать все стадо и пересчитать его. Два носорога вышли из зарослей... Если прибавить к ним пятерых, которые не успели выйти, то получится семь носорогов! Но это еще не все. Ведь еще три носорога лежат в речном иле, и в них впились пиявки. Если прибавить этих трех к семерым, то получится десять.

Он старался изо всех сил. Если замешкаться или ошибиться, стадо не успеет собраться, и бегемоты одолеют носорогов.

Носорогов десять, а бегемотов восемь. На чьей стороне превосходство? Десять минус восемь будет два.

— Валентина Васильевна,— он подскочил со скамейки,— Валентина Васильевна, носорогов больше. Носороги победят!

⋄

Поздно вечером, когда в доме гасят свет, в комнату входит уличный фонарь. Он высокий, и ему ничего не стоит попасть на второй этаж. Если дует ветер, фонарь качает головой.

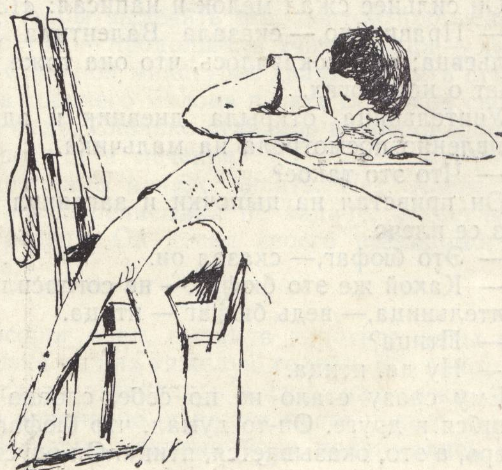
Алексей Бочаров лежал с открытыми глазами, смотрел на фонарь и думал о бюфаге. А потом он увидел его во сне. Это было очень страшное существо с белыми клыками и красным языком, с когтистыми лапами и полосатой шкурой. Что-то вроде тигра. Бюфаг шел по земле и рычал. Он разыскивал друга.

А носорог в это время стоял по грудь в воде, и из его глаз, как с кончика крана, падали в воду крупные капли. К нему присосалось много-много пиявок.

Но вот показался бюфаг. Он спешил на выручку и ревел. И от этого звериного рева мерзкие пиявки в ужасе попрыгали в реку и забились в темный, густой ил. Носорог перестал плакать и с улыбкой зашагал навстречу бюфагу. И они терлись друг о друга боками и урчали от удовольствия...

Когда мальчик проснулся, фонаря в комнате уже не было. Он ушел на свое место, а вернее, погас.

Алексей Бочаров вскочил с постели и в одних трусах побежал к столу, чтобы поскорей нарисовать бюфага, пока не забыл, как он выглядел во сне. Он помнил, какие у зверя клыки и язык, но забыл, какого цвета шкура. А может быть, во сне вообще не было красок, ведь не каждую ночь снятся цветные сны. Под рукой оказался красно-синий карандаш. И мальчик раскрасил бюфага в

красный и синий цвета. Нужно было еще нарисовать носорога, но уже не хватало времени. Зато в последнюю минуту он наставил на листе бумаги много-много синих запятых. Это были пиявки, которые с ужасом убегали от бюфага.

Готовый рисунок он вложил в дневник, чтобы не забыть показать его Валентине Васильевне.

Он был уверен, что, как только начнется урок, Валентина Васильевна заговорит о носороге, и вообще на уроке все будут заниматься только носорогом, и это будет очень интересно. И когда Валентина Васильевна сказала: «Алексей Бочаров, к доске»,— он взял дневник и смело вышел из-за парты. Ему не терпелось рассказать о носороге, и он, не дожидаясь вопроса учительницы, начал отвечать:

— Носорог — огромный, сильный зверь, но он может испугаться собаки...

— Очень приятно,— сказала Валентина Васильевна,— а теперь реши пример.

Он вздохнул и взял в руки мел. Валентина Васильевна продиктовала:

— Восемьдесят восемь плюс сорок четыре.

Он вывел на зеленой доске две восьмерки и две четверки и стал думать. «Восемьдесят восемь носорогов повстречали сорок четыре бюфага. Почему так мало бюфагов? Значит, не у каждого носорога есть друг...»

— Что же ты не решаешь?

— Сейчас решу.

«Но если к восьмидесяти восьми носорогам прибавить сорок четыре бюфага, то получится... два пишем, один в уме... то получится... восемь и один — девять... девять и четыре... тринадцать... то получится сто тридцать два неразлучных друга!»

Он сильнее сжал мелок и написал: «132».

— Правильно,— сказала Валентина Васильевна; ему показалось, что она тоже думает о носорогах.

Учительница открыла дневник и вдруг удивленно посмотрела на мальчика.

— Что это такое?

Он привстал на цыпочки и заглянул через ее плечо.

— Это бюфаг,— сказал он.

— Какой же это бюфаг,— не согласилась учительница,— ведь бюфаг — птица.

— Птица?

— Ну да, птица.

Ему сразу стало не по себе, словно он ошибся в друге. Он-то думал, что бюфаг — зверь, а это, оказывается, птица. Он опустил голову. Валентина Васильевна положила руку ему на плечо и легонько потрясла его.

— Ты знаешь,— сказала она тихо, словно хотела доверить ему важную тайну,— бюфаг — очень хорошая птица. Она, как всадник, садится на спину носорогу и на ходу клюет пиявок и москитов. Нарисуй птицу.

— Нет,— сказал мальчик,— лучше нарисую носорога.

В начале года школьная форма очень неудобна: рукава длинны, жесткий воротник колет шею, а штаны спадают — только успевай подтягивать. Каждый с удовольствием надел бы старую форму. Пусть она маловата, пусть коленки и локти протерты и заштопаны, зато в ней чувствуешь себя человеком. Но дома говорят: «Без разговоров!» — и напяливают на тебя новую форму.

Он сидел в новой куртке, и ему хотелось взять ножницы и подрезать рукава, которые доходили до пальцев. Ему было прямотаки тошно в новой форме, но он стал думать о носороге и в конце концов забыл о форме. А его сосед по парте — Попотенко — сопел и вертелся. Он не думал о носороге, и сидеть ему очень тяжело.

В первом классе Попотенко вообще не досиживал до звонка.

Посреди урока он поднимался и шел к двери.

— Попотенко, ты куда?—спрашивала его удивленная учительница (тогда еще не было Валентины Васильевны).

— Я хочу...— хныкал Попотенко и скрывался за дверью.

А когда он ничего не хотел, то тоже вставал и уходил.

— Ты куда?

— Я пошел к бабушке,— отвечал он.

Ничего нельзя было с ним поделать!

Теперь Попотенко никуда не уходит. Вырос. Он сидит рядом с Алексеем Бочаровым и пыхтит. И ничего не знает про носорога.

Алексей Бочаров не смотрит в окно. Нет смысла. Если бы по улицам разгуливали носороги с бюфагами на спине, тогда можно было бы вытянуть шею и даже привстать. Хорошо бы встретить носорога и пойти за ним по полям и лесам! «Надо сходить к носорогу»,— решил мальчик и стал дожидаться конца урока.

Никогда не надо съедать завтрак после первого урока. Надо сдерживаться, даже если в газете завернут бутерброд с вкусной розовой колбасой. Завтрак может приго-

диться для более важного дела. Например, для того, чтобы угостить носорога.

В зоологический сад Алексей Бочаров пришел под дождем. Дождь безжалостно мочил новую форму, и тонкие струйки стекали за ворот.

Алексей Бочаров долго бродил по пустым звериным улицам и все искал, на какой же из них живет носорог. Ему попадались верблюжьи, слоновые, птичьи, обезьяньи улицы, а носорожьей все не было. Его куртка намокла и из серой превратилась в черную. Она прилипла к лопаткам и жгла, как горчичник. И было жутковато оставаться наедине с сотнями зубастых и когтистых зверей, хотя они сидели в клетках.

◇

Где же в конце концов живет носорог? Может быть, он открыл клетку и ушел? И теперь разгуливает по трамвайным путям, а дождь стекает по круглым бокам?

И вдруг на толстых железных прутьях он увидел две таблички. На одной было написано: «Африканский двурогий черный носорог по кличке Носик». На соседней табличке была другая надпись: «Дразнить и кормить зверей строго воспрещается».

Разве дразнить и кормить одно и то же? Мальчик просунул голову между железными прутьями и позвал:

— Носик! Носик!

И вдруг дверь в задней стене клетки открылась, и из нее вышла старушка в синем халате.

— Чего тебе? — недовольно спросила она.

— Носорога,—ответил мальчик и от удивления вытянул губы, словно собирался сыграть на дудочке.

— Носорог болен.

— Болен? Разве носороги болеют?

— Все болеют,— отрезала старушка и захлопнула за собой дверь.

А он все стоял и держал в руке бутерброд. От расстройства он сам стал откусывать от бутерброда, но не чувствовал запаха колбасы, хотя очень любил ее.

◇

На уроке он сидел хмурый и время от времени кашлял, а сосед Попотенко ворчал:

— Не кашляй в мою тетрадку. Кашляй в сторону.

Он отворачивался и кашлял в закрытое окно. А Попотенко лез со своими советами:

— Пойди к врачу. Освобождение дадут.

Он не хотел никакого освобождения. Здесь, в классе, был человек, который все понимал и наверняка жалел больного носорога. Зачем же брать освобождение и уходить от такого человека?

И как только он об этом подумал, Валентина Васильевна сказала:

— Заболел носорог...

Он поднял глаза и насторожился.

— Чтобы вылечить его, доктор прописал лекарство,— продолжала учительница,— десять стаканов микстуры, двадцать пять стаканов горячего молока и пять стаканов свежего меда. Сколько стаканов потребовалось носорогу для лечения?

Перо само начало писать. Нет, Алексей Бочаров переписывал не задачу, а составлял рецепт. Он лечил своего незнакомого друга.

◇

Носорог спал, вытянув короткие лапы и положив на них тяжелую голову. Его закрытые глаза затерялись в складках кожи. И было непонятно, в каком месте у него глаза. Большие покатые бока поднимались и

опускались, поднимались и опускались. Носорог дышал ровно и спокойно.

Интересно, что снится носорогу? Родная жаркая Африка или сердитая старушка в синем халате?

Мальчик просунул сквозь прутья голову, сколько позволяла шея, и позвал:

— Носик, Носик, Носик!

Животное тяжело вздохнуло, зашевелилось и подняло веки. Глаза у носорога оказались большими, внимательными. Они смотрели на мальчика, как на старого знакомого, и светились радостью.

— Носик! — сказал мальчик и протянул руку, в которой был зажат его завтрак.— Носик, хочешь колбаски?

Носорог встал на ноги и медленно двинулся к мальчику. Он шел, и его лопатки, как шары, перекатывались под толстой кожей, а кожа была рыжеватой, как броня, слегка поржавевшая от долгих дождей. На конце морды сверкали два острых рога: один подлиннее, другой покороче.

В этот момент мальчик понял, что носорог — самый красивый зверь на свете.

Он смотрел на Носика, а Носик смотрел на него. Они стояли друг против друга и разговаривали. Тихо, про себя.

«Как твое здоровье?» — спрашивал мальчик.

«Ничего,— отвечал носорог,— температура нормальная. Выпускают на улицу».

«А тебе старушка не передавала, что я заходил?»

«Как же, передавала».

Тут он вспомнил про бутерброд и протянул его своему новому другу.

«На, попробуй. Колбаса свежая, без жира. Докторская».

Носорог втянул в себя запах колбасы, но есть не стал.

— Он вегетарианец. Не ест мясного,— послышался за спиной мальчика ворчливый голос.

Он повернулся и увидел старушку в синем халате. На этот раз она появилась не в клетке, а пришла по аллее.

— А что же он ест? — спросил мальчик, разглядывая свой завтрак.

— Веники.

— Какие веники?

— Из веток со свежей зеленью. Очень любит.

Алексей Бочаров решил тут же наломать другу зеленый веник, но, оглядевшись вокруг, увидел, что листья на деревьях пожелтели и до будущей весны негде наломать свежий зеленый веник.

— Я принесу ему из дома фикус,— предложил мальчик,— он у нас зеленый.

— Носик не ест фикусов,— сухо сказала старушка.— И вообще дразнить и кормить зверей строго воспрещается.

Этот разговор был неприятен не только мальчику, но и носорогу. Зверь повернулся спиной к старушке, и теперь вместо клыков был виден хвостик — маленький и сухой, как у арбуза.

Мальчик сунул в карман ненужный бутерброд и спросил старушку:

— А где же бюфаг?

— Бюфаг? — поморщилась старушка, будто это слово было ей очень неприятно.— У нас нет такого вида.

— Это не вид, это птица. Она спасает носорога от пиявок и москитов...

— У нас нет пиявок и москитов,— отрезала старушка и быстро засеменила прочь.

Алексей Бочаров опустил голову. «Когда рядом нет верного друга, то даже самый сильный и бесстрашный может попасть в беду. И никакие рога не помогут. Здесь нет бюфага, но должен же быть у него друг!»

Так думал мальчик, стоя у железной клетки. В это время Носик повернулся и одобрительно покачал головой. И они стали друзьями.

Обычно Алексей Бочаров задолго до дома номер двадцать пять переходил на другую сторону. Этот дом славился мальчишками, которые вечно толпились у ворот и норовили пристать к каждому проходившему мимо. И сегодня, возвращаясь из школы, он уже собрался было свернуть с тротуара, но вдруг ему показалось, что носорог Носик сейчас наблюдает за ним и качает головой: «Что же ты? Неужели не решишься пойти напрямик?»

Ему очень не хотелось идти напрямик. Другая сторона улицы прямо-таки звала его: «Иди сюда, иди сюда...» Но ему стало стыдно перед новым другом, и он пошел напрямик.

Он вдруг почувствовал прилив силы, словно впереди, мягко ступая по асфальту короткими ногами, шел тяжелый носорог. Глаза зверя внимательно посматривали по сторонам, острые рога — один подлиннее, другой покороче—приведены в боевое положение. Носорог не сворачивал на другую сторону, шел прямо мимо дома двадцать пять. И он, Алексей Бочаров, идет за носорогом. А когда идешь за носорогом, то ничего не страшно.

«Я иду за носорогом»,— сам себе говорит мальчик и ускоряет шаги.

Он проходит мимо ворот, у которых стоят мальчишки, переступая с ноги на ногу. Им не терпится подставить подножку или дать пинка невысокому школьнику в серой курточке, с большим портфелем в руке. Но они озадачены тем, как бесстрашно и спокойно он проходит мимо них. Они таращат глаза и не решаются сойти с места. Они наверняка проведали, что он дружит с носорогом, и предпочитают его не трогать.

◇

В один из дождливых осенних дней Алексей Бочаров услышал по радио тревожное сообщение:

«В зоологическом саду опустели летние клетки, все звери перебрались на зимние квартиры. И только носорог по кличке Носик не пожелал покидать свой дом. Уже третий день рядом с его жильем стоит большая клетка на колесах, которая должна перевезти его в теплое помещение. Но своенравный житель Африки мерзнет, не ест, а совершить маленькое путешествие отказывается».

Для Алексея Бочарова это сообщение прозвучало, как колокол пожарной машины. Он вскочил с места. Может быть, носорог ждет его, Алексея Бочарова, и поэтому он мерзнет и голодает? Надо немедленно бежать в зоологический сад!

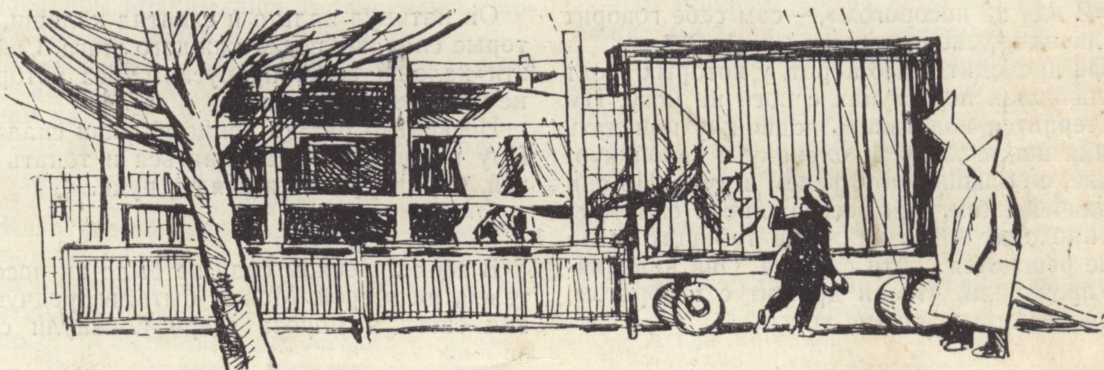
Он натянул пальто и схватил калоши, которые спадают после каждого шага. Сейчас эти калоши были пропуском, без которого не выпустят из дома.

Несколько раз на улице калоши спадали. Ему надоело останавливаться и топать ногой. Он скинул их и взял в руки.

◇

В зоологическом саду не было ни посетителей, ни зверей. Может быть, в предчувствии снега и мороза звери покинули свои

клетки и вместе с перелетными птицами поспешили на юг, чтобы вернуться обратно только весной. И лишь носорог не испугался зимы и ждал друга. Он лежал в углу клетки, поджав под себя толстые короткие лапы, и дремал. Его большие, свернутые фунтиком уши вздрагивали от ветра.

Рядом с его клеткой стояла другая — на колесах. Она уже третий день ожидала упрямого пассажира. Немного в стороне застыли две фигуры. В брезентовых плащах с треугольными башлыками, они были похожи на двух пингвинов: большого и маленького.

— Может быть, покормим его? — говорил маленький пингвин.

— Нет,—отвечал большой пингвин,—тогда он еще неделю просидит здесь.

Алексей Бочаров подбежал к клетке и взялся рукой за мокрый железный прут. Носорог дремал. Он не знал, что пришел товарищ. Тогда мальчик позвал:

— Носик! Носик...

Носорог слегка приоткрыл глаза и недоверчиво посмотрел перед собой. Может быть, его обманывают и никакого Алексея Бочарова здесь нет?

Но, увидев своего знакомого, носорог широко открыл глаза и втянул ноздрями воздух, чтобы проверить по запаху, не ошибся ли он. Потом он поднялся и подошел к решетке. Он осунулся и похудел. И большие складки на его толстой шкуре стали еще глубже.

«Что же ты не ешь и мерзнешь в летней клетке?» — про себя спросил мальчик носорога.

«Жду тебя»,— отозвался тот.

«Все звери уже перебрались. Надо и тебе переезжать, а то замерзнешь».

«Успею».

«У нас зимы холодные. Вместо дождя идет снег. А вода становится твердой, как камень».

«А как же пиявки?»

«Нет зимой никаких пиявок. И комаров тоже нет».

«Это хорошо».

Мальчик и носорог смотрели друг на друга и вели разговор, который не слышал никто, кроме них. А два пингвина — большой и маленький — стояли в стороне и ждали, что будет дальше. А дальше произошло вот что. Мальчик пошел вдоль клетки, перебирая рукой прутья. И носорог двинулся за ним.

— Он идет,— прошептали пингвины.

Мальчик подошел к клетке на колесах. Носорог вопросительно посмотрел на него. И мальчик кивнул: «Иди смелей!» Носорог бесшумно двинулся вперед. Сперва вошли передние ноги, потом задние. Дверца захлопнулась, и клетка покатила по мокрой дорожке.

Пингвины сбросили свои плащи с капюшонами и сразу превратились в знакомую старушку и незнакомого мужчину. А мальчик шел рядом, улыбался и прижимал к себе мокрые, грязные калоши.

Когда протираются брюки и рукава курточки без помощи ножниц становятся короткими, когда учебники подходят к концу, а парту, как веснушки, покрывают рябые кляксы, наступает весна.

Весной особенно интересно смотреть в окно, потому что с домов сбивают сосульки, шея незаметно вытягивается и становится длинной, как у жирафа, чтобы было видно, что делается на улице.

— Алексей Бочаров!

Шея сразу из жирафьей превратилась в нормальную, а глаза спрыгнули с крыши и очутились в классе.

— Алексей Бочаров,— повторила Валентина Васильевна,— ты слышал о том, что возвращаются птицы и что на ветках скоро появится нежная зелень?

Никто из ребят не понял, почему Валентина Васильевна рассказывает Алексею Бочарову о прилетающих птицах и о зеленых ветках. Но для него самого это был тайный сигнал. По этому сигналу могучий четвероногий друг вошел в класс и очутился рядом. Он пришел, чтобы помочь смотреть на доску, слушать объяснения и не получать замечаний.

Алексею Бочарову даже показалось, что носорог сидит рядом с ним за партой. Он покосился на своего соседа и впервые заметил, что Попотенко чем-то похож на носорога. Только на носу у него не растут рога.

— Легкие предметы,— объясняла Валентина Васильевна,— взвешиваются мелкой мерой веса — граммами. Более тяжелые предметы — килограммами.

Алексей Бочаров подумал о носороге и спросил:

— А чем взвешиваются самые тяжелые предметы?

— Тоннами,—ответила учительница.—Ты же сам мне рассказывал, что твой Носик весит полторы тонны.

— Чей носик? — спросил Попотенко.

— Мой,— буркнул Алексей Бочаров и увидел, как от удивления выкатились и округлились глаза его соседа по парте.

Редко кто из людей заведет дружбу с носорогом. Потому что его нельзя погладить и почесать за ушком и побегать с ним вперегонки. Даже служащие зоологического сада отзываются о носороге прохладно:

— Ничем не выдающееся животное. Ходит, ест, пьет.

А он тихий и задумчивый. И если не может, как слон, обвить тебя хоботом и посадить к себе на спину, то это только потому, что у него нет хобота. Но он помогает решать задачки, делится с тобой смелостью, и ты перестаешь бояться мальчишек из дома номер двадцать пять. И вообще ты становишься другим человеком, если идешь за носорогом.

В солнечный майский день Алексей Бочаров очутился перед клеткой носорога. За спиной у него был спрятан веник из веток со свежей зеленью.

Он наблюдал за Носиком, который улегся на спину, поднял все четыре ноги вверх и грел живот на солнце.

И вдруг мальчик почувствовал, как кто-то сильно сжал его руку. Он вздрогнул. Рядом стоял человек с красной повязкой на рукаве.

— Ты портишь зеленые насаждения,— сказал дежурный, не отпуская руки мальчика.

— Я не портил зеленых насаждений, я...

— А это что? — Дежурный кивнул на зеленый веник и еще сильней сжал руку Алексею Бочарову.

— Это не насаждения. Это молодые побеги.

Услышав громкий разговор, Носик перевернулся на бок, потом встал и подошел к передней решетке. Он, видимо, собрался заступиться за друга, и плохо пришлось бы человеку с красной повязкой на рукаве, если бы железные прутья не сдержали носорога.

— Я не ломал зеленых насаждений! — отчаянно выкрикнул мальчик и попытался вырвать руку.

Носорог надавил лбом на прутья, мальчик посмотрел зверю в глаза и про себя сказал ему:

«Честное слово, я не ломал зеленых насаждений».

Неожиданно знакомый голос тихо, но твердо произнес:

— Отпустите его.

Алексей Бочаров оглянулся и увидел Валентину Васильевну. Она стояла рядом, и в руке у нее был такой же зеленый веник, как у него.

Дежурный удивленно выкатил глаза.

— Вы сами ло...— Он начал было говорить, но Валентина Васильевна не дала ему закончить.

— Я его учительница,— сказала она, кивая на мальчика,— а ветки мы наломали за городом. И прежде чем обвинять человека, надо разобраться.

Мальчик почувствовал, как его руку отпустили. Валентина Васильевна улыбнулась Алексею Бочарову, а он удивленно вытянул губы, словно собирался сыграть на дудочке, и тихо сказал:

— Спасибо.

И в эту минуту он подумал: «Как жаль, что с учительницами нельзя дружить. Не станет же учительница заодно с тобой перелезать через забор, когда есть калитка, или менять спичечные коробки на марки... А ученик не может проверять тетрадки, потому что он сам не знает, где верно, а где ошибка, и он не смеет говорить директору: «Анатолий Георгиевич, в данном случае вы не правы»,— для ученика директор всегда прав... Если бы Валентина Васильевна была мальчишкой, как Попотенко... Или хотя бы девочкой...»

— Ну, давай угощать нашего друга,— сказала учительница и кивнула на носорога.

Они подошли к калитке и просунули туда два вкусных, аппетитных веника. Носорог долго смотрел на веники и никак не мог решить, какой есть сначала. И он стал попеременно отщипывать то от одного веника, то от другого, словно не хотел никого обидеть, и все трое — носорог, мальчик и Валентина Васильевна — чувствовали себя неразлучными друзьями.

КОНЕЦ БИДОНВИЛЕЙ

Бидонвили — это целые кварталы грязных лачуг. Нередко лачуги слеплены из глины, наскоро сколочены из грубых досок, прикрытых сверху гофрированным железом.

Бидонвили — это нужда и горе, лохмотья и вечный голод. Они окружали почти каждый город в старом Алжире.

И вот в прошлом году революционное правительство Алжира приняло решение: бидонвили должны исчезнуть.

День 21 июня стал настоящим праздником для жителей окраин. Рано утром в бидонвили приехали военные грузовики. Они перевезли обитателей лачуг и их имущество в новые дома и дома, которые бросили во время бегства французские колонизаторы.

Первая радостная волна переселения длилась несколько дней. Более трех тысяч человек переехали в новые квартиры. А потом в бидонвили пришли отряды рабочих и солдат. Они до основания разрушили скопища лачуг, освободив место для будущих парков и цветников.

Песенка о пиратах

Новелла МАТВЕЕВА

Моя мечта о мачте,
Волненье о волне.
Не плачьте,
Не плачьте,
Не плачьте обо мне!

Белая матроска,
Синий воротник...
Матросом быть не просто,
Но я уже привык.

Налажу весла-крылья,
Лодку наклоню,
Из лодки воду вылью,
Пиратов догоню.

Но тут приходит мама,
А мама так упряма!
— Куда ты? Куда ты?
Ведь ты еще мал!
Какие там пираты?!
Ты, братец, опоздал:
Пираты были прежде...

Ау, пираты!
Где ж вы?!
...Лежат на дне морском.
Их черные одежды
Засыпаны песком.

...Синие дали,
Ветер затих...
Другие догнали
Пиратов моих.

Я плачу... Я плачу...

Но есть на старой даче
Хороший рыжий пес:
Он никогда не плачет,
Он лает на утес.
Он носит
Поклажу,
Его зовут Пират...
Пойду его поглажу.
Уж то-то будет рад!

Рисунки
Е. Соколовой.

Экспедиция «Дружба»

«Говорит Прага, Прага говорит! Красная Армия, слушайте нашу передачу...» Голос диктора взволнованный и тревожный. Странно и необычно звучат русские слова с мягким чешским произношением, с ударениями не по-русски. «...Посылаем пламенный призыв доблестной Красной Армии. Нам нужна ваша помощь. Нам нужна поддержка вашей авиации против германских войск, продвигающихся по направлению к Праге. Прага не сдается оружию. Прага не сдается!»

Этот призыв восставшей и осажденной фашистами Праги звучал в эфире двадцать лет назад. Сейчас голос пражского диктора-партизана можно услышать в 175-й школе Москвы. Дубликат редкостной записи ребята получили от чешских друзей за то, что прошли дорогами Великой Отечественной войны, собирая и записывая свидетельства, факты и документы о боевой дружбе советских, чешских и словацких воинов, об их общей ненависти к фашизму, об интернациональном братстве и верности. Первая часть экспедиции «Дружба» проходила в степях Украины. Вторую по приглашению чехословацких друзей ребята провели у них в стране.

60 А.
38 А.
СУДИЦЕ
БОЛЕТИЦЕ
ЗАБРЕГ
р. Опава
ОПАВА
ГЛУЧИН
БОГУМИН
1 Г.А.
р. Одра
38 А
60 А
1 Г.А.
ОСТРАВА
СВИНОВ
ВИТКОВИЦЕ
КЛИМКОВИЦЕ
р. Остравица

Схематическая карта боевых действий советских войск и 1-го Чехословацкого армейского корпуса при освобождении Моравии. Стрелы показывают направление наших ударов. Гребенчатые линии — укрепления фашистов. Черными сплошными стрелками обозначен маршрут экспедиции «Дружба». Справа в углу — нагрудный значок участника экспедиции. Ребята делали значки сами.

Полковник Теодор Бойко, ветеран Чехословацкого корпуса, старый друг ребят по переписке, встретился с ними, когда они были в Брно. Он комендант этого города.

Сколько километров прошагали и проехали в своих путешествиях ребята! Сколько людей перевидали в поисках своих героев! И перед походами и в промежутках между ними участники экспедиции неутомимо вели переписку с участниками событий, выясняя подробности, восстанавливая по крупицам картину, как что происходило. Так, с полковником Бойко — ветераном Первого Чехословацкого армейского корпуса — они переписывались два года, и когда, наконец, встретились в словацком городе Брно, было так, словно они знакомы всю жизнь.

Эти ребята молодцы! Они не вели поиски наобум. До того, как отправиться в путь, они старались прочитать все, что написано в книгах о местах и событиях, которые их интересуют. Они вели ближний поиск, прежде чем начать дальний: в самой Москве разыскивали и расспрашивали людей, участвовавших в тех сражениях и на тех участках фронта, которые предстояло изучать.

Если ищешь наугад, можешь вернуться с пустыми руками. Если знаешь, где искать, — всегда найдешь больше, чем ожидал. Вот один из многочисленных примеров. Ребята пришли в село Соколово, где под командованием Людвига Свободы

Когда ехали из Чиерны-над-Тиссой, в одной деревне увидели свадьбу. Впереди шли жених с невестой, за ними совсем маленькие ребята, потом все больше, больше, потом взрослые. Вся деревня. Мы попросили остановить автобус, выбежали и поздравили жениха с невестой. Сесть снова в автобус нам не удалось. Нас пригласили на свадьбу. Отказаться просто не дали... Этот маленький случай показал, как хорошо к нам относятся. За последнее время я многое понял. Как-то ближе стали мне все окружающие: и словаки, и чехи, и наши, русские. Теперь я даже понял, почему люди могут понимать друг друга, хотя они говорят на совершенно разных языках.

(Из походного дневника.)

Экспедиция «Дружба» на каждом шагу чувствовала дружбу чехословацких пионеров. Вот и здесь: идет обмен галстуками.

впервые вступил в бой против фашистов героический Чехословацкий батальон, выросший потом в Первый Чехословацкий армейский корпус. Ребята уже до этого много знали о первом бое батальона. Знали, что горстка героев преградила здесь дорогу танкам двух эсэсовских танковых дивизий. Знали, что в центре Соколовской обороны стояла насмерть рота Героя Советского Союза Отакара Яроша, погибшего в единоборстве с фашистским танком. Теперь в экспедиции они увидели своими глазами место, где все это происходило, землю, когда-то стонавшую от разрывов, остатки блиндажей и ходов сообщения, могилы павших в этой битве, увековеченное в мраморе мужественное лицо Отакара Яроша.

Казалось бы, все. Но нет, ребятам было известно, что Чехословацкий батальон был отведен на отдых в село Веселое. Отправились туда. Они рассчитывали узнать, как проходил этот отдых, а узнали гораздо больше. Измотанные боями чехословацкие воины увидели, что в селе Веселом совсем не весело. Весна, надо пахать, а некому и нечем: одни женщины да дети. Еще недавно хозяйничали здесь фашисты, все разорено, все в упадке. На каждом шагу нужны сильные мужские руки, а их нет, они где-то на фронте, эти руки. И вот, едва выйдя из тяжелых боев, чехословацкие воины взялись за работу. Они отремонтировали сельхозинвентарь, вспахали, засеяли, починили избы, печи, даже заборы.

По сей день, через двадцать лет говорят в Веселом: «С той весны благодаря чехословакам наш колхоз быстро пошел в гору. Тот сев положил начало подъему после фашистского разорения...»

Володя Евстигнеев, Ростислав Витальевич и я взобрались на Витков еще раз, чтобы насмотреться на Прагу... Подошло время уходить. Спускаемся вниз. И вдруг — «Лидице»! Танк «Лидице»! Да, мы совсем случайно наткнулись на знаменитый «Т-34», изготовленный на деньги бойцов 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Танк-герой, воевавший до победы. Мы рады встрече. А могли ведь уехать и не увидеть. Потрогали даже. Вот он какой... «Ли-ди-це»!

(Из походного дневника.)

Искали ребята дружбу боевую, а нашли и дружбу трудовую.

На страницах журнала не вместить всего, что узнали ребята. Ведь из собранных документов, фотографий, записей создан музей, стенды которого еле умещаются по стенам длинного школьного коридора.

В музее посетитель узнает о «партизанской бабушке» — смелой чешской женщине Анне Обозовой, узнает о словацком народном восстании; о танке «Лидице», который расплатился с фашистами за уничтоженную деревню Лидице; об аэродроме «Три дуба», о молодом словацком герое Яне На́лепке и о многом другом. Всего не перескажешь, не перечислишь даже! Мы выбрали из того, что узнали ребята, лишь две удивительные истории, героини которых смотрят с фотографий на тех, кто приходит в музей 175-й школы.

...Демьяновские пещеры. Впечатление потрясающее! Темные лабиринты коридоров с нависающими скальными сводами, сырость, гигантские сосульки сталактитов, водопад в огромном зале, загадочная глубина подземных озер, бездонный мрак трещин и провалов... Как могли здесь жить люди?! А здесь не только жили, но и боролись партизаны... Фашисты блокировали весь район. Зайцу не проскочить! Они были уверены, что обрекли партизан на медленную смерть во мраке подземелий. Но горцы знали выходы далеко за пределами гитлеровского оцепления. Связь с землей продолжалась.

(Из походного дневника.)

ИХ было ТРОЕ...

Два офицера — Франтишек Крал и Ростислав Прудек — и рядовой по фамилии Ржепек (имя его ребята пока не сумели узнать) были ранены и оказались в окруженном гитлеровцами Харькове. Здесь, в поселке Харьковского тракторного завода, возле своего дома их и увидела Тамара Колпакова, медсестра. Крал и Прудек, сами двигаясь с трудом, вели, поддерживая, Ржепека.

— Скорей, сюда! — Тамара втащила их в подъезд и вместе с подоспевшей подругой Аллой Столяренко повела наверх. Они были уже на площадке третьего этажа, когда внизу затарахтели мотоциклы.

Ржепек сказал:

— Отведите сначала двоих, а потом вернетесь за мной. Так будет скорей.

Но фашисты уже поднимались по лестнице. Ржепек подпустил их ближе и дал очередь из автомата. Смертельно раненный, он вел огонь, сколько мог, лишь бы выиграть время и дать уйти остальным. Потом взорвал гранатой фашистов и себя.

А двоих девушки сумели спрятать и выходить. Им помогала Анна Михайловна Колпакова, мама Тамары. Уже снова приближались наши, уже девушки радовались, что друзья скоро будут вне опасности, как вдруг на улице к Тамаре подошел немецкий офицер и сказал:

— Мы знаем, у вас кто-то есть. Берегитесь, плохо вам будет, если мы их найдем...

Встревоженная Тамара вернулась домой. Странно вел себя этот офицер! Ведь он предупредил ее, вместо того, чтобы захватить врасплох.

Как бы там ни было, не следовало медлить. Ночью Франтишек Крал и Ростислав Прудек вышли из города и стали пробираться на восток, к линии фронта. Той же ночью нагрянул и обыск, но они уже были далеко. Они сумели вернуться в строй и продолжали войну против фашизма. Франтишек Крал — поэт и боец — погиб под Киевом. Инженер Ростислав Прудек жив и разыскал после войны свою спасительницу. Она в Киеве. Работает. Ребята 175-й школы, участники экспедиции «Дружба», побывали у нее и познакомились с нею.

А немецкий офицер? О нем ничего не известно. Можно только догадываться, что это был друг — подпольщик-антифашист или смелый разведчик, надевший личину врага. Один из тех, чьи имена мы узнаем только сейчас, через много лет.

Девочка перед танком

Было это под Киевом. Во время бомбежки (наши бомбили фашистов) Лида Уваренко спряталась в щель. Знаете, что такое щель? Это — бомбоубежище: глубокая канава, накрытая дощатым настилом и сверху снова засыпанная землей.

Лида радовалась, что бомбят наши. Но бомбы не разбираются, где свой, где чужой, и Лида забралась в щель. Ей было тогда пятнадцать лет. Обыкновенная украинская девчонка, шустрая, темноглазая, темноволосая. Она сидела в своей сырой темной щели и слушала разрывы бомб и гудение наших самолетов. В эти звуки вплетался далекий и ровный гул канонады. Лида знала, что это значит: приближается фронт, скоро наши прогонят фашистов.

Бомбежка как будто стихла. Лида осторожно выглянула и увидела гитлеровских саперов. Они ходили по полю и что-то закапывали. «Мины, — догадалась Лида, — если тут наши пойдут — подорвутся!»

Никем не замеченная, Лида следила, где ставятся мины. Запоминала. Потом солдаты ушли, а она решила ждать...

«Ян Жижка», головной танк чехословаков, двигался по полю вдоль шоссе, когда впереди внезапно появилась девчонка, словно выросла из-под земли. Она стала на пути грозного великана и что-то кричала, отчаянно размахивая руками.

Штефан Вайда, командир, подумал, что это не зря. Остановил танк. И тогда в наступившей тишине стало слышно, что девчонка кричит:

— Стойте! Мины, там мины!

Быстро открыли люк, быстро помогли ей забраться вовнутрь, и танк с добровольным проводником обошел минное поле, радируя остальным идти следом.

Гитлеровцы, устроившие засаду за минным полем, были смяты ударом с фланга, и танкисты ворвались на улицы Киева.

Лидия Уваренко сейчас живет в Киеве. Работает на почте. Здесь и разыскали ее ребята.

...На мост, где были построены баррикады из ящиков, досок, матрацев, поваленных трамваев, мешков с песком, пришел пятнадцатилетний Франтишек Соукал. Он пришел с топором, пришел защищать родной город. Франтишек стал незаменим для восставших. Юркий, как ящерица, он был связным между баррикадами и центром восстания. Пуля не выбирает. Франтишек погиб...

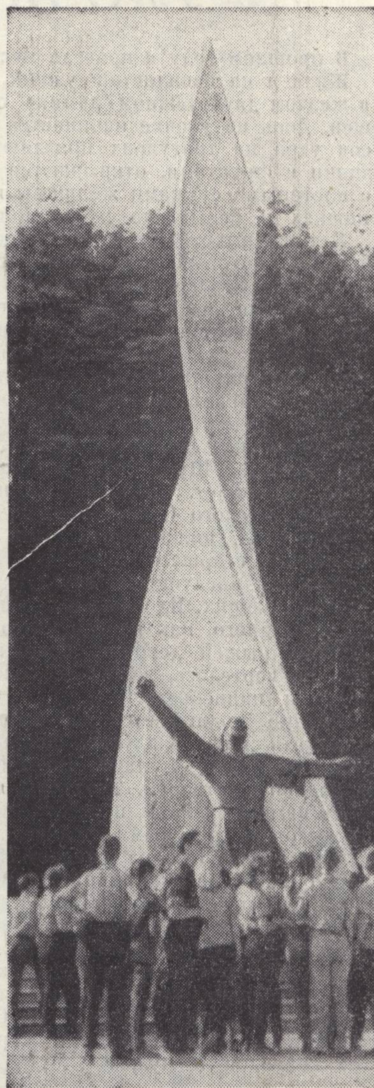
На Баррикадном мосту в Праге мы видели мемориальную доску.

(Из походного дневника.)

РЕДАКЦИЯ УЗНАЛА НОВОСТЬ

Сейчас в 175-й школе с нетерпением ждут гостей. Тридцать ребят из Чехословакии приедут сюда, чтобы вместе со своими советскими друзьями отправиться в поход по боевым дорогам отцов.

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА В ДЕРЕВНЕ НЕМЕЦКА

В Немецке — памятник жертвам фашистской расправы над участниками словацкого восстания. Я увидел печь. Так вот где сжигали гитлеровцы людей! Мужчинам стреляли в затылок, женщин и детей кидали живыми... Рядом—скульптура: гигантский язык пламени и женщина, раскинувшая руки, словно преграждая смерти дорогу... Буквы из проржавевшего железа: «Не забывайте». Нет, не забудем, ничего не забудем!

(Из походного дневника.)

НА АЛЖИРСКОЙ УЛОЧКЕ

В прошлом году я провела месяц в Алжире.

Жила я на извилистой улочке Пляс де Мортир, в желтом двухэтажном домике с черепичной крышей. День на улочке начинается рано: в шесть часов утра на тротуарах появляются ящики и корзинки с фруктами, открываются магазины, спешат с плетеными сумками женщины в золотистых босоножках и белых, до земли покрывалах.

Я тоже выхожу на улицу рано. У меня в руках блокнот, который я изредка раскрываю и что-нибудь туда зарисовываю. Следом за мной спешат любопытные ребятишки. Переговариваются. Сажусь на ступеньку, беру карандаш, и мои преследователи тут как тут. Окружили плотным кольцом, смотрят. Начинаю рисовать одного — он со смехом удирает. Начинаю другого — то же самое. Совсем рядом крохотная девочка с пушистыми светло-рыжими волосами. Стала рисовать ее, но и она исчезла. Шум, смех, крики. Ну, думаю, так дело не пойдет. Объясняю им по-французски, что я из Советского Союза. Поняли, приутихли.

— Постой, пожалуйста, одну минутку,— прошу я самого старшего.

Мальчик послушался, встал в позу. Потом я рисую желающих. Их оказалось много. Только кончила последнего, как передо мною возникло лукавое личико рыжей девочки. Старший мальчик, чтоб она не вертелась, зажал ее голову ладонями. Так я ее и нарисовала.

Солнце поднимается все выше. На термометре тридцать пять градусов. Закрываются лавки, на окна опускают жалюзи. Но тротуары и мостовая заполнены детворой. Тротуары выложены из больших каменных плит, и ребята любят сидеть на них и рисовать цветными мелками.

В пять вечера жара спадает. Море, которое так хорошо видно из моего окна, становится ярко-синим.

— «Alger ce soir»!— слышу я звонкий голос.

Это кричит худенький мальчик с очень серьезным лицом. Он продает газету «Вечерний Алжир». Торговец фруктами, увидев, как я рисую газетчика, объясняет, что это сын партизана, которого убили вон у того серого дома. Стены у дома облупившиеся, обожженные, с черными пробоинами от снарядов и пуль...

Пляс де Мортир.

Торговец угощает меня виноградом, дыней, отрезая ее тоненькими ломтиками. Издалека к нам доносится нестройная песня. Она все ближе и ближе. Поют дети. Человек пятнадцать — двадцать ребят, и с ними высокий парень, их руководитель. Эти дети — тоже сироты. В Алжире много сирот. И молодежь занимается с ребятами, строит им детские спортплощадки, бассейны, школы.

Над городом опускаются сумерки. Я иду домой. На моей улице у длинного белокаменного забора, под шапками душистых малиновых цветов сидят и читают книги знакомые мальчишки.

На следующее утро из окна слышу шлепанье сандалий. Выглядываю — ребята. У всех под мышками зеленые и красные папки с «молниями». Я быстро собираюсь и иду за ними. Вид у ребят страшно деловой. Вместе мы поворачиваем за угол. Перед домиком под раскидистыми пальмами полно детворы. Это школа. Сегодня первый день занятий.

На школьной ограде под малиновыми цветами надпись времен революции: «Votez oui!»—«Голосуйте за!». Это призыв патриотов: голосуйте за наших детей, голосуйте за свободу!..

Но вот вышел учитель. Ребята бросились к нему, и улочка опустела.

Ребята любят рисовать на каменных плитах цветными мелками.

Лариса КУЛАГИНА, художница

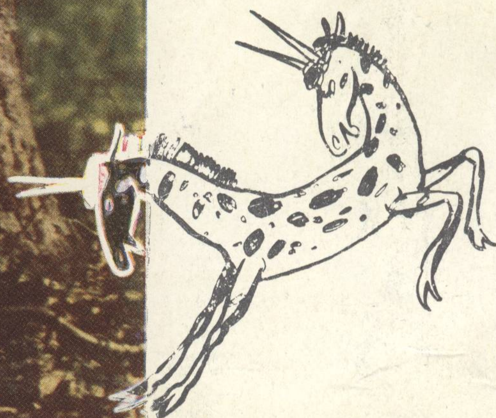
ШКОЛА В АЛЖИРЕ. Л. Кулагина.

Обед в зоопарке Тяни-Толкая

В обеденный час Тяни-Толкай посетителей в свой зоопарк не пускает: пусть звери спокойно поедят!

Однако для читателей «Пионера» он сделал исключение, и вот, пожалуйста, можете посмотреть, кто как обедает.

Головастый зубр старательно выщипывает сочные листики синей пролески, там и здесь пробивающиеся из-под прелой листвы. Трудновато, конечно, такому великану насытиться крошками-подснежниками. Ничего не поделаешь, зато витамины.

А вот бурундучок пирует над кедровой шишкой, которая почти

с него ростом. Есть чем набить брюшко, да и про запас останется...

Гляньте-ка, что за мышка-грызунишка закусывает, сидя на травяном стебельке! Научное имя этой миниатюрной особы — мышовка лесная. Это вам не зубр, ей бы и одной травинки хватило досыта, но, как видите, у нее к обеду не травинка, не зернышко, а злой, кусачий слепень. Приятного тебе аппетита! Ешь на здоровье и добавку бери.

Хорошая пожива поползню на старом пне! Он тут найдет и червячков и мурашек всяких. Добудет и короедов, если пошарит по щелям и трещинкам своим клювом. А клюв у поползня длинный и крепкий, не зря народ дал ему второе имя — дятелок.

Как говорится, о вкусах не спорят. Дай бобру самую лучшую жирную личинку — он и смотреть на нее не станет. Ему бы только свежие ветки грызть.

Вот и здесь он лакомится ветками, размалывая их крепкими, как стамески, зубами.

ПО СЛЕДАМ РЕВОЛЮЦИИ. Л. Кулагина.

Голубой дельфин

А. СОРОКИН

Рисунки В. Высоцкого.

Ялик принадлежал еще прадеду Костьки. Хороший моряк был прадед. Но вышел он однажды на шаланде ловить скумбрию и не вернулся. А после уже Костькин дед занимался перевозом пассажиров с Северной стороны Севастополя на Графскую пристань и обратно. В ту пору морские трамваи ходили редко, и всегда были любители пройтись по бухте на веслах.

Дед погиб на Сухарной балке во время Отечественной войны, и теперь на ялике ходит рыбалить Костькин отец. Из мореного дуба сделан этот ялик, и ему, как говорит отец, нет цены.

Иногда отец берет с собой Костьку. Особенно любит Костька таскать на «самодур» ставридку. Есть такая снасть, что даже наживку цеплять не нужно. Только привяжи разноцветные перышки к крючку — и все. Ставридка берет в начале лета. А позже, когда вода становится теплой, как парное молоко, и по вечерам светится от множества маленьких рачков, на песчаных отмелях берет султанка. Хорошо ловить с ялика!..

И вот сейчас этот ялик качается на волнах в полумиле от берега, и его постепенно тянет к выходу из бухты. Когда ветер с Северной, то течение всегда в открытое море.

Костька случайно упустил ялик. Он отомкнул цепь, чтобы вывести его на чистое место и подкрасить надпись на борту, а сам принялся размешивать краски. И ялик ушел. Тихо, без малейшего всплеска. Когда Костька хватился, он был уже от берега метрах в ста. Конечно, надо было сразу броситься в воду и догнать посудину. Но какой дурак полезет в воду в марте? А теперь все равно лезть придется. Вода, небось, бр-рр! И время позднее, темнеть начинает.

Костька оглянулся на белеющие на горе мазанки, посмотрел на удалявшийся ялик, и ему захотелось заплакать. Но плакать он не стал. Отец говорит, что моряки не плачут. И еще может увидеть соседская Катька. Тогда держись — засмеет!

А ялик уходил все дальше и дальше.

И Костька решился. Быстро сбросив одежку и оставшись в трусах и майке — так будет теплее,— он столкнул на воду доску и лег на нее. Вода оказалась не такой холодной, как ожидал Костька.

Первые пятьдесят метров доска продвигалась с трудом. Потом ее подхватил ветерок, а Костька стал загребать руками по воде, чтобы поскорее догнать ялик.

Из воды лодка казалась маленькой и далекой. Костька даже хотел повернуть к берегу. Но страх потерять ялик гнал его вперед. Над бухтой повисли сумерки. На юге темнеет быстро, и Костька торопился. Он рано научился плавать и не боялся воды. Он даже не думал о том, как будет гнать ялик без весел.

А до лодки было все еще далеко. И тут Костька почувствовал холод. Даже сначала это был не холод, а легкое покалывание, зуд. Мерзла поясница и пятки. Костька сильнее заработал руками и даже немного пролез по доске вперед.

Когда руки от холода стали терять чувствительность, Костька понял, что ялик ему не догнать. Он знал, что так начинается судорога, и повернул обратно. Берег казался рядом, но на воде никогда нельзя верить этому. Глаз обманывает.

Силы окончательно покинули Костьку, когда до берега оставалось совсем немного. Он уже не загребал руками, а мог лишь вцепиться в края доски. Лишь бы не выпустить ее. И он... выпустил. Сразу же в рот хлынула горько-соленая вода. И в тот же миг он услышал позади себя гул мотора. У него не было сил обернуться. Он только подумал, что отец разозлится из-за потери ялика. О себе не успел подумать.

Но и скрыться под водой Костька тоже не успел. Что-то гладкое, скользкое подтолкнуло его в живот и выбросило на поверхность. Костька вздохнул полной грудью, и сразу же его осветил луч прожектора.

— Держись, парень! — раздалось с катера.

И Костька в этот момент увидел это «что-то». Переливающая голубым спина какого-то животного снова подтолкнула его и не дала погрузиться в воду. Костька даже не испугался. И снова животное подтолкнуло Костьку, и снова ему показалось, что кто-то поддерживает его на воде...

Этот же катер пригнал потом ялик. Отец совсем не ругался и, хотя сам говорил раньше, что моряки не плачут,— плакал.

Все считали Костькино спасение чудом, а Костька никому не сказал про загадочное животное. Он даже думал потом, что все это ему привиделось.

...В начале мая уже можно было купаться в заливе каждый день. Отцвел миндаль и абрикос, на базаре появилась черешня и клубника.

Если бы не школа, то Костька и его друзья не уходили бы с моря.

А потом приехал Витька из Москвы. Он, как всегда, поселился у тети Нюши. Костька знал, что она ему никакая не родственница, а просто хозяйка, сдающая дачу.

Витька никогда далеко от берега не заплывал. Он даже крабов-пауков боялся ловить руками и, увидев их, визжал, как девчонка. А вот Катька не визжала, даже когда попадался сильный каменный краб.

О происшествии с яликом Костька давно забыл. И судороги он не боялся. В теплой воде судорога не бывает, если разминкой разогреть тело.

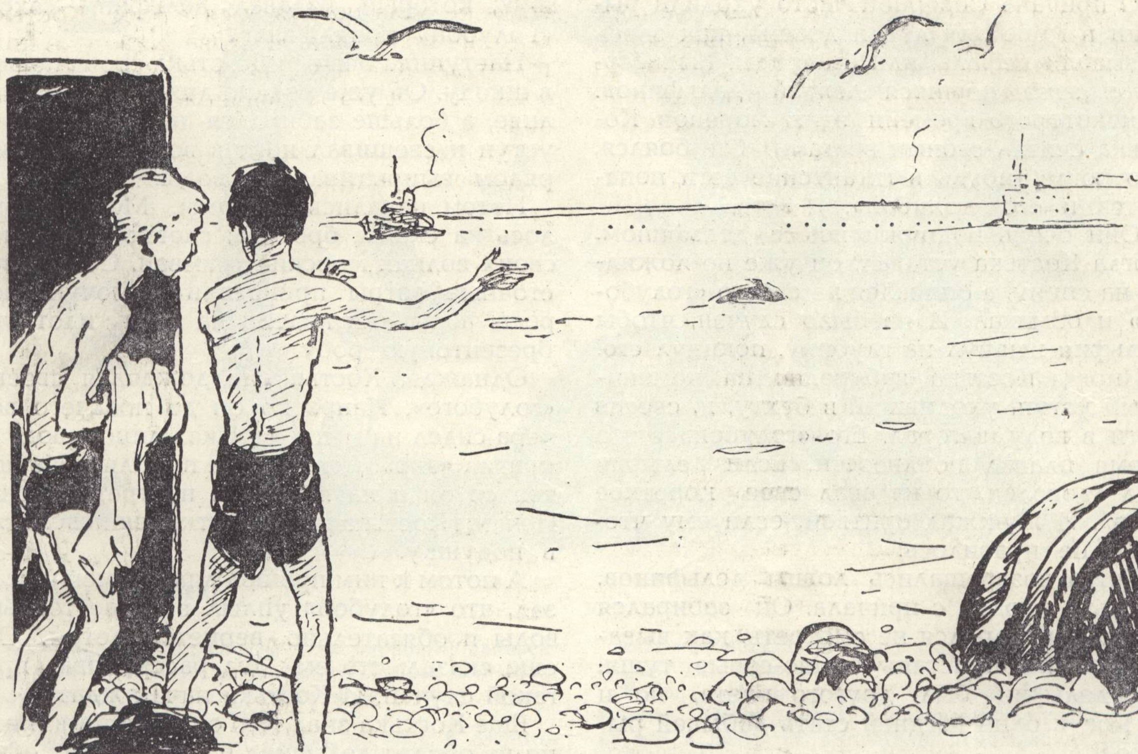
Любил Костька, отплыв подальше от берега, лечь на спину и смотреть в небо. В Крыму оно голубое-голубое, а барашки облаков такие белые, что, если на них смотреть долго, устают глаза.

Однажды Костька лежал на спине и смотрел, как из порта выходила «Россия». И вдруг его что-то подтолкнуло в спину. Костька от неожиданности испугался, но... вокруг ничего и никого не было. А может, это ему показалось? Может, это волна толкнула? И тут снова что-то мягкое и скользкое коснулось его.

Он быстро перевернулся на живот и... увидел дельфина. Дельфин поглядывал на Костьку маленькими любопытными глазами. В солнечных лучах кожа его отливала голубизной.

Дельфин не отплывал от мальчика, пока тот не приблизился к берегу. А потом уплыл. Костька видел, как несколько раз животное выпрыгивало из воды, как бы убеждаясь, что он на берегу, а затем исчезло.

Костька подошел к Витьке и восхищенно произнес:

— Видал?

— Невидаль, дельфин! — фыркнул тот.

Костька только плюнул на песок.

— Мой дельфин.

Больше он не сказал ничего. А дома спросил отца:

— Дельфин может укусить человека?

Отец хмыкнул в усы.

— Не собака это. Да и собака друзей не кусает.

Дельфин — друг? Это для Костьки было ново. Если друг, то зачем человек ловит его и убивает? Теперь он не сомневался, что тогда, когда он плавал за яликом, его спас дельфин. Он даже был уверен, что этот самый. Дельфин, наверно, и сейчас думал, что Костька тонет, и толкал его к берегу. Но поверит ли в это отец?

Отец поверил.

Несколько дней дельфин не появлялся. Костька часами лежал на спине, ожидая толчка снизу, но напрасно.

Дельфин дал о себе знать, когда Костька плескался с ребятами у самого берега. Подплыв бесшумно, он коснулся боком Костькиной ноги. Никто из купающихся его не заметил. Тотчас же Костька поплыл от берега. Дельфин плыл рядом. Так близко, что Костька даже сумел погладить его спину. Дельфин не шарахнулся в сторону, не ушел в глубину.

Тогда нырнул Костька. Как все мальчишки, выросшие на черноморском побережье, он не закрывал глаз в воде.

Он увидел, как дельфин, вильнув телом, бросился ему навстречу. В воде его кожа совсем не казалась голубой, а только несколько светлее кожи тех дельфинов, которых Костька часто видел в заливе. Дельфин понял, по-видимому, что Костька с ним играет, и легонько подтолкнул его носом, издав при этом какой-то непонятный звук — «эхр». А когда Костька захотел еще отплыть от берега, дельфин настойчиво стал преграждать ему дорогу.

Он снова издавал какой-то звук. Но теперь этот звук напоминал короткое жужжание электрической бритвы.

Потом было много случаев, когда дельфин безошибочно находил Костьку среди купающихся.

В поселке на Северной стороне знали уже про этого дельфина. Для всех это было загадкой. Только дядя Семен сказал задумчиво:

— Самка это. Потеряла детеныша и тоскует. Еще дед рассказывал мне про такой случай.

С причала Северной часто уходили рыбаки в море для ловли лобана, как здесь называли кефаль, или ставриды. Были артели, занимающиеся ловлей дельфинов. С некоторого времени этих моряков Костька считал своими врагами. Он боялся, что когда-нибудь в гигантские сети попадется и его «голубой».

Они очень подружились с дельфином. Когда Костька уставал, он уже не ложился на спину, а опирался на своего «голубого» и отдыхал. И не было случая, чтобы дельфин нырнул на глубину, покинул его.

Иногда Костька забирался на каменистый уступ, уходивший в бухту, и, свесив ноги в воду, загорал. Его «голубой» в это время плавал поблизости. Если дельфин был доволен, то издавал свое короткое «эхр». И жужжал бритвой, если ему что-либо не нравилось.

Когда возвращались ловцы дельфинов, Костька уходил с причала. Он забирался за утес и старался не смотреть, как вываливают на пристань темно-серые туши. Его дельфин был другого цвета, но и он мог в один из дней стать добычей рыбаков.

Рыбаки уходили, и тогда Костька бросался в воду и пытался издавать под водой звук, который издавал дельфин,— «эхр». «Голубой» приплывал.

Наступила осень, и Костька снова пошел в школу. Он уже редкие дни купался в заливе, а больше забирался на каменистый уступ и свешивал ноги в воду. «Голубой» рядом выпрыгивал из воды.

Потом начались штормы. Море дыбилось на скалы, бросало, словно ялики, на своих волнах морские трамваи. Северо-восточные ветры приносили колючую морось, а рыбаки надели на себя плотную брезентовую робу.

Однажды Костька не дождался своего «голубого». Напрасно он до позднего вечера сидел на мысе, опускал лицо в воду и кричал «эхр». Дельфин не приплыл. Не появился он и на второй и на третий день. Ночами Костька плакал, уткнувшись лицом в подушку.

А потом к ним пришел дядя Семен и сказал, что «голубой» уплыл в более теплые воды и обязательно вернется летом. Он еще сказал, что ему дед рассказывал про такой случай. И Костька начал ждать.

Еще Костька знал, что он никогда в жизни не обидит дельфина и не позволит обижать другим.

Вот только вырастет большой.

ИЮНЬ

Геннадий СНЕГИРЕВ

Рисунки М. Митурича.

Под городом Воронежем есть бобровый заповедник. Там на лесных речках живут бобры. Они перегораживают речки плотинами и на берегу прудов строят хатки.

В заповеднике нельзя рубить деревья и охотиться, чтобы не пугать бобров.

Заповедник устроен для бобров, но олени, кабаны и другие звери знают, что здесь их не тронут охотники, и тоже живут в заповедном лесу.

Я приехал в заповедник в июне и стал жить в избушке у лесника-наблюдателя. Один раз взял я у него велосипед прокатиться по лесным тропинкам.

Далеко от дома заехал, повернул назад, потихоньку еду, слушаю, как иволга поет за речкой...

Вдруг барсук из кустов как выскочит, хотел через тропинку перебежать, прошмыгнуть, да угодил прямо под колесо. Я в кусты свалился, встал, поднял велосипед. «Нет,— думаю,— лучше пойду пешком, здесь звери совсем людей не боятся».

И вправду, совсем не боятся. Утром прибежал стрелочник с железной дороги.

— Забирай,— кричит,— своего вредителя, под мостом копает!

Оказывается, бобер молодой плыл вверх по речке, приглянулось ему местечко под железнодорожным мостом. Решил он тут нору вырыть.

Над ним поезда грохочут, а он знай себе роет, все глубже да глубже.

Бобра поймали, обратно в заповедник принесли в мешке. Он по дороге в мешке пыхтел сердито, пока его в речку не выпустили, подальше от железной дороги.

В июне хорошо в лесу. Над речкой голубой зимородок пролетит, усядется на сучок и замрет. Смотрит в воду. Вдруг нырнет, вынырнет с рыбкой в клюве, полетит кормить птенцов. Гнездо у зимородка — пещерка в обрыве над рекой.

Вечером, как солнце сядет, летучие мыши из дупла вылетают на охоту, порхают над лесными полянами, хватают майских жуков.

В июне летучая мышь летает с мышатами. Они у нее по два, по три на животе сидят, в шерстку вцепились, ждут, когда мама-мышь жука поймает. Прожорливые они. Как мышь жука поймает, мышата рты разевают и верещат. Я все удивлялся, как мышатам не страшно над лесом с мышью летать, ведь можно сорваться, а крылышки у них еще слабые. Мышата разобьются, если упадут.

На рассвете, когда кричат петухи, летучая мышь возвращается в дупло. Крылья сложит, повиснет вниз головой и спит вместе с мышатами весь день до вечера.

НГУЭН ЗУ

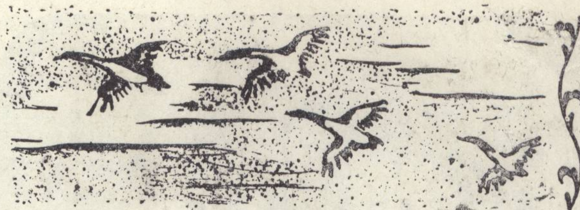
В сумерках любуясь рекой Тхань-Кует

Мост миновал я — и вольный простор
Открылся издалека.
Зубчатые, за уступом уступ,
Синеют горы слегка.
Бредет дровосек под луной двурогой
С вязанкой древней дорогой,
В закатном огне, на приливной волне,
Качается челн рыбака.
Едва видны в тумане река
И пух молодого леска.
Вдоль берегов, над кровлями хижин,
Дымок почти неподвижен,
Но я напрасно ищу в отдаленье
Мое родное селенье,
Лишь дикие гуси пятнают, как точки,
Облачные шелка.

О том, что видел

На чужбину ушла ты в голодный год...
Материнское сердце томит тревога.
Свой клочок земли покинула ты:
Рис дешевле в далеком краю немного.
Прокормиться бы только хоть как-нибудь,
На батрацкий доход не надейся очень,
Две руки не насытят четыре рта,
Надо нищенствовать у дорожных обочин.
Разве долго милостыней проживешь?
Дети чахнут, и нет уже сил и веры...
Скоро трупы иссохшие лягут в ров,
И над ними пир устроят пантеры.
Страшно матери на детей глядеть,
Хоть у ней у самой туман во взоре,
Хоть сама от голода чуть жива...
Солнце померкло; увидев людское горе,
Потянуло ветром студеным вдруг.
Мучат путника тягостные сомнения:
На привале в Сихэ он видел вчера,
Как столы ломились от угощения,
Там баранина в избытке была,

Плавники акульи, мясо косули,
А гостей сановных не сосчитать,
Но они и палочкой не шевельнули.
Челядь нехотя отведала яств,
Остальное пускай доедают рыбы!
Что жалеть? Если б вы обернулись назад,
Лодку с новой едой приметить могли бы.
Знать, гостям пирующим невдомек,
Знать, не видят они пресыщенным взглядом,
Что от голода мать и трое детей
Умирают с проезжей дорогой рядом.

Рисунки Н. Доброхотовой.

Стихи навсегда

Давно, во времена нашего Пушкина, жил в нынешнем Вьетнаме человек по имени Нгуэн Зу. Он родился, учился, жил богато, был знатен, умен и нарядно одет. Сын вельможи и военачальника, сам пышный придворный вельможа и военачальник, правитель области и дипломат, возглавивший в 1813—1814 годах посольство в Пекине, а затем вице-министр церемониала во дворце императора.

Но мало ли было на белом свете и вельмож и правителей! Далеко не обо всех царях и королях помнят люди. Так почему же мы теперь, в 1965 году, да еще по решению Всемирного Совета Мира, да еще и во всех странах отметим этой осенью двухсотлетие дня рождения Нгуэна Зу?

Кто он был, этот человек, и что сделал? Почему мы помним его, вельможу из старого Вьетнама?

Нгуэн Зу был прекрасный поэт. Он писал великолепные стихи.

Легко расстаться человеку с плохими вещами, но зато как берегут, как нежно и верно хранят люди хорошее, красивое, сделанное с талантом, мастерством и совестью! Стихи старого поэта прекрасны.

Вот небольшой отрывок из одной легенды о Нгуэне Зу:

«...Тропическая ночь упала на землю, когда поэт растер тушь и взялся за кисточку. А наутро, едва отблески зари коснулись зеркальной глади рисовых полей, он завершил свой труд, но голова поэта засеребрилась сединой, столь велико было вдохновенное напряжение...»

Так рассказывает легенда о рождении поэмы «Стенанья истерзанной души», которую вьетнамцы помнят наизусть и которой по праву гордятся. Старый поэт не только не забыт, он любим во Вьетнаме. Потому что помнят люди о том, сколько добра, сколько красоты сумел он создать, пока жил на белом свете. Вот главное: добра ли хотел человек или зла?

Чтобы это понять, прочтите стихи Нгуэна Зу. Стихи эти в какой-то мере страницы дневника, куда поэт, неторопливо и вдумчиво отбирая лучшие, самые выразительные и точные слова, записывал происшествия и собственные размышления, которые возникали у него по дороге во время путешествия.

В начале прошлого века ездили медленно и жили неторопливо, а бед и несправедливостей было кругом хоть отбавляй. Горька и несправедлива бедность. Отвратительны и несправедливы богатство и роскошь. Жизнь человека трудна, но все же так прекрасна, что посреди любой печали всегда нет-нет да блеснет улыбка радости. Вот об этом и о многом еще другом, чего не пересказать тут, написаны эти стихи, такие плавные и неспешные, как сама жизнь в Азии тех времен, когда шествовал важный и пышный посольский караван по долинам и через горы, мимо селений, с долгими остановками и многочисленными встречами на пути.

Вот вы и узнали немного о Нгуэне Зу.

Кому стало интересно, пусть запомнит, что этим летом выйдет в Москве целый том его стихов, которые написаны хоть и давно, но так хороши, красивы и правдивы, что им никогда не затеряться и никуда не пропасть. Это стихи навсегда.

Данте Алигьери. Фреска Джотто.

СУРОВЫЙ ДАНТ

Ю. НОВИКОВА

Так назвал его наш Пушкин. Дант, Данте Алигьери... С именем великого итальянского поэта вы встретитесь раньше, чем прочитаете «Божественную комедию», его прославившую. На страницах многих книг попадутся вам слова: «Дантов ад», «Данте и Беатриче», и вы, должно быть, захотите узнать, что это значит... А те, кто любит стихи, те, возможно, заметят, что поэты — даже наши современники! — не раз вспоминают о Данте. И не так, как о седой старине — уважительно, но холодно... О Данте говорят с волнением... А чем, казалось бы, может создатель «Ада» и «Рая» взволновать людей космического, атомного века, не верующих ни в ад, ни в рай?!

Какие струны затрагивает в душе потомков «суровый Дант»?

I

Разумеется, он бесконечно далек от нас. Ведь с того дня, когда во Флоренции, в доме Алигьери, родился мальчик, получивший имя Данте, прошло целых семь столетий!

Тогда, в средние века, все на земле шло по-другому. Сама земля представлялась другой: она стояла неподвижно, а солнце вращалось вокруг нее. По крайней мере так считали средневековые ученые.

Герб Флоренции.

И Италия XIII века, Италия Данте не походила на современную. Ее трудно было даже назвать единой страной... Своей жизнью жил каждый город, окруженный высокими стенами. Нередко города воевали друг с другом. А внутри городских степ тоже все было накалено, все кипело... С оружием в руках бросались друг на друга гвельфы и гибеллины, сторонники папы и защитники императора. Позднее враждовали «черные» и «белые», дворяне и

горожане... То и дело разыгрывались кровавые побоища,— причин для разногласий было довольно.

Звенело оружие. Звенели колокола бесчисленных церквей. А к этому все явственней примешивались новые звуки — звон золотых монет!.. Золото становилось могущественнее, опаснее боевых металлов — железа и стали. В средневековом мире рыцарей и монахов все больший вес приобретали богатые купцы и менялы.

Герб семьи Портинари.

Прекрасная Флоренция — родина Данте — торговала тонкими сукнами.

Впрочем, «прекрасной» Флоренцию в те годы можно было назвать только условно. В дни детства Данте это был обыкновенный, мрачноватый средневековый город. Великолепные дворцы украсили его десятилетиями позже. Улицы старой Флоренции были узкими, кривыми, грязными, средневековье не знало правил гигиены. Флорентийские площади показались бы нам тесными... Но юный Данте любил свой город и таким.

О, как будет не хватать ему в изгнании прозрачного воздуха долин и холмов, окружающих Флоренцию, милой реки Арно!.. Как, любя и ненавидя, будет тосковать он по своим соотечественникам в их странных одеяниях — длинных плащах с капюшонами!.. Для нас эта одежда слилась с образом самого Данте.

Но не надо забегать вперед.

В 80-х годах XIII века, когда Данте Алигьери достиг юношеских лет, Флоренция ненадолго вкусила сладостной тишины: гвельфы как будто помирились с гибеллинами, а борьба «белых» и «черных» еще не начиналась...

Город торжественно справлял свои весенние празднества. По улицам под звуки труб двигалась «белая дружина» — молодежь в белом... На трибунах, украшенных цветами, пели, читали стихи... В эти дни юноша в белой одежде — Данте — встретил девушку в белоснежном платье. Он уже видел ее когда-то, и прелестный образ девочки запал в его девятилетнее сердце. Сейчас она была в полном расцвете красоты и «в неизреченной своей милости» поклонилась ему благосклонно. Тогда, охваченный восторгом и нежностью, Данте удалился от друзей и написал свое первое стихотворение.

Улица в старой Флоренции.

Девушку звали Беатриче.

Каким был Данте в ту пору, нам нетрудно себе представить благодаря гениальной кисти Джотто. Задумчивое лицо, нежная, почти девичья кожа, но сколько силы в линиях рта и подбородка!

Портрета Беатриче, дочери Фолько Портинари, не сохранилось. Позднейшие художники изображали ее так, как им подсказывали стихи Данте.

На долгие века обессмертил он образ своей возлюбленной — той, что не была ему ни невестой, ни женой, с которой он виделся мельком, с которой обменялся, быть может, лишь несколькими словами!.. Но когда люди говорят о Данте и Беатриче, они подразумевают любовь глубокую, почтительную, бескорыстную, любовь, которая проходит через всю жизнь.

У средневековых рыцарей было принято поклонение «прекрасной даме». Но для большинства

это стало просто красивой формой, видимостью, мы сказали бы теперь «модой». Любовь Данте была живым, трепетным чувством.

Смерть Беатриче — она умерла молодой! — повергла поэта в великое отчаяние.

Ее памяти посвятил он свою книгу «Новая жизнь», исповедь сердца, дневник... Средневековье не знало таких книг: искренние признания человека мало кого тогда волновали. Книга Данте была новой во всех отношениях.

Данте перерос свою эпоху. «Последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени» — так называет его Фридрих Энгельс.

Бюст Данте.
(Неаполитанский музей.)

II

Любимую отняла смерть. И еще одну тяжкую утрату пришлось пережить Данте. В 1302 году он — уважаемый гражданин, воин, дипломат, поэт и ученый —был безвинно изгнан из родной Флоренции.

«...И пошел я странником по всем городам и весям... чуть ли не нищенствуя»,— писал он в прозе. И позднее, в стихах:

...Как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням...

За годы изгнания лицо его изборздили морщины, и стало оно таким, каким мы видим его почти на всех портретах,— скорбным и мрачным. Теперь это был подлинно «суровый Дант».

Но дух его не был сломлен. В изгнании создает Данте свой великий труд — «Божественную комедию», все три ее части — «Ад», «Чистилище», «Рай». Чеканными стихами повествуется в них, как он, поэт Данте, прошел сквозь девять кругов преисподней, где томятся грешники, и, поднявшись по горе Чистилища, достиг вершин блаженства. В начале поэмы Данте рассказывает о том, как он встретил римского поэта Виргилия, которого прислала ему в провожатые прекрасная Беатриче.

Начало рукописи
«Божественной комедии».

«Божественная комедия» имеет глубокий, скрытый смысл. В сущности, Данте говорит о том, как человек с помощью разума и чувства, пройдя сквозь жестокие испытания, становится сильным и просветленно-мудрым.

...Теперь благодаря прекрасному переводу М. Лозинского мы тоже можем сопровождать Данте в его фантастическом странствии. Даже не зная итальянского, почувствуем мы прелесть стиха, трагическую красоту клубящихся образов, живость описаний... Краски для своих вымышленных картин Данте берет из окружающей жизни, и острота его зрения поразительна. Это тоже было ново для средневековья. Ошеломляюще новым показался современникам и язык Данте. Не на «ученой» латыни — языке избранных — писал поэт, а на обычном разговорном языке.

Могучая личность Данте чувствуется в каждой песне «Комедии». Описывая «Ад», он только внешне следует тому, что было принято церковью,— у него, Данте, свое отношение к человеческим «грехам». Глубоким презрением казнит он людей, не совершивших в жизни ни хорошего, ни плохого, боявшихся жизни. Эти жалкие души не заслуживают даже слова...

И с каким сочувствием рисует поэт две прекрасные «тени» — Паоло и Франческу,— повинных лишь в том, что они любили друг друга! Как почтительно приветствует он человека, по чьей «энциклопедии» учился в юности! Данте исполнен уважения к нему, несмотря на то, что тот осужден на пребывание в аду.

Зато какой только казни не придумал Данте для тех, кого дей-

ствительно ненавидел,— для лжецов, лицемеров, скупцов-стяжателей!.. Среди тех, кто был обуян жадностью, немало монахов, духовников. А сам «наместник бога на земле» — папа Николай III — по воле поэта томится в одном из самых глубоких кругов ада, там, где наказуются тягчайшие преступники — убийцы, изменники родины.

Родина!.. В какие бы глубины ни заглянул Данте, на какие бы выси ни поднялся, всюду помнит он о ней, о своей Флоренции! Флоренция — ее судьбы, ее красота, ее коварство и неблагодарность — вот что неизменно волнует поэта-изгнанника!

«Дом Данте».
Здесь, по преданию, родился поэт.

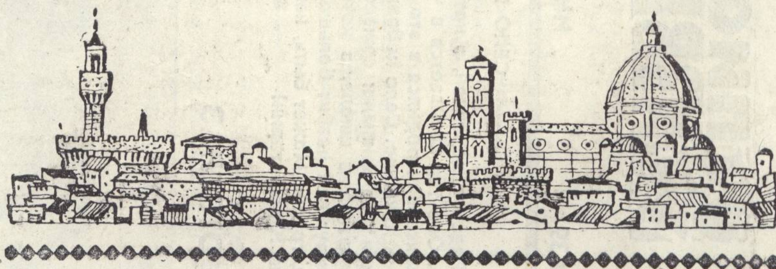
И все же, когда ему предлагают вернуться в родной город с тем условием, что он в позорном колпаке, со свечой в руках принесет покаяние в преступлении, которого он не совершал, Данте отказывается. Гневом и гордостью дышит этот отказ. «Нет, не так возвращаются на родину!... Если во Флоренцию нельзя вернуться таким образом, чтобы не пострадала слава и честь Данте, я не вернусь туда никогда!»

Данте остался верен своему слову: он не вернулся на родину. Не во Флоренции, а в Равенне находится гробница поэта. В Равенне, а не во Флоренции предстала воображению нашего поэта Александра Блока «Тень Данта с профилем орлиным...» Когда флорентийцы захотели перевезти прах Данте на родину, обстоятельства сложились так, что это осуществить не удалось...

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою,—

говорит в своем стихотворении «Данте» наша современница, вдохновенный поэт Анна Ахматова.

...Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть...
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 39 ИЮНЬ 1965 г.

СЕЛО ГАГАРИНО

Рядом с деревней, в которой я жила, было село Гагарино. Оно так называется в честь первого космонавта. Юрий Алексеевич родился в этом селе, которое прежде называлось Клушино. Село небольшое — две-три улицы. Дом, где жили Гагарины, к сожалению, не сохранился. Зато есть двухэтажная школа, в которой первый космонавт учился. Вокруг нее разбит большой сад. В ряд выстроились яблони, груши. Может быть, какую-нибудь из них сажал школьник Юра Гагарин!

Оля Меркулова,
г. Москва.

ФОТОГЛАЗ

Я был в деревне. Кругом нее очень красивые места, много интересного, и я без конца снимал. Свои снимки шлю вам...

Эта коза очень избалованная. Сорвешь траву, дашь ей, она с жадностью съест, как будто не ела весь свой век.

Владимир Алексеенко,
г. Москва.

Наш 7-й «Б» класс взял шефство над детской площадкой. Мы выкопали деревья, привезли их на площадку. Своими силами мы посадили их, разбили клумбы, разровняли территорию. Я сфотографировал наш класс за работой.

Леня Гладких,
г. Коркино-2, Челябинская область.

АБРИКОСЫ ЗАЦВЕЛИ

Мы живем в городе Челябинске. Около Тракторного завода. У нас есть школьный сад. В нем много яблонь и вишен, а в прошлом году посадили абрикосы. Та весна была очень морозная, и мы боялись, что абрикосы не выживут. Ребята каждый вечер устраивали дымовую завесу, и саженцы выжили, зацвели.

Фахрисламова Фая, Бугаенко Люда, Еремина Нина, Бурыгина Рая, Мезенцева Наташа, Лопаницына Наташа.

«ПРИЕЗЖАЙТЕ ПОЧАЩЕ!»

Летом мы работали в ученической бригаде колхоза имени Свердлова. У нас есть художественная самодеятельность. Пятнадцать раз мы выступали с концертами в соседних селах и на полевых станах, и везде нас тепло встречали. «Спасибо, приезжайте почаще!» — провожали нас наши слушатели.

Тая Щетинина,
с. Солдато-Александровское,
Ставропольский край.

СТРАННЫЙ ЗВЕРЬ

Летом я со своим младшим братом Игорем жила у бабушки. Деревня стоит прямо в лесу, и мы часто ходили на речку и в лес за грибами и ягодами. Один раз, когда мы были в лесу, я услышала крик Игорька. То, что я увидела, заставило меня застыть в ужасе: прямо на нас катилось какое-то чудовище желто-красного цвета. Мы схватили лукошки и бросились бежать. Потом заблудились и вернулись домой только к вечеру, усталые и голодные.

Когда мы рассказали обо всем бабушке, она долго смеялась. А потом сказала, что за зверя мы встретили в лесу. Оказывается, это был самый обыкновенный еж. Он катался по опавшим листьям, нанизывал их на иглы, а потом тащил в свою норку, чтобы зимой там было тепло.

Нина Петрий,
г. Салават,
Башкирская АССР.

НАШИ ЛЕСНЫЕ СОСЕДИ

В таежной чащобе, в теплой, уютной, хорошо замаскированной берлоге, спит преспокойно медведь — «хозяин тайги». Просыпаются мохнатые медведи в середине весны, в апреле, когда звенит весенняя капель и начинает оживать вся природа.

Чуть треснет прогнивший сучок или упадет ком снега с больших, пушистых лап сосны или вековой ели, как, подняв голову, прижав длинные уши к спине, без оглядки удирает осторожный заяц. На зиму косой линяет: его пушистая шкурка из серой превращается в белую, под цвет снега. Идет охотник на промысел, и, если он без охотничьих собак, не приметить ему зайца.

В большом сугробе, где-нибудь около деревьев, роет себе уютную нору сибирская лисица. У лисицы много забот. Нужно себе и лисятам на обед подкараулить добычу, позаботиться о своих детенышах, замаскировать жилище. Поступь у лисы очень осторожная, даже к зайцу она нередко подкрадывается во время своей охоты. Любит она полакомиться свежим зайчиком, не прочь отведать и птицы, хотя поймать ее трудно. У лисицы рыжий мех, маленькие хитрые глазки, великолепный рыжий хвост и маленькие лапки. Лиса тоже очень осторожная.

Вот какие звери водятся в наших лесах. И не только медведь, заяц и лисица, о которых я вам рассказала, но и многие другие.

Валя Подлесская,
с. Туманшет,
Иркутская область.

СМЕШИНКА

Мама выстирала рубашку и попросила Петю повесить ее сушить на солнышко. Петя ушел, но скоро вернулся с рубашкой.

— Почему ты не повесил ее сушить? — спросила мама.

— Я не достал до солнышка,— ответил Петя.

Рашид Баязитов,
г. Уфа.

ЛОСЕНОК

У нас дома всегда живут какие-нибудь звери. Даже медвежонок жил. Однажды летом мы встретили в лесу двух маленьких лосей. Один испугался и удрал, а второй, послабее, остался. Мы решили взять его к себе. Но он не хотел ничего есть. Тогда мы попробовали поить его молоком из соски. Это ему понравилось. Он стал вместе с молоком глотать соски. Поправлялся лосенок медленно. На шее у него оказалась рана, и она долго не заживала. Мы начали ее промывать, и дело пошло лучше. Когда он подрос, мы его стали кормить картошкой и привозили ему из леса осиновые ветки. Лосенок окреп. С людьми он сдружился, но собак презирал.

Наступила зима, лосенок ушел и не вернулся. Но у нас осталась вот эта фотография.

С. Зырянова,
пос. Аргат-Юл,
Томская область.

РЕБЯТА И ВОР

Вечером, когда пионеры Валя Стродзе, Валя Спиридонова и Володя Любенский возвращались домой, они увидели незнакомого человека с узлом. Выйдя из дома и озираясь по сторонам, он быстро пошел к вокзалу. «Не вор ли это?» — подумали ребята. Обе Вали побежали в милицию, а Володя стал преследовать неизвестного. Подоспели милиционеры. Преступник был задержан, и работники милиции были благодарны ребятам за помощь.

С. Вопилов, капитан милиции,
г. Сланцы, Ленинградская область.

ЮНТАСС сообщает...

✻ В школе № 21 города Ангрена пионеры пятых и шестых классов, шефствующие над октябрятами, организовали клуб «Малышок». Здесь для октябрят устраиваются праздники, конкурсы, утренники сказочных героев, показываются диафильмы.

●

✻ В Сухуми уже два года горит пионерский огонек «Клуба интересных встреч». В клубе ребята знакомятся с героями Отечественной войны, мастерами спорта, артистами, иностранными гостями.

●

✻ В городе Бухаре открылся кинотеатр «Юность». Здесь все делают сами ребята. Они и контролеры, и кассиры, и киномеханики. Даже директор Мамад Джураев — ученик пятого класса. В кинотеатре показывают детские фильмы и фильмы по физике, химии, биологии.

●

✻ Пионеры ташкентской школы № 108 решили создать клумбу, на которой росли бы цветы разных городов. Во все концы страны послали они письма с просьбой прислать семена самых красивых местных растений. Здесь же, в парке «Ударник», поднимется новая пионерская аллея.

Редколлегия: **Николай Булгаков (редактор), Анатолий Лысенков, Сергей Огнивцев.**

Соловей

А. СМОЛЬНИКОВ

Рисунки П. Павлинова.

Так звали лошадь — Соловей. Старого, с негнущимися, будто они были деревянные, ногами смиренного мерина. Был он отменно бел и крупен, на нем бы впору полководцу въезжать в поверженный город. Но Соловей наш, как видно, опоздал родиться: полководцы теперешние на машинах ездят, а он, коняга, вот уже лет двадцать возит в рыбкоопе воду. Мы и взяли его в отряд прямо от водовозного шарабана о четырех колесах и от громоздкой подтекающей бочки.

Честь эта — привести Соловья в отряд — почему-то выпала мне. Конюх надел на него принесенную мной уздечку, спросил, верхом поеду или так. И когда я пожелал поехать верхом, добавил: «Мудрый конь вам достался, артист».

Четыре километра пути от конюшни до наших палаток Соловей прошел ритмичным, исполненным достоинства шагом. Я пробовал переключать скорость, дергал поводья, но Соловей только оборачивался ко мне, косил большим спокойным глазом, будто хотел узнать, что меня там, на спине у него, так беспокоит, и шагал дальше ни быстрее, ни медленнее. Мне даже как-то неловко стало суетиться при нем, старике, настаивать на чем-то не так уж, в сущности, необходимом, и я покорился.

Перед нашими палатками начинался спуск. Я решил, что везти меня под гору легче и что пристойнее было бы для коня да и для седока тоже въехать в лагерь хотя бы легкой рысью. Я выбрал момент и потянул повод. Но Соловей, кажется, и не думал красоваться. Он опять посмотрел на меня недоуменно: условились, мол, шагом идти, чего же ты? — и снова заковылял деревянной своей походкой. Но вот уже товарищи в лагере заметили наше приближение, и я не утерпел и поторопил Соловья еще раз. На этот раз он даже не покосился. Я только почувствовал вдруг, что отделяюсь на какое-то мгновение от широкой его спины, подлетаю кверху. Тихонько этак, незаметно Соловей взбрыкнул задними ногами. Падая, я успел вцепиться в гриву.

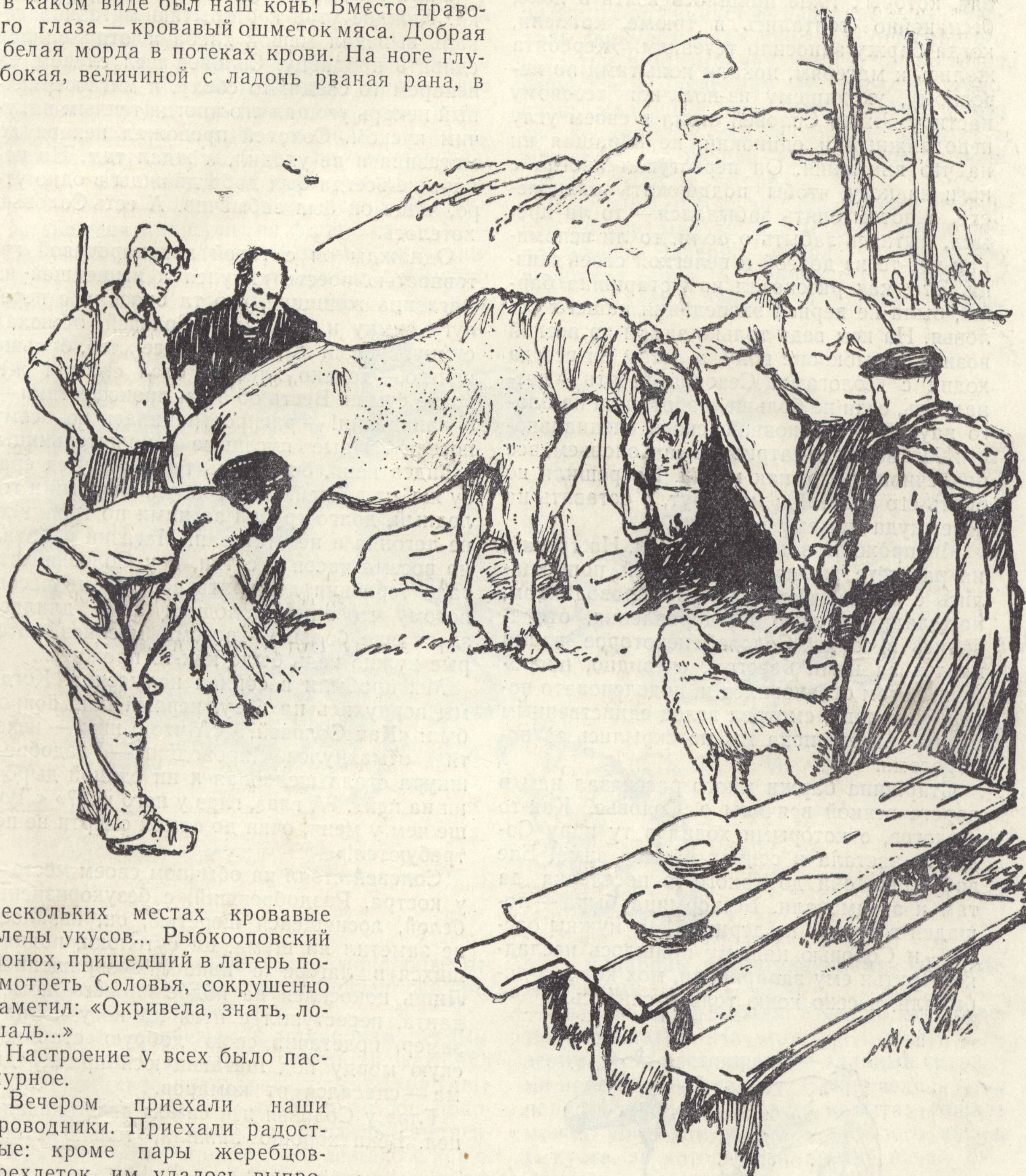
В лагерь мы въехали не так, как хотел я, а так, как считал нужным Соловей. Он деловито подвернул к кухне и встал. Встал окончательно. Нас обступили. Я слез, набрался духу и покровительственно, как только мог, потрепал коня по шее.

Соловья тут же привязали, угостили овсом и хлебом, принялись осматривать. Начальник отряда растопырил ему губы, заглянул в рот: «Кажется, зубы у старика еще есть». Кто-то установил тем временем, что у старика сохранились и ребра. Впрочем, конь был как необшитая баржа на стапелях: весь каркас наружу. Начальник отряда только провел по ребрам кулаком, как палкой по штакетнику, и сказал неизбежное: «Берем!» Лошадей тут, в поселке, было раз-два и обчелся.

На ночь коня напоили, привязали к плетню, задали корм. Долго еще было слышно из палатки, как хрупает он овес, фыркает, грузно переступает с ноги на ногу. Потом все стихло.

На рассвете нас разбудило неистовое конское ржание. Возле палаток метались лошади, истошно заливался лаем наш пес Эвахаль. Кто-то опрокинул стол с кастрюлями и ведрами, кто-то отчаянно ломал плетень, к которому был привязан Соловей. Пока я спросонок выбирался из спального мешка, путался в пологе, расстегивал деревянные дверные застежки, батыева орда, налетевшая на нас, словно вихрь, по-видимому, унеслась в тундру. Я вылез из палатки, увы, уже для того только, чтобы увидеть результаты набега. Стол сломан, ведра и миски валяются в золе, сдернут прикрывавший наш скарб брезент, из разорванного мешка сыплется на траву овес! Все ясно, нас посетил-таки рыбкооповский косяк, пасшийся в тундре во главе с буйным Монголом. Драчливый этот жеребец, сущий дьявол. Даже рыбкооповский конюх опасается его железных копыт и зубов. Но самое огорчительное было то, что старый наш Соловей исчез. У разбитого плетня грустно белел обрывок веревки, а Соловья вместе с новенькой подотчетной уздечкой не было. Лишь Эвахаль виновато крутился под ногами, будто оправдывался: вот, мол, не уберег... Соловья разыскали уже днем, в тундре. Он понуро стоял в кочкарнике, отбиваясь хвостом от досадливых комаров и слепней. Но

в каком виде был наш конь! Вместо правого глаза — кровавый ошметок мяса. Добрая белая морда в потеках крови. На ноге глубокая, величиной с ладонь рваная рана, в

нескольких местах кровавые следы укусов... Рыбкооповский конюх, пришедший в лагерь посмотреть Соловья, сокрушенно заметил: «Окривела, знать, лошадь...»

Настроение у всех было пасмурное.

Вечером приехали наши проводники. Приехали радостные: кроме пары жеребцов-трехлеток, им удалось выпросить еще двух бывших в работе кобыл. Обе они, правда, были с жеребятами, но зато бывалые.

Старший проводник осмотрел Соловья, покачал головой, сказал: «Ковать надо». Начальник отряда взорвался даже: «Что ты мне «ковать»! Мы тут думаем, брать или не брать». «Я думаю, ковать надо,— повторил проводник.— А с глазом что теперь? Чудес не бывает».

* * *

Два дня, скребя железным днищем на бесчисленных перекатах, везла нас в сопки маленькая самоходная баржа. Лошади, их было теперь уже пять, не считая двух жере-

бят, которых тоже пришлось взять в поле, беспокойно топтались в трюме, храпели, когда баржу заносило течением. Жеребята жались к матерям, цокали копытами по неровному, уходящему из-под ног тесовому настилу. Лишь Соловей стоял в своем углу неподвижный и одинокий, не обращая ни на что внимания. Он переступал иногда с ноги на ногу, чтобы поддержать равновесие, а потом опять забывался — то ли дремал, пытаясь забыть о боли, то ли вспоминал что-то из долгой и нелегкой своей жизни. Это, как рассказал нам старшина баржи, была не первая экспедиция нашего Соловья. На нем ведь только зимой да весной возили в рыбкоопе воду, а летом он всегда ходил с геологами. Сезонов десять — двенадцать, если не больше, работал он на благо науки — по основной своей специальности. Мы все присматривали за Соловьем, все подлечивали его, как могли. Но решили не брать его с собой в маршрут, а оставить на базе: куда уж ему в сопки...

Мы прожили в лагере два дня. На третий, на рассвете, завьючили лошадей, попрощались с остающимся на базе проводником, пожелали Соловью выздоровления, отправились в сопки. Соловей некоторое время плелся за нами берегом, очевидно, провожая, потом остановился и, подслеповато повернув голову, смотрел вслед единственным своим глазом, пока мы не скрылись за поворотом...

Старшина баржи много рассказал нам в дороге всякой всячины о Соловье. Как-то геологов, с которыми ходил в ту пору Соловей, застала в сопках ранняя зима. Еле добрались они до какого-то поселочка да там и зазимовали. Бескормица была — лошадей в тундре не держат, там нужны олени,— и Соловью нашему пришлось несладко. Прутья ему запаривали, мох кое-как добывали, а сено коню только снилось.

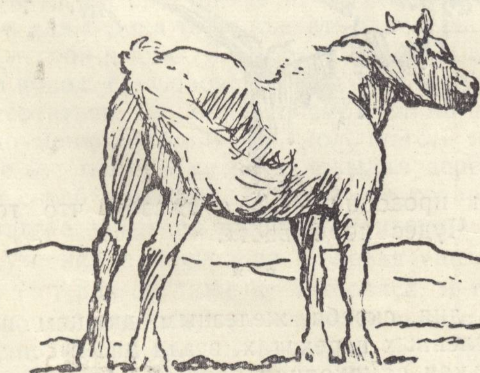
Была там, в поселке, крошечная пекаренка. Каждое утро к открытию магазина пекарь выпекал мешок хлеба и отправлялся сдавать продавцу. Соловей шел следом за пекарем то сзади, то сбоку, и мягкосердечный пекарь угощал его иногда теплым пахучим куском. Соловей провожал пекаря до магазина и не уходил, а ждал там. Но пекарь не всегда был добр дважды в одно утро, чаще он был забывчив. А есть Соловью хотелось.

Однажды он с такой красноречивой готовностью поесть кинулся к вышедшей из магазина женщине, что та бросила с перепугу сумку и убежала. Соловей обнюхал сумку, зубами вытащил из нее хлеб, больше ничего,— только хлеб, и съел его тут же, возле сумки. Весть об этом происшествии — о нападении! — распространилась по всему поселку. Иные пугливые покупательницы, завидев коня, бросались теперь наутек сразу же, от дверей. Соловей, удивленный и голодный, долго трусил за ними по тропинке, не догоняя и не отставая. Магазин работал по восемь часов в сутки, и у Соловья хватало терпения дежурить все восемь часов, потому что зима, голодная зима длилась здесь еще больше — восемь месяцев, которые нужно ведь было как-то прожить...

Мы пробыли в сопках полмесяца. Когда мы вернулись на базу, первый наш вопрос был: «Как Соловей?» «А что с ним! — нехотя отмахнулся проводник.— Раздобрел, шкура стала шелковая и ни единой дырочки на ней». «А глаз, глаз у него как?» «Лучше чем у меня, очки до самой смерти не потребуются!»

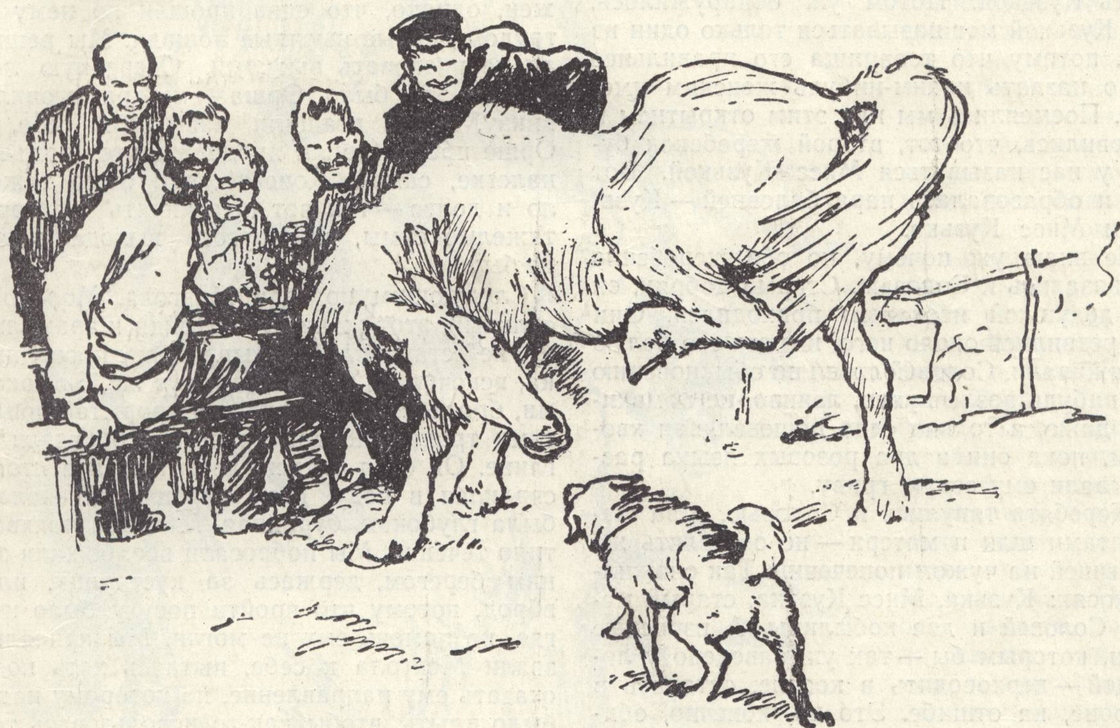
Соловей стоял на обычном своем месте — у костра. Раздобревший, с безукоризненно белой, лоснящейся шерстью, он, казалось, не заметил ни шума, ни сутолоки, поднявшихся в лагере с нашим возвращением. Лишь покосился на подбежавшего коменданта, переступил с ноги на ногу и опять замер, подставив свою добрую стариковскую морду под шатающуюся прядку дыма — спасался от комаров.

Глаз у Соловья и в самом деле оказался цел. Веки хорошо зажили, только стяну-

лись как-то более прежнего, отчего глаз этот стал меньше другого, и конь наш был теперь кривым.

У Соловья и у Эвахаля были свои места возле стола. Это были два государства, две территории. Но ведь и недоразумения начинаются чаще всего на границах. То ли по неосмотрительности, то ли захлопотавшись — мы были в тот день веселы и шумны после долгой разлуки,— повар вывалил оставшиеся макароны не справа от стола — Эвахалю, и не слева — Соловью, а на ничейную землю. Никто не придал этому никакого значения. Конечно, никто из нас.

А им, Соловью и Эвахалю, макароны были дороги, им надо было сейчас же решить, кто их будет есть.

Эвахаль подбежал к макаронам первый. Он не хотел делиться. Он лишь швырнул Соловью свое предупредительное «рр-гав!» и принялся есть. Соловей все-таки подошел. Он стал сначала поодаль, вытягивая шею и подбирая то, что лежало с краю. Но вот груда макарон уменьшилась, головы соперников сблизились, и Соловей хладнокровно поднял переднее копыто и опустил его на голову пса. Эвахаль успел отскочить. Растерянный, вздыбив шерсть, он смотрел на Соловья издали, из-за куста, через который ему внезапно пришлось перемахнуть.

Мы засмеялись. С лаем и рычанием, припадая на пружинистые передние лапы, Эвахаль двинулся на Соловья. Он оттеснил его к костру, а потом и за костер и только тогда вернулся к макаронам. Их осталось мало, очень мало. Пес стал есть их так, будто его не кормили там, в сопках, неделю, а может, и обе недели — все то время, пока мы не были в лагере.

Я не знаю, понял ли Соловей, что помешкай он еще минуту, и с макаронами будет покончено. Наверно, понял. Он вернулся, переждал, пока пес, снова отступивший к кусту, налается вдоволь, и принялся подбирать макароны вздрагивающими замшевыми губами.

Эвахаль не выдержал. Конечно, его встретили копытами. На этот раз Соловей развернулся по-настоящему — задними сильными ногами к противнику. Не приведись кому попасть под удар заднего копыта: лошадь может убить им наповал матерого волка. С куста, за которым мгновение назад был Эвахаль, полетели листья. Соловей развернулся снова. Эвахаль отпрыгнул еще раз, но не в сторону, не дальше — он оказался у макарон. Соловей даже не успел ничего понять. Когда он поворотился, ему осталось только недоуменно обнюхать землю, где только что лежали, казалось, уже совсем было отвоеванные макароны...

Я уже рассказывал, что, кроме взрослых лошадей, в отряде были жеребята. Два похожих друг на друга карих голенастых попрыгунчика. Одного из них я еще там, в поселке, назвал Кузькой. Шустрый, как кузнечик, он все прыгал возле матери, серой в яблоках кобылицы по имени Орша: то требовал молока в самое неподходящее время, то пытался играть с ней, навьюченной. И все мельтешил у нас перед глазами так, что когда кто-нибудь видел одного из жеребят, думал, что это он, Кузька, хотя на глаза попадался и не он, а его товарищ. Так и получилось — и того и другого стали звать Кузькой. Потом уж обнаружилось, что Кузькой мог называться только один из них, потому что товарища его правильнее было назвать каким-нибудь женским именем. Посмеялись мы над этим открытием и условились, что тот, второй жеребенок будет у нас называться Мисс Кузькой. Вот так и образовалась пара баловней — Кузька и Мисс Кузька.

Не знаю уж почему, но оба жеребенка привязались к Соловью. Старый добряк, он им дедушкой названым приходился. Они все резвились около него, шерсть его белую обхаживали. Соловей стоял по обыкновению где-нибудь возле кухни, лениво, не помахивая даже, а только едва пошевеливая хвостом, пока они в два розовых языка расчесывали ему седую гриву.

Жеребята тянулись к Соловью, а за жеребятами шли и матери — не оставлять же малышей на чужом попечении. Так сложился косяк: Кузька, Мисс Кузька, старый мерин Соловей и две кобылицы. А взрослые кони, которым бы — так уж заведено у лошадей — верховодить в косяке, остались в стороне, на отшибе. Это их, конечно, обидело.

* * *

Мы уходили в сопки утром. Соловей наш, по всеобщему мнению, выздоровел, и мы решили включить коня в работу. Он покорно дал заседлать себя, навьючить и столь же спокойно, я бы даже сказал, бережно, осмотрительно, потащил свою нелегкую ношу.

Переход наш на этот раз оказался сложным. Каменистый крутой берег, по которому нам пришлось долго идти, к тому же густо зарос ольховником. Вода порой подступала к самому обрыву, нам надо было сперва прокапывать зигзагообразно вверх, а потом прорубать в ольховнике и стланике дорогу в обход затопленных участков. Двигались мы медленно.

В одном месте далеко в реку врезалась замшелая песчанистая скала. Ее можно было миновать только кружным путем. Мы проложили дорогу с помощью лопат и топоров, начали поочередно выводить лошадей наверх, на уступ. Проводили бегом, поддерживая с боков сумы, потому что шагом лошадям было бы не взобраться.

С берега там сполз толстый, поросший травой и корявым кустарником пласт глины. Этот пласт был трамплином, с которого начинался подъем. Пласт был так ненадежен, однако, что едва прошли по нему с трудом первые вьючные лошади. Мы решили не рисковать вьюками. Очередную лошадь — это была Орша — мы развьючили внизу, вьюки втащили наверх на себе, а Орше предоставили проделать этот подъем налегке, самой. Конечно, это было тяжело и долго — так вот втаскивать на гору тяжелые сумы, но другого выхода у нас не было.

Следующим подвели Монгола. Молодой, сильный, этот жеребец, подойдя к трамплину, не остановился, а вырвался у проводника, вскочил на трамплин и тут же, с вьюками, бросился было выше по прорытой лопатами тропке, но задние ноги его увязли в глине. Он стал биться, дергаться и в итоге свалился в воду. Река перед этой скалой была глубокая, бурливая. Монгола подхватило течение. Мы побросали все, бежали за ним берегом, держась за кустарник, или вброд, потому что пройти посуху было негде, но помочь ему не могли. Мы кричали, звали Монгола к себе, пытаясь хоть подсказать ему направление, по которому надо было плыть, чтобы как-то использовать течение, а не бороться с ним напрасно, но Монгол перепугался и делал совсем не то, что нужно.

Конь начал тонуть. Мы видели, что он напрягается, борется, но мы видели и то, что вьюки уже совсем погрузились в воду, а на поверхности остались только глаза да ноздри Монгола.

Коню все-таки повезло. Уже около самого переката он коснулся ногами дна.

Проводник стал развьючивать его, а мы вернулись, чтобы перевести Соловья. Как же мы все удивились, когда нашли старика не там, не внизу, где оставили его, а наверху. Он спокойно пасся на лужайке вместе с озорливыми своими малышами Кузькой и Мисс Кузькой. Как он туда взобрался с

одежду, повеселевший начальник отряда шутливо приказал нам построиться в две шеренги, одна против другой. Начальники групп церемонно пожали друг другу руки, затем начальник отряда произнес речь: «Прощайте, кашалоты, расходимся...»

Трогательнее всех прощались жеребята. Пока мы стояли в строю, Кузька все нежно вылизывал своей подруге шелковую ее гриву и мало прислушивался к тому, что говорят, да и вообще мало что понимал.

Но вот мы стали расходиться. Соловей и мать Кузьки — Орша пошли с нами, а те, другие лошади, со второй группой, и жеребята заметались. Они бегали парой, задрав куцые хвостики, то туда, то сюда. Орша остановилась, позвала своего сына, а там, в другой группе, встревоженная, ржала Змея — мать Мисс Кузьки. В конце концов жеребята остановились на распутье. Они бестолково метались, ржали тоненько, откликаясь

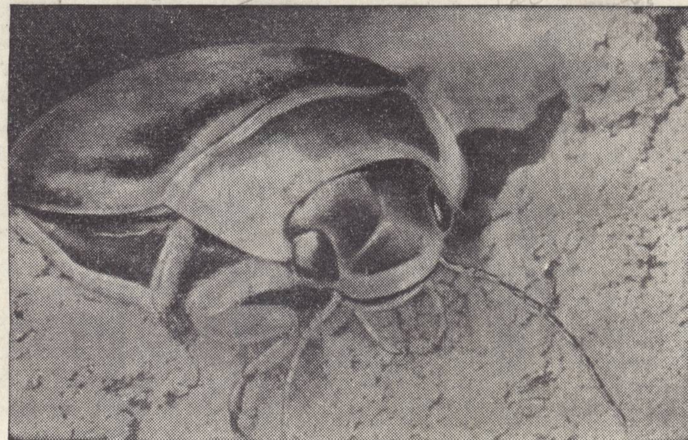
вьюками, остается тайной. Мы увидели только, что он уже там и что Мисс Кузька вылизывает его седую, в запутавшихся колючках гриву. У него даже ноги были не в глине — он сумел пройти, не запачкав их.

Там, за скалой, нам надо было расставаться, отряд разбивался на две группы — люди и лошади.

Я до сих пор отчетливо вижу это прощание. Когда мы обсушили у костра

на зов удаляющихся по двум разным дорогам своих матерей, и не могли решить, с кем идти. Старый, многоопытный Соловей, который понимал во всем происходящем больше жеребят и больше их встревоженных матерей, шел спокойно. Он знал, что расходиться нужно, что это, наверно, необходимо, и шел. Он только останавливался иногда и оглядывался на жеребят. Но это уже так, на всякий случай: все-таки ведь жеребята вступали на дорогу взрослых...

В прошлый раз Тяни-Толкай обещал показать нам малышей, непохожих на своих родителей. Но что это? Почему он вооружен огромной лупой? Оказывается, иначе этих малышей и не разглядишь.

ЗООПАРК

Жука-плавунца вы найдете в любой заводи или на пруду. Этот шестиногий жучок — один из самых страшных хищников пресных вод!

Слева вверху его личинка. Видите, совсем не похожа на родителя, но нрав у нее тот же — хищница, да еще какая прожорливая. Нападает на рачков, дафний, а подрастет — бросается на головастиков, тритонов и... даже на своих братьев и сестер. Двумя огромными челюстями-жвалами впивается в свою жертву. И если бы не огромные водные просторы, эти хищные детки быстро уничтожили бы друг друга.

Дышит личинка атмосферным воздухом, вот ей и приходится время от времени подниматься и прижимать к поверхности воды конец брюшка. Там у нее две отдушинки, через которые она и запасается свежим воздухом.

А это личинки обыкновенного комара. Как и у многих насекомых, его дети развиваются в воде. Они висят головами вниз, прикрепившись к поверхности воды кончиком брюшка с дыхальцами.

Друг, рядом!

Советы юным собаководам

— ДРУГ, РЯДОМ! — КАКОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ ОТДАТЬ КОМАНДУ И ПОЧУВСТВОВАТЬ, КАК ПОСЛУШНО И БЫСТРО СОБАКА ВЫПОЛНЯЕТ ЕЕ. КТО ИЗ РЕБЯТ НЕ МЕЧТАЕТ О ВЕРНОМ ЧЕТВЕРОНОГОМ ДРУГЕ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА БЫЛ БЫ РЯДОМ! РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧАЕТ МНОГО ПИСЕМ ОТ РЕБЯТ. И ВОТ МЫ РЕШИЛИ ОТВЕТИТЬ СРАЗУ НА ВСЕ ВОПРОСЫ. ПОМОГАТЬ НАМ БУДУТ РЕБЯТА ИЗ КЛУБА ЮНЫХ СОБАКОВОДОВ МОСКОВСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ И ИХ РУКОВОДИТЕЛЬ СУДЬЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КАТЕГОРИИ Л. С. ШЕРЕШЕВСКАЯ.

Воспитаннице Наташи Даниловой Инде один год. Инда награждена серебряным жетоном на соревнованиях по ОКД — общему курсу дрессировки.

ТЕМ, У КОГО ЕЩЕ НЕТ ЩЕНКА

ОСТАНОВИСЬ НА МИНУТКУ

Тебе очень хочется, чтобы в доме была собака. Ты обо всем договорился с родителями и вот уже бежишь за долгожданным щенком... Но тут мы хотим остановить тебя на минутку.

Подумай о том, что теперь ты будешь отвечать за живое существо, тебе придется его кормить, водить на улицу, устроить ему теплый угол в доме. Щенок быстро привяжется к тебе, и ему будет совсем не весело, если ты через месяц отдашь его приятелю или совсем чужому человеку...

Теперь у тебя новые обязанности: каждый день ты должен вставать на час раньше, ложиться на час позже и спешить из школы, чтобы покормить своего питомца. Позаботься о том, чтобы собаке было хорошо у тебя дома. Нельзя, чтобы кто-нибудь из домашних или соседей обижал ее. Обо всем поговори с родителями. Собаку нужно кормить каждый день, и деньги, которые ты сэкономишь на кино и завтраках, тебя не выручат.

И ТУЗИК МОЖЕТ БЫТЬ ВЕРНЫМ ДРУГОМ

Очень интересно воспитывать щенка служебной породы или охотничью собаку. Твой питомец будет не только радовать тебя и твоих друзей, он сможет принести пользу другим людям, народному хозяйству.

Но если ты не достанешь щенка породистой собаки, не огорчайся. Возьми щенка обыкновенной дворняжки, и он станет тебе верным, настоящим другом.

СООБЩАЕМ АДРЕСА

Где достать щенка? Самый верный адрес — клубы служебного собаководства ДОСААФ. Там можно купить щенков служебных пород: восточноевропейской овчарки, шотландской овчарки, среднеазиатской, кавказской и южнорусской овчарок, догов, доберман-пинчеров, эрдель-терьеров и боксеров. Если щенок чистопородный, то вместе с ним ты получишь его родословную карточку.

Если там, где ты живешь, нет клуба, обращайся в питомник ВОХР (ведомственная охрана предприятий) или к любителям-собаководам.

В обществах охотников и рыболовов всегда ведется учет охотников, имеющих породистых собак. Там можно приобрести щенка охотничьей породы.

КАК ВЫБИРАТЬ ЩЕНКА

Ребятам северных областей советуем брать собаку с хорошим шерстным покровом, чтобы она не мерзла. Тем, кто думает держать собаку во дворе, лучше всего брать овчарок или лаек. Доги, доберман-пинчеры и боксеры могут жить только в квартире.

В ДОМЕ ПОЯВИЛСЯ ЩЕНОК...

ГДЕ ОН БУДЕТ ЖИТЬ?

Прежде чем принести щенка в дом, подумай, где он будет жить. Не забывай, что первые месяцы своей жизни щенок любой породы должен жить в доме.

Не нужно устраивать его на ходу, под ногами у домашних. У входной двери он простудится. Ванная и помещения с цементным или каменным полом тоже не годятся. Не клади его и рядом с печкой или близко к батареям.

Выбрал место,— посоветуйся с мамой, не возражает ли она.

У щенка в уголке должен быть тонкий половичок. Его придется часто стирать, поэтому ватные подстилки и другие матрацы не подходят. Они негигиеничны, плохо стираются.

Никогда не бери щенка в свою постель или на диван. Ему полезнее спать на своем месте, да и отучить его потом от кровати будет очень трудно.

А здесь Басе всего полтора месяца. Она еще не умеет сидеть спокойно, по команде, как Инда. Саше Башилову пришлось взять ее на руки, чтобы сфотографировать.

КЛИЧКА

Кличка у собаки должна быть краткой и звучной. Можно назвать щенка Гром, Рекс, Джек, Инга, Динго, но эти клички часто встречаются, поэтому лучше самому придумать. Составить кличку можно из первых букв имен родителей твоего щенка. Например, отца зовут Дик, а мать Липси. Сложив первые буквы, получим новую кличку — Дили или Лиди. Можно взять первые буквы своего имени и фамилии, тогда кличка будет со значением. Своего щенка я назвала Инда — первую букву взяла от имени моей мамы (Ирина), вторую от моего имени (Наташа), а две следующие от нашей фамилии.

Хорошо давать клички по географическим названиям (Казбек, Амур, Аргунь, Волга, Кама), по названиям планет. Не надо только называть собак именами людей.

Наташа Данилова

ЩЕНЯЧИЙ ТУАЛЕТ

За шерстью щенка обязательно нужно ухаживать: ежедневно расчесывать гребнем и чистить щеткой, а потом протирать (можно скомканной газетой), только не против шерсти. Догов, доберман-пинчеров, боксеров (этих собак называют гладкошерстными) не надо расчесывать гребнем. Если твой щенок сыт и здоров, шерсть у него всегда будет блестящая.

Мыть щенка нужно как можно реже, только если он чем-то выпачкался. Лучше всего мыть щенка в мыльной пене. Следи, чтобы шерсть хорошо прополоскалась и вода не попала в уши. Потом хорошо вытри щенка и оберегай от сквозняков. Зимой лучше не мыть совсем.

Летом в жару хорошо купать щенка в чистой, проточной воде. После купания пусть щенок побегает и обсохнет.

ЧТОБЫ БАСА ВЫРОСЛА СИЛЬНОЙ

Моей восточноевропейской овчарке Басе два месяца. Я очень хочу, чтобы она выросла сильной, стараюсь правильно ее кормить. Кормлю всегда в одно и то же время, даю ей теплый и свежий корм, чтобы пища хорошо усваивалась. Мисочки, в которых она ест и пьет, мою после каждой кормежки.

Сейчас Баса ест шесть раз в день. Она любит суп, сваренный из костей и заправленный овощами и крупой. Чтобы Баса не грызла вещи, я даю ей крупные вареные кости. Для разнообразия иногда добавляю ей в корм остатки нашего обеда.

Я знаю, что кормить щенка около стола нельзя — он вырастет попрошайкой. Баса живет у меня месяц и уже хорошо знает, когда и где ее кормят. Сама бежит к чашке — как по часам! Если она почему-нибудь не доест корм, я все равно убираю миску до следующего раза.

В корм добавляю по нескольку капель витамина Д от рахита и витамина А, чтобы лучше росла.

Скоро я буду кормить Басу пять раз, но корма каждый раз буду давать больше. С пяти до десяти месяцев — четыре раза в день. После десяти месяцев собаки в основном заканчивают свой рост, и я буду кормить Басу три раза в день.

Я обязательно стараюсь гулять с Басой после каждого кормления.

Саша Башилов

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ

Иногда ребята стараются разозлить щенка около миски, чтобы он лучше ел. Никогда этого не делай. Щенок должен есть спокойно.

Вредно кормить щенка из руки или с ложки.

А ЭТО ХОРОШО

Весной добавлять в корм молодую крапиву, ботву свеклы.

Время от времени класть около миски мел и древесный уголь, но не смешивать их с кормом. Если организм щенка нуждается в них, щенок охотно ест и мел и уголь.

ЧТОБЫ МАМА НЕ СЕРДИЛАСЬ

После каждой кормежки щенка надо вывести или вынести (если вы живете высоко) во двор. То же самое нужно делать сразу же после сна. Если на улице холодно, следи, чтобы щенок двигался, а не сидел. Заметь, где щенок оправляется во дворе, и подводи его всегда к этому месту.

Наказывать щенка за то, что он пачкает дома, нельзя. Он еще мал, не научился. Нужно следить за ним и в одно и то же время выводить.

ОТВЕЧАЕМ НА ПИСЬМО

Витя Негодеев из города Камень-на-Оби спрашивает: «Где выписать щенка и можно ли его прислать посылкой?»

Отвечаем: пересылать щенков почтой нельзя. Кто их будет кормить, кто будет ухаживать за ними в дороге? Купить щенка в другом городе можно, если кто-нибудь за ним туда поедет.

НЕ ПРАВДА ЛИ, ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ ДАЛИ ВАМ РЕБЯТА? ОНИ НАСТОЯЩИЕ МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА.

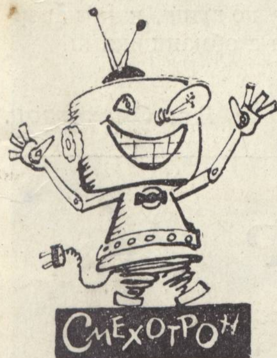
ЗА ДВА ГОДА РЕБЯТА ИЗ КЛУБА ЮНЫХ СОБАКОВОДОВ ПЕРЕДАЛИ ПОГРАНИЧНИКАМ И ДЛЯ ОХРАНЫ ОСОБО ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ ШЕСТЬ СОБАК. ЧЕТВЕРО РЕБЯТ ПОЛУЧИЛИ ЗНАЧКИ «ЮНЫЙ ДРУГ ПОГРАНИЧНИКА».

ДВЕСТИ КРУЖКОВЦЕВ ИЗУЧАЮТ В КЛУБЕ ТЕОРИЮ ДРЕССИРОВКИ, ЭКСТЕРЬЕР, ПЛЕМЕННОЕ ДЕЛО, И ИЗУЧАЮТ НЕПЛОХО: СЕМЬДЕСЯТ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ЖЕТОНОВ ПОЛУЧИЛИ ПИТОМЦЫ РЕБЯТ.

СОРОК КРУЖКОВЦЕВ-ТИМУРОВЦЕВ ПОМОГАЮТ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ ДРЕССИРОВАТЬ ИХ СОБАК... ДЕСЯТКИ РАЗ ВЫСТУПАЛИ РЕБЯТА СО СВОИМИ СОБАКАМИ В КЛУБАХ, ШКОЛАХ, ДОМАХ ПИОНЕРОВ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ.

Это уж не «смешинка», а «слезинка»

Открытое письмо СМЕХОТРОНА к ребятам

Давно всем известно, что я железный и не живой, а электромеханический. Да, я такой, это верно. Но что же вы думаете, не обидно мне, что ли, хоть я и робот, когда меня обманывают?

— Кто обманывает? Как обманывает? — спросите вы.

Что ж, скажу в свое время и кто и как. Главное же в том, что я и предположить не мог, что среди моих читателей есть обманщики, а то я бы их давно распознал и вывел на чистую воду. Ведь я электронный Смехотрон. Да не приходило мне в голову, что кое-кто захочет воспользоваться моей доверчивостью. А так оно и вышло.

— Эх, растяпа ты, Смехотрон! — говорю я сам себе и вздыхаю. — Это ведь очень грустно, ребята, когда кто-то из твоих друзей оказывается вдруг жуликом. Грустно и обидно.

Но ведь вы хотели узнать, как меня обманули?

Очень просто. Все знают, что я не хитрый, и всякому слову верю, и больше всего на свете люблю «смешинки», которые мне присылают по почте мои читатели. Но раньше я думал, что они всегда сами сочиняют, а теперь узнал: нет, не все сами... Кое-кто не умеет

придумать ничего смешного, так взял да и списал чужие «смешинки», а потом выдал их за свои и прислал мне. Дескать, «на тебе, Смехотроша, кушай на здоровье и вырабатывай свою энергию ЧИ!».

А я-то давай, как всегда, веселиться и радоваться. Это ведь приятно, когда тебе много пишут. Значит, помнят тебя ребята и любят!

Да, как бы не так, любят...

Я теперь в редакции никому в глаза глядеть не смею. Стыдно. И возразить нечего. А мне говорят:

— Что же это ты, Смехотрон, как оконфузился! Натаскали отовсюду твои ребята чужих «смешинок», а ты им поверил и напечатал... Да, брат, подвели тебя твои приятели! Теперь, небось, хвастают перед всеми: «Вот мы какие умные и ловкие: целый журнал провели да ихнего Смехотрошку обдурачили. Хорошо!»

Сначала, правда, я так обиделся, что вздумал было взять да и уйти навсегда из журнала: совестно мне перед сотрудниками, ну хоть в лес удрать или еще куда-то... Я думал: нет, не стану я больше с ребятами связываться. Конец! Не буду больше просить у них «смешинки», опять еще краснеть придется. Да и вообще, что я, себе дела, что ли, не найду по душе? Меня и в бюро прогнозов звали — погоду угадывать, и в зоопарк — ставить диким больным зверям градусники, банки и горчичники. Я железный, меня не укусят.

Вот так размышлял я о своей жизни и о своей обиде, писал вот это письмо ребятам, пусть они все узнают! Но вдруг зазвонил на столе телефон...

Снимаю я трубку и спрашиваю:

— Кто это?

Оказалось, вовсе и не человек это, а сам телефон мне звонит... У нас у всех, кто на электричестве работает, отношения меж собой очень дружеские, сердечные и даже родственные. Вот он и заговорил со мной; видит, что у меня настроение скверное, и спрашивает:

— В чем дело, дружище Смехотрон, что это ты сам не свой?

Я ему рассказал обо всем. Он подумал, потом советует:

— Положение, конечно, никудышное... Но убегать из журнала — это ты сгоряча задумал. Не убегай. Тут тебя любят. Живи и работай, а на ребят не на всех сердись, а с разбором: ведь не все же они перед тобой виноваты.

— Тебе, телефону, легко рассуждать. Лучше и не уговаривай!

— Ну, как хочешь. А все же не торопись, подумай еще.

Тут телефон загудел ровными и долгими гудками, значит, он все, что хотел, сказал и прибавить ему нечего. А я снова задумался...

Может, и вправду не уходить пока из журнала? Допустим, я не уйду, но как же тогда быть со «смешинками» и письмами ребят: ведь снова станут обманывать...

А так вот и быть — пусть пишут мне, как раньше писали, я ведь и не могу без «смешинок», я ими живу, я не могу без смеха! Только краденого мне не надо. А кто взял чужое, из газеты или из другого журнала, взял и подписал своим именем, тот украл. Так это и называется. Пусть все знают!

А в журнале я останусь, это решено. Ведь литературных воришек не так уж и много, а друзей-то у меня тысячи!

И все-таки, ребята, неприятно было мне писать это письмо: уж очень оно невеселое, а я, я весельчак, мне не по душе, как, наверно, и всем вам, возиться с обманщиками.

Ваш Смехотрон.

Т. БЕЛОЗЕРОВ

ТАЕЖНЫЙ СВЕТОФОР

На перекрестке двух тропинок
В июньский солнечный денек
Среди густых кустов малины
Зеленый вспыхнул огонек.
Прохожий шагу не сбавлял,
Смотрел—и знай себе шагал!
А вот когда окрепло лето
И стал наряднее рассвет,
На тонких проволочках веток
Зажгла малина
Желтый свет.
Его заметив, пешеход
Сбавлял на перекрестке ход.
Тайга просторная—не город,
Но здесь бывают чудеса:
Вчера под красным светофором
Мы простояли
Полчаса!

В. СЕЧИН

СПОРТ

Победи себя!

Северодонецк — город новый. По возрасту он совсем пионер. Этот город вырос вместе с большой химией, которая пришла в донецкие степи. В новом городе все по-новому. И каждому, кто приезжает в Северодонецк, бросается в глаза, что здесь, как нигде, много стадионов, спортивных площадок во дворах и школах, теннисных кортов. Подсчитано, что каждый второй житель Северодонецка дружит с физкультурой. И, конечно, самые крепкие друзья спорта — пионеры и школьники. О некоторых из них вы прочитаете в очерке нашего специального корреспондента.

НА КОВРЕ МАЛЬЧИШКИ

В большом спортивном зале общества «Строитель» одновременно занимаются штангисты и борцы. Как войдешь — направо деревянный помост, где атлеты один за другим поднимают сверкающую никелем штангу и со звоном опускают ее. Налево — два огромных ковра. Здесь тренируются борцы. И те, которые только еще мечтают стать силачами, и те, которые надевают после тренировок пиджаки со значками «Мастер спорта СССР».

Тренировки идут своим чередом, а в зал изредка забегают с улицы мальчишки — просто так, поглядеть. Постоят у двери, посмотрят то направо, где штангисты, то налево, где борцы, и снова на улицу по своим мальчишечьим делам.

Но вот вбежали двое, запыхавшиеся и раскрасневшиеся: один повыше, другой совсем низенький. Меньший сразу же впился глазами в борцов на ковре.

— Мастера... Удержит так пять секунд, три балла заработает,— сообщил он шепотом своему приятелю, обращая его внимание на схватку.

И как тот ни торопил его, как ни звал на улицу, мальчик не мог оторваться от происходившего в зале.

— Ты посмотри, посмотри же...— шептал он.— Какой прием!

Мы познакомились. Оба мальчика оказались семиклассниками из второй школы. «Знатока» борьбы зовут Васей Теличко, а его друга — Федей Боровским.

Тренер Иван Пантелеевич Калинин записал ребят в секцию. И они с увлечением начали тренироваться.

Разминка и всякие подготовительные упражнения для начинающих борцов — это как веселая и увлекательная игра. Попробуй-ка бежать на четвереньках! Со стороны это, может, и смешно, зато как помогает развитию мышц! А уж кувыркаться на ковре, пытаясь встать на голову или сделать мостик,—

На гимнастической стенке, как воробьи на заборе, расселись болельщики. Есть на что посмотреть: тут и баскетбол, и настольный теннис, и турник, и кольца, и шест. Хорошо ребятам в этом дворе! А дворов таких в Северодонецке немало.

одно удовольствие. В конце тренировки иногда устраивается игра в ручной мяч, только передвигаются игроки на коленках (на мягком ковре это не больно). Когда команды борются за мяч, получается «куча мала», что и требуется для физического развития будущих борцов.

В борцовском зале я познакомился с Сергеем Андрющенко, семиклассником из четвертой школы, познакомился и с ребятами из дома № 26 по Партизанской улице, которые пришли сюда целой спортивной «бригадой».

Видел я и соревнования новичков по борьбе.

Вася Теличко одержал первые две победы в своей спортивной жизни. Одного из мальчиков он даже положил на лопатки за двадцать пять секунд.

Как всегда в соревнованиях, кто-то побеждал, кто-то проигрывал. И мне понравилось, как ребята относились к этим победам и поражениям, обсуждая соревнования по дороге домой: без уныния, без неприязни и зависти, словом, по-спортивному.

— Хорошо он бросил меня, правда? — допытывался у Миши Раевского Сережа Андрющенко, проигравший обе схватки.

А Вася Теличко, двухкратный победитель, шел и помалкивал. Он не бахвалился, не выставлялся. Только поблескивающие глаза выдавали распиравшую его радость.

ДВОЕ С РАКЕТКАМИ

Удивительно, до чего в теннисной игре видны характеры! Вот я наблюдаю, как четверо мальчишек ведут парную игру (тренер в командировке, и они чувствуют себя полными хозяевами корта).

В каждой паре свой лидер—тот мальчик, который явно сильнее партнера. А партнеру поневоле достается второстепенная роль.

Я решил болеть за «слабых» и выбрал ту пару, которая проигрывала.

Но примерно с середины партии стало ясно, что я ошибся: «слабые» стали «сильными». И произошло это не из-за разницы в классе игры: играли обе пары примерно одинаково. Дело было в характерах лидеров.

Юра Исабегов, семиклассник из десятой школы, временами играл блестяще, а временами из рук вон плохо.

Начал он хорошо, но стоило ему или его партнеру сделать промах, как его игра «расклеилась». Потом он взял было себя в руки. снова улучшил игру, но очередная ошибка — и снова провал. Видно было, что Юра никак не может обуздать свое чрезмерное самолюбие. Винил он, как правило, партнера, даже когда сам ошибался. И никак не мог собраться, сосредоточиться. Просто досада брала, на него глядя.

Совсем по-другому играл на другой половине поля Миша Аристов, восьмиклассник из той же школы.

Уравновешенность, предельная собранность, достоинство и скромность, какое-то рыцарское отношение к игре и товарищам — эти Мишины качества невольно вызывали симпатию, хотя поначалу его игра никак не обращала на себя внимание.

Кончилась первая партия. Выиграл Миша со своим напарником. Раздосадованный Юра предлагает поменять партнеров. Поменяли. И снова Юрина пара разгромлена...

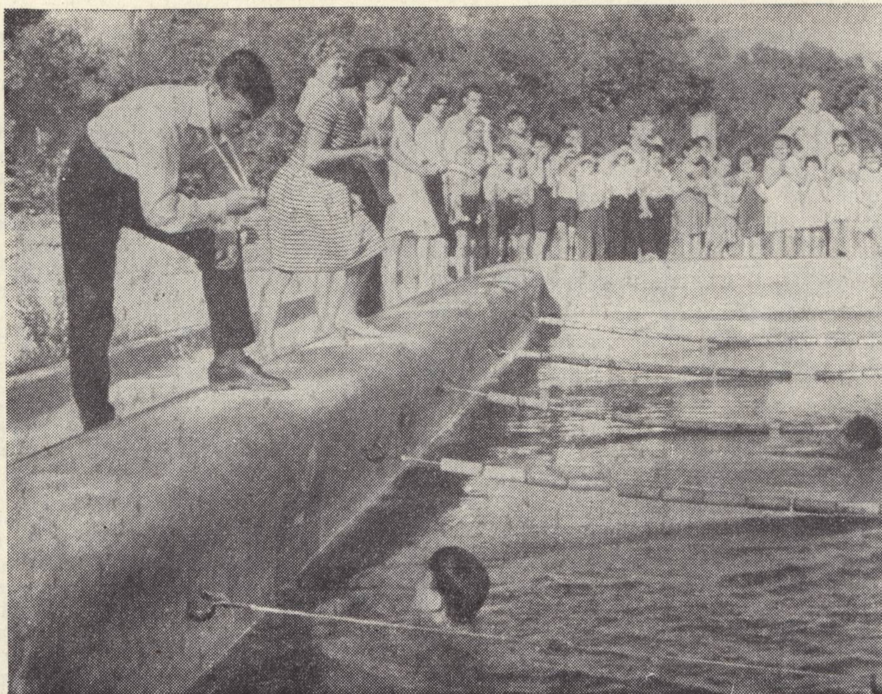
В спорте так бывает. Пришел Миша Аристов в теннисную секцию всего два года назад, мешковатый, грузный, физически слабо развитый. И тут сыграли свою роль трудолюбие, исполнительность, упорство. Вероятно, они были в характере Миши и до прихода в теннисную секцию. Но Миша словно не знал самого себя, не знал в себе этих качеств и чего можно достичь с ними. Вел он себя и в школе и дома как-то вяло, жил без огонька. Наверно, поэтому и учился кое-как.

Что, как не трудолюбие и упорство, нужно, когда тренер дает, например, задание отрабатывать у стенки удар слева? Это ведь не так уж интересно — бить да бить по отскакивающему от стенки мячу.

Миша не отступал там, где у других не хватало терпения. И это проявлялось теперь не только в спорте. Однажды у тренера Ро-

Велосипед мигом домчит двух друзей до теннисного корта. А там у них начнется поединок, в котором оружие — легкая ракетка и быстрый мячик.

И пловцы ребята, и судьи ребята, и болельщики ребята. Такая картина в Северодонецке не редкость.

берта Арутовича Чирьяна, сломался велосипед — важный вид транспорта в Северодонецке. Чинили его все — ничего не получилось.

— Роберт Арутович, дайте мне его домой, — попросил Миша.

— А, все равно ничего не сделаешь,— поспешил с резолюцией Юра Исабегов.

На это Миша не ответил, только снова повторил:

— Дайте мне...

Два дня копался Миша в велосипеде. Разобрал его, собрал, снова разобрал и снова собрал. На третий день тренер получил велосипед в полном порядке.

Скоро Миша стал играть в теннис лучше многих, кто начал на полтора-два года раньше. Выполнил первый юношеский разряд, а недавно перешагнул и во взрослый.

За два года Миша Аристов научился и плавать и прыгать в высоту, он играет и в волейбол и в футбол. Но это не разбросанность. Это все помогает ему на теннисном корте.

Учится Миша теперь тоже хорошо: спорт согнал с него вялость, сделал упругим не только физически. И хотя в основном Миша все тот же — вежливый, аккуратный, исполнительный,— в его характере родилось и окрепло еще одно качество: он стал человеком твердой воли.

СПОР С ОЛЕЙ ЧИЖОВОЙ

Светлана Рубан и Наташа Галицкая учатся с Олей Чижовой в одной школе — первой. Но, возможно, Светлана и Наташа, ученицы восьмого «Е» класса, мало знают Олю — семиклассницу. Ведь школа большая. Во всяком случае, я познакомился с девочками в различной обстановке: с Олей — в городском Доме пионеров, а со Светланой и Наташей — в школьном спортивном зале. И при первом же знакомстве я обнаружил, что они спорят между собой. Спорят, даже не зная об этом.

Оля Чижова — председатель совета дружины, отличница, очень любит легкую атлетику. У нее второй юношеский разряд.

Казалось бы, все хорошо. Но по Олиному тону я почувствовал, что это не совсем так.

— В чем дело? — спросил я Олю.— Ведь у вас в городе такие замечательные условия для спорта.

— А...— махнула рукой Оля.— Все равно олимпийской чемпионкой не станешь, времени не хватает. Папа и мама работают... Пионерские дела — раз, учение — два... Да еще надо возиться с сестричкой Таней, ей и года нет.

Я не буду спорить с Олей. Я лучше расскажу о Наташе и Свете — пусть они вместо меня поспорят с ней.

У Наташи Галицкой такая же жизнь, как у Оли: она также учится только на четверки и пятерки, выполняет множество общественных поручений, у нее тоже родители работают и тоже есть маленькая сестренка, шестимесячная Леночка, с которой у Наташи много хлопот.

Сходные обстоятельства и у Наташиной подруги Светланы Рубан. Девочке приходится ходить за покупками, убирать в доме, ино-

Кусок мела тянет по асфальту белую черту. Сейчас на ней возьмут старт быстроногие мальчишки, спринтеры двора.

— Самое чудесное, что дает спорт,— это ощущение легкости того, что сначала казалось трудным, а иногда просто невозможным,— говорят девочки.

Я их понимаю, я это сам испытал. Спорт научил их пересиливать себя. Если вы хоть раз переживете это чудо победы над собой, вы всегда найдете время для спорта. А потом увидите, что благодаря спорту вы обретаете способность успевать и во многом другом.

Так получается у всех ребят, о которых я писал выше,— у Миши Аристова, у Сергея Андрющенко. Так получается и у многих других, с которыми я познакомился, но о которых здесь не рассказал.

Я не подбирал этих ребят специально, это сама жизнь подтвердила для меня мысль многих умных людей, что спорт облагораживает не только внешность человека, но и его внутренний мир, укрепляя и волю и характер.

Попробуй, Оля Чижова, попробуйте и вы, мои читатели. Преодолев первые трудности, вы увидите, что это так.

гда готовить. Белье себе Света сама стирает. А бывает, и младшему брату, второкласснику Вове. Другие брат и сестра, Люба и Валерий, более самостоятельны, но все же, как самая старшая, Света должна заботиться и о них. Тем не менее Света, как и Наташа, не пропускает ни одной тренировки по легкой атлетике.

Наташа и Света теперь знают, что именно спорт, как ничто другое, приучает ценить время и умело распределять его так, чтобы на все хватило.

СПОРТСМЕНЫ АФРИКИ

Неутомимый Бикила

На марафонцев даже самые закаленные спортсмены глядят с уважением. Еще бы! Когда человек пробегает сорок два километра со скоростью доброго трамвая, это само по себе подвиг. А марафонцу, который выступает на Олимпийских играх, важно не просто одолеть дистанцию во что бы то ни стало, а еще и опередить соперников. Таких героев все любители атлетики обычно знают наперечет.

Но вот пять лет назад, в 1960 году, на Римской олимпиаде появился среди марафонцев никому не известный темнокожий спортсмен. Худощавый, ничем с виду не примечательный, молчаливый, он не привлек к себе внимания болельщиков и журналистов.

Стартовали марафонцы в невыносимо жаркий день. Спортсмены с досадой поглядывали на палящее солнце: тяжело бежать в такой зной по раскаленным камням древней Аппиевой дороги и расплавленному асфальту римских улиц. Лишь африканца Абебе Бикилу жара, казалось, ничуть не беспокоила. Его тонкие, мускулистые ноги легко касались дороги.

Теснившиеся по обочинам дороги болельщики провожали его возгласами удивления. И как было не удивляться! Он бежал босиком.

— Наверно, бедный человек,— сочувственно покачал головой какой-то старик, провожая глазами удаляющуюся фигуру.

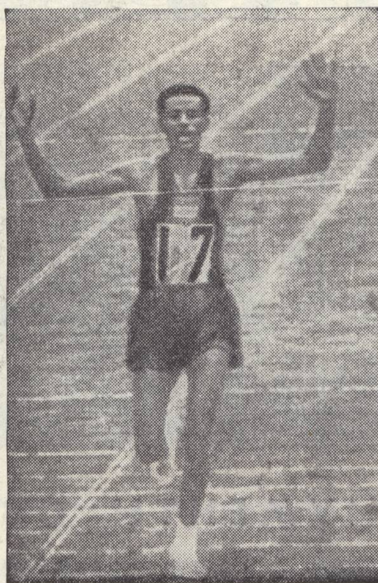
Старик не ошибся. Когда уже в сумерках, при свете факелов и прожекторов, Бикила первым пересек финишную линию у триумфальной арки, его окру-

жили корреспонденты, и Абебе сказал:

— Мы, эфиопы,— люди небогатые. Обувь считается роскошью. Большие расстояния мы обычно преодолеваем пешком и босыми. Я вырос в маленьком селении и с детства бегал, не считая километров. В юности был почтальоном — тоже пришлось поработать ногами. Потом стал служить в гвардии императора...

Легче всего было бы еще раз удивиться необыкновенным способностям Абебе и решить, что такой талант развился где-то в глухой африканской деревушке, как говорится, от природы. Но нет, в современном спорте даже самый выдающийся талант требует специальной тренировки. Босоногий спортсмен был совсем не таким уж «неотшлифованным алмазом», как могло показаться на первый взгляд. Гвардейцев императора Эфиопии тренировал финский бегун Оони Нискапен. Нискапен сразу заметил способность Абебе бежать долго, ничуть не уставая. И тренер решил готовить юношу к марафонскому бегу. Нискапен и Бикила вооружились книгами и стали изучать, как тренировались прославленные стайеры Эмиль Затопек и Владимир Куц. Ну и, разумеется, применять это на практике.

Вернувшегося из Рима с золотой олимпийской медалью Абебе Бикилу Эфиопия чествовала, как героя. Сам император вышел ему навстречу за городские ворота и крепко обнял его. Окрыленный успехом, Абебе тренировался еще прилежнее. Он бегал вокруг горного озера, по холмам, по скалистым склонам, по крутым тропкам, по шоссе, по дорожке стадиона...

Бикила на финише.

В Токио сержанта эфиопской гвардии уже знали и ждали с интересом. На этот раз марафонцы стартовали в дождик. Большая улица, ведущая к Национальному стадиону, напоминала пестрый цветник: это тысячи японских болельщиков раскрыли зонтики и сидели на асфальте, поджидая бегунов.

По радио то и дело объявляли положение на дистанции, и все знали, что Бикила — в группе лидеров. Последние километры. Бикила впереди! Вот он бодро вбежал на стадион и, будто не чувствуя ни малейшей усталости, помчался по дорожке мимо трибун. Трибуны подбадривали его восторженным гулом. Наконец финиш, и снова грохот аплодисментов. Ведь Бикила показал результат, какого еще не бывало у марафонских бегунов: 2 часа 12 минут 11,2 секунды!

Но больше всего восхитил зрителей даже не результат Бикилы. Закончив бег, победитель отмахнулся от озабоченных врачей и прямо на поле стадиона начал делать «зарядку», вернее — разрядку: движения, снимающие усталость. Сперва он немного «побоксировал», потом лег на траву и стал быстро двигать в воздухе ногами, как едущий велосипедист.

Бикила успел закончить все свои упражнения, и только тогда в воротах показался второй марафонец, за ним третий, потом следующие. Некоторые еле-еле переползали за финишную линию и без сил валились на землю. Глядя на них, становилось особенно ясно, какой необыкновенный бегун этот парень из далекой африканской страны.

И в Риме и в Токио Абебе Бикила один шагал под флагом Эфиопии. Пока он в единственном числе представлял на играх свой народ. Пока, потому что мы наверняка еще услышим о его соотечественниках - спортсменах. Да и сам Бикила не собирается бросать спорт. Он намерен победить и на следующей олимпиаде, в Мехико. Что же касается его военной карьеры, то «генерал» в спорте получил повышение и по службе: стал лейтенантом.

Н. КОЛЕСНИКОВА

Было в его «разрядке» и такое.

ВНИМАНИЕ!

ЮНЫЙ ФУТБОЛИСТ!

Знаешь ли ты, что у «Золотой шайбы» появился конкурент? Напоминаем: в розыгрыше Всесоюзного первенства юных хоккеистов на приз клуба «Пионерской правды» «Золотая шайба» участвовало сто пятьдесят тысяч детских команд.

Сейчас, летом, «Золотая шайба» уступила поля спортивных сражений «Кожаному мячу». Идут всесоюзные соревнования юных футболистов. Команды дворов, улиц, поселков, пионерских лагерей борются за право называться чемпионом. Финальный турнир шестнадцати сильнейших команд произойдет в Москве в августе. Кроме основного приза, приза «Пионерской правды», будут разыграны и призы, установленные другими газетами и журналами.

ПРИЗ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ПОЛУЧИТ КОМАНДА, ПОКАЗАВШАЯ САМУЮ КОРРЕКТНУЮ ИГРУ.

КРУГОСВЕТКА

МОНУМЕНТЫ СВОБОДЫ

Недавно весь мир узнал о рождении трех новых независимых африканских государств: Малави, Замбии и Гамбии. Раньше они были английскими колониями. Всего за последние восемь лет почти тридцать стран Африки прогнали колонизаторов. И там, где стояли памятники чужеземцам — разным губернаторам и полководцам, — вырастают гордые и величественные монументы свободы.

Посмотрите на эти снимки. На верхнем снимке арка Независимости в Аккре, столице Ганы, на площади, где в 1948 году англичане расстреляли народную демонстрацию. Республика Гана одной из первых на континенте — в 1957 году — добилась национального освобождения.

Рядом обелиск Свободы в Абиджане, столице Берега Слоновой Кости. Эта страна получила независимость в 1960 году.

Памятник с горящим факелом — символом свободы — воздвигнут недавно в Дар-эс-Саламе, главном городе Танзании. Это совсем новая страна: она образовалась в 1964 году из двух молодых государств — Танганьики и Занзибара.

АРАХИСОВЫЕ ГОРЫ

Глядя на эти горы мешков, не сразу догадаешься, что в них арахис — земляные орехи. В Нигерии, где сделан этот снимок, арахиса столько, что его вывозят во многие страны земного шара.

КРУГОСВЕТКА

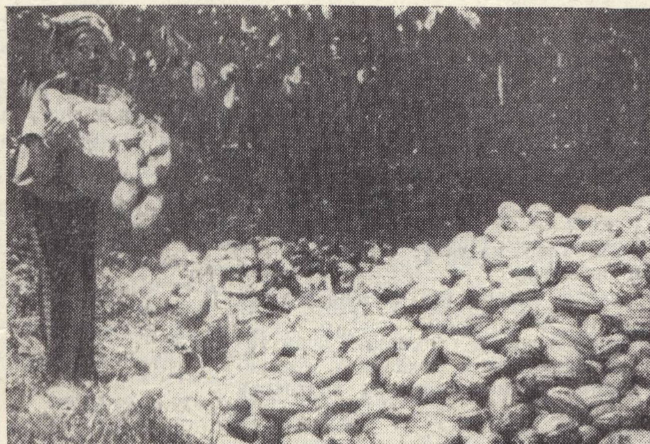
ВСЕМ ДЕТЯМ — ШКОЛУ!

Знаете ли вы, что из каждых десяти африканцев девять неграмотны? Виновны в этом колонизаторы.

Вот почему в Африке слова «свобода» и «школа» стоят рядом. Завоевав независимость, африканские государства сразу приступают к обучению народа. В Гане уже построены тысячи новых школ и все дети учатся. Учатся ребята и в других молодых республиках. Слева перед вами урок в алжирской школе, справа — ребята республики Того на занятии в типографии.

ТАМ, ГДЕ РАСТЕТ ШОКОЛАД

Какао — богатство Африки. Плоды какао похожи на наши кабачки и содержат до шести десятков миндалевидных семян, из которых приготовляют хорошо знакомый вам напиток и шоколад. Растут какаовые «кабачки» на деревьях, которые называются шоколадными. На фотографии вы видите сбор урожая какао в Гане.

СОЛЕВЫЕ ПУТЫ ФЛАМИНГО

В ста километрах к югу от столицы Кении Найроби есть необыкновенное озеро. Называется оно Магади. Вода в нем очень соленая. Но главное, чем знаменито озеро, — это фламинго. Девять десятых всех фламинго на земле живут на его просторах.

В последние годы уровень Магади понизился, и солей в воде стало больше. Оседая на ногах птиц, соль мешала им взлетать и даже изменила их гордую походку. Пришлось послать на озеро группу рабочих, которые помогли беднягам избавиться от пут. Перед вами один из солевых пленников.

Морями-океанами

Виталий
КОРЖИКОВ

Рисунки
Г. Филипповского

КАРТЫ

Я с помощником капитана шагал в пароходство. За навигационными картами. Весело. Весна. Сопки светятся зеленью. Пушистые, маленькие. Словно только что проросли из-под земли.

Идем, поглядываем в сверкающие витрины на свое отражение. Витрины подмигивают: сразу видно, люди идут на Кубу. И небо морем пропахло, а за пятками, кажется, шелестят волны: скорей, скорей! Сейчас получим карты — и в море.

Остановились мы у пароходства. По мраморным лестницам ходят моряки, капитаны с золотыми нашивками на рукавах. Помощник вошел в дверь, а я задержался на улице: пойду значков куплю. Кубинцам в подарок.

Подошел я к киоску, а там за стеклом сверкают десятки значков. С одного смотрит маленький Ленин, по другому значку пролетает спутник. На третьем футболист бьет ногой по мячу. Подал я киоскерше деньги, говорю:

— Полсотни значков. Самых лучших!

Старушка выглянула в окно:

— Сколько?

— Полсотни,— повторил я. И объяснил: — Мне для кубинцев.

— А-а,— заулыбалась старушка. Стала заворачивать покупку в бумагу и спохватилась: — Ну, и мой подарок прихватите!

Отколола от своего пиджачка значок. На нем сопка, и по синему морю белый пароходик плывет. А внизу поблескивают буквы: Владивосток. Завернула его вместе со всеми значками и кивнула мне:

— Счастливого плавания!

Иду я, тороплюсь. Ветерок подгоняет. Кажется, сейчас буду прикалывать кубинцам значки. Даже смуглые лица вижу перед собой. Сейчас получим карту — и прощай, Владивосток!

Дошел я до пароходства: нигде не видно помощника. Что это он с несколькими картами так долго возится? Я взбежал по лестнице, отворил дверь. А помощник кипы карт в рулоны сворачивает и спину расправляет: ну и устал!

Нагрузились мы. Пошли. Целые океаны под мышками несем! Миновали всего какой-то квартал, а у меня уже лоб повлажнел. И в глазах волны загуляли. Пришлось отдохнуть. Тут-то я почувствовал: далеко еще до Кубы. Пока одни карты несешь, и то пот прошибает. А попробуй-ка сам океан переплыви!

МАТРОСИК

Вечером капитан поднялся по трапу и радостно выложил на ходу:

— Все! Сейчас последний вагон разгрузят — и снимемся.

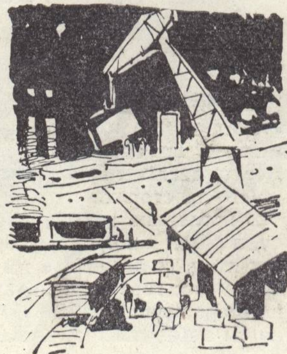
Капитан уже пожилой, а когда идет в рейс, летит, словно его свежий ветерок в спину подталкивает.

За бортом пыхал паровозик. Лязгали буферами вагоны, и громадный кран тянул вверх связки белых досок. Мы похаживали у борта уже в рукавицах, готовились принимать с берега концы и торопили грузчиков. Боцман сидел на корточках у трапа, покуривал и смеялся:

— Дайте людям напоследок поковыряться!

Скоро совсем стемнело. Над палубой резко взлетели лучи прожекторов. Доски медленно проплывали сквозь них и казались ослепительно белыми. Наконец вагон опустел, показалось черное дно. Грузчики выпрямились, подоткнули рукавицы за пояс и закричали крановщику:

— Вира!

Последний строп качнулся и полез вверх. Мы встали. Поднялся боцман. Вдруг грузчики разом свистнули, замахали руками и бросились в темный угол вагона. Над ними мелькнул какой-то комок и забегал по борту вагона. Грузчики — за ним. Комок подпрыгнул, взлетел на строп и заметался по верху.

В этот момент строп попал в луч прожектора. Комок так и вспыхнул! Иголками сверкнули тонкие шерстинки, и все увидели на белой доске маленького, полосатого, словно в тельняшке, бурундука. Неужто из тайги заскочил? Крановщик тоже заметил его, выглянул из башни и задержал стрелу. Строп повис в воздухе над водой. Зверек забегал по доске от края к краю. Теперь он испуганно глядел вниз. С одной стороны стояли мы, с другой — в вагоне кричали грузчики, а посередине хлюпала грязная, черная вода. И только вдалеке темнели сопки, покрытые родным лесом.

— Давай его сюда! В матросы полосатого! — кричали матросы на судне.

Но грузчики вылезли из вагона и требовали:

— Спускай вниз!

Бурундук нервно поглядывал из стороны в сторону, поворачивался мордочкой к тайге. Выпученные глазенки блестели от страха. Я тоже затаил дыхание. Доски вздрагивали, покачивались. Вдруг сорвется... А бурундук сидел на самом краю...

Тут внизу зафыркал паровозик, подошел к вагону, подцепил его, и грузчики спрыгнули на землю. Крановщик помахал рукой: «Держите!» — и повел стрелу. Грузчики приготовили пиджаки. Боцман тоже снял рукавицы, а крановщик подвел строп к вагону, опустил его. Вагон тронулся, бурундук свистнул — была не была, махнул хвостом и прыгнул в вагон. Грузчики бросились следом, но паровоз крикнул и пошел быстрей к сопкам. Маленький полосатый зверек возвращался к тайге.

— Эх, такого матросика упустили! — Боцман огорченно махнул варежкой, и мы пошли на бак выбирать концы.

НОЧНАЯ ВАХТА

Ночью меня и матроса Рослого подняли на вахту. Сонный, я натыкался на стол, на переборки, покачивался. Но скоро проснулся совсем. Качалась палуба, в ящиках стола что-то гремело. Я надел ватник, ушанку, влез в сапоги.

Мне нужно идти на бак. Я впередсмотрящий. Вывалился за дверь и вдруг пропал в темноте. Сам себя потерял. Ни рук, ни ног не видно. Колыхалась мокрая темень, и гудел холод. Я вытянул вперед руки и вдруг на что-то натолкнулся. «Кто?» — крикнул я. И налетел на мокрую железную стойку. Я пошел вдоль стенки, взобрался по сходне на доски и побежал вперед. Подошвы скользили. На середине споткнулся. Проехал спиной по настилу и полетел вбок, к самому борту. Где-то рядом еще сильней загудело море. Навалилась и прокатилась по сапогам волна. По спине у меня пробежал мороз. Я едва успел за леер ухватиться, за веревку подтянулся и встал. Пронесло! Тут за борт вынесет — никто не найдет. Волны по вздоху слышны — тяжелые. Добрался я до бака, пробежал вперед и сразу бросился ничком под борт. Пароход поехал, словно с громадной горы. Меня ударило брызгами по спине, как картечью.

Я поднялся, выглянул за борт. Вода хлестнула по лицу. Утерся рукавом. Губы посолонели. Ветер студил щеки.

Потом я обвыкся. Даже приятно стало. Пароход катился с водяных гор. И тут же снова взлетал вверх. И снова катился вниз и снова вверх. Я стоял на самом носу, и только, когда летели вниз, на секунду обрывалось сердце.

Фуфайка набухла, брюки так и липли к коленкам. Я вглядывался в темень, но ничего не видел. Я закрыл щеки воротником и стал дышать внутрь. Ну и холодина! Впереди все поднимались водяные горы.

Вдруг у самого носа что-то вскинулось на гребень волны. Мелькнули какие-то палки, веревки. Сеть! Я сунул в губы свисток, свистнул два раза. Но разве что услышат в этой кутерьме!

Судно летело с громадной скоростью. Вот оно поднялось рядом с сетью и прошло. Мимо! Мимо! Еще немного — намотали бы сеть на винт. Я стал вглядываться внимательней. И вдруг увидел, как справа начинает светлеть воздух. Светает.

Тут меня кто-то хлопнул по плечу. Оглянулся я, а этой мой напарник. Матрос Рослый. Сутулится на ветру после тепла, а сам кричит:

— Что, замерз? Беги в рубку, там отогреешься.

В рулевой было тепло. Постукивали часы. Таинственно сверкал фосфорический компас. Старший штурман прохаживался, заложив руки за спину.

— Можно стать за руль?

Старший в ответ только усмехнулся:

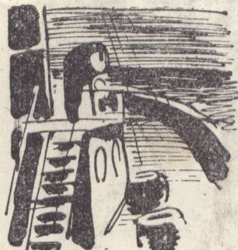
— Руль решил обойтись сам.

Я понял: пароход вел авторулевой. Из угла донесся хриплый голос:

— Твое дело теперь — палуба. Хватай ведро, швабру и штанины закатывай!

В углу попыхивала папироска. Там на корточках, прислонясь к стенке спиной, сидел боцман,— не спится старому в такую погоду.

В ТУМАНЕ

Мы шли в холодном тумане. Облака ползли нам навстречу, и пахло льдинами. Вот-вот откуда-нибудь могла вынырнуть белая громадина. Противно. Словно тебе шапку на глаза нахлобучили. Все время над палубой хрипели гудки, работал локатор. Всем надоело качаться в этой мгле.

Как-то вечером я поднялся в штурманскую рубку. Помощник капитана достал карту, расстелил ее. Слева по голубому фону было написано: «Тихий океан». Справа извилистой линией рисовался берег. Штурман постучал по нему карандашом и гордо подмигнул: «Вот, брат, и Америка!». Будто это он Америку открыл. Я выбежал на палубу. Нет Америки! Качалась мокрая темнота. Но тут я почувствовал: слева поддувает ветер. Теплый, береговой. Мы шли на юг вдоль американского берега.

Я растолкал Рослого:

— Америка!

Но он только перевернулся на другой бок, вытянул ноги: какая там Америка, если человек хочет спать! Я бросился к боцману — тот высунул ноги из-под одеяла, посмотрел в иллюминатор и сонно махнул рукой:

— Не, не видно. — Потом сел на койку, провел ладонью по глазам и качнул белой головой: — Двадцать лет не видел! С самой войны... — И снова лег.

А я больше уснуть не мог. И оттого, что прошли через целый океан. И потому, что это была Америка, которую открыл Колумб. И слишком уж далеко была она от Владивостока. А теперь оказалась рядом. Мне все не верилось, что увижу ее.

Я незаметно уснул. А когда проснулся, бросился на палубу смотреть Америку.

Америки все не было. Но зато слева, работая всеми лучами, как большими веслами, к нам по прозрачной воде быстро гребло громадное солнце. Вверху в ясном небе розовели три облачка. Будто плыли вслед за нами от Японии и теперь вынырнули из тумана.

ПАНАМА

Поздно вечером в небе заколыхались голубые лучи. С каждым часом они становились ярче. Сверху загрохотало радио.

— Боцман, на брашпиль!

Все встали у борта и смотрели вперед с интересом и волнением.

Перед нами была Центральная Америка! Лица от неонового зарева стали у нас бледно-голубыми. Огни в городе мерцали, отражались в воде, а над ними фосфорились звезды, и над тропическими зарослями горела луна. И все знакомое, и в то же время необычное — таинственное. Даже потянуло холодком.

Утром проснулся я от крика и шума. Рядом с нами махали крыльями стаи клювастых птиц — даже ухало в воздухе. Они падали в розовую воду, кричали, трясли головой, просовывая в пасти рыбу. Под клювами у них раздувались большие влажные мешки. Птиц я узнал. Пеликаны. Они то летали над заливом, то возвращались к земле. И проносились под большим мостом.

Он протянулся с берега на берег. Колоссальный, железный. А за ним буйствовал зеленый пальмовый лес. Сквозь лес проталкивалось солнце. Оно только выкатилось из-за Атлантического океана и теперь по каналу пробиралось в Тихий.

Здесь самое узкое место между двумя Америками — Северной и Южной. Земля, как струйка дыма, тонка. Вот и прорыли канал, чтобы не обходить вокруг громадного материка.

Тут ко мне подошел Рослый.

— Сейчас к нам высадится американская команда.

— Зачем? — удивился я.

— Как зачем? Будут нас охранять, чтобы мы с тобой не напали на Соединенные Штаты! — рассмеялся он и побежал к мачте с флагами.

Через минуту звездный американский флаг зашелестел рядом с нашим.

От берега на волне запрыгал белоснежный катерок. На носу у него тоже трепыхался красно-синий в белых звездочках американский флажок. Катер подрулил к нам. На руле стоял тонкий, стройный негр. В белой шапочке, в белом костюме. За ним в штатском — белый джентльмен и тучный офицер в фуражке с орлом.

Справа скрипнул и поехал вниз трап. Джентльмен легко перепрыгнул с катера. За ним побежал вверх по ступенькам офицер.

Джентльмен и военный торжественно прошли к капитану. И через несколько минут нас вызвали в столовую. На медицинскую проверку.

Я пошел самый последний. У стола сидели наш судовой врач Александр Семенович и этот самый джентльмен. Заглянул американец в какой-то список, отпечатанный по-английски. Нашел мою фамилию. Поставил плюс, улыбнулся мне:

— О'кэй! Все в порядке! — И захлопнул папку.

Александр Семенович подозвал меня пальцем и говорит:

— Сбегай, скажи капитану, что мы осмотр кончили.

Американский врач тоже улыбнулся:

— О'кэй! О'кэй!

САМЫЕ НАСТОЯЩИЕ АМЕРИКАНЦЫ

Через некоторое время из-под моста к нам рулили два катера. От них по воде катились алые ровные волны. И разлетались в стороны пеликаны.

На ближнем катере были солдаты. Интересно, что они будут у нас делать?

Катер подошел к правому борту, и солдаты один за другим стали прыгать к нам на трап. Ловко! С носочка на носок, у всех пилотки набок. Брюки отутюжены — кажется, так и режут воздух. Сверкают черные туфли. Руки загорелые.

И лица тоже словно бы одним утюгом у всех проглажены. Ни улыбки, ни взгляда. Капрал между ними, словно утюг, из стороны в сторону бегает.

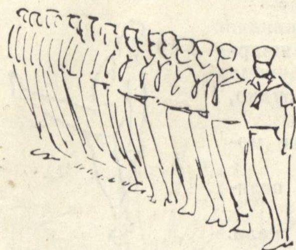
Поднялись солдаты на палубу. Носы вздернуты, головы задраны. Ни один не поздоровался!

Выстроились на корме двадцать человек. Двадцать носов вверх. Двадцать дубинок на боку слева. Двадцать пистолетов в кобуре справа. Все в желтых костюмах, как спелые бананчики.

Капрал развернул длинный список, прочитал какой-то приказ и развел солдат по постам. Будто взял пароход под арест. Радиостанцию опечатали, к машине поставили часового на корме. Даже у капитана на мостике караул стоит. Вытягиваются солдаты, с ноги на ногу переминаются. Молчат, словно им рты зашили.

А со второго катера смуглые люди в желтых куртках начали взбираться. Они бежали по трапу и кричали: «Салют, совьетико!». Один похлопал меня по спине, спрашивает по-русски:

— Как дела, помаленьку?

Это швартовщики, панамцы. У каждого на рубахе сзади квадратная нашивка с надписью: «Компания Панамского канала. Навигационный дивизион».

Тронулся пароход. Весело стало на палубе. Ноги у панамцев заходили в пляске. А один стал напевать какую-то песню. Даже пальмы на берегу веселей закачались.

Пароход шел на громадный высокий мост. Но наши мачты казались еще выше!

— Прячь головы, братцы! — закричал Рослый и пригнулся.

— Наверное, раздвижной,— сказал кто-то.

Но мост не раздвигался. Мы приближались к нему и настороженно смотрели вперед. Но вот подошли ближе, и стало видно, что мост — высоко над мачтами. Пароход нырнул под него. Мы вскинули головы. Высоко-высоко над нами пронесся автомобиль из Южной Америки в Северную.

ТОММИ И ТЭДДИ

Часов с десяти солнце задышало изо всех сил. От земли пошел пар. Пальмы вдруг заколебались, принялись подпрыгивать, словно им горячо было стоять на земле. Потом они совсем стали исчезать.

— Мираж,— сказал Рослый.

Даже у привычных панамцев на коричневой коже засверкали капли.

А американцы вертели мокрыми шеями, но все стояли на постах. Одни хвастливые и задиристые. Станут боком — пистолет выпячивают. Другие осторожные. Увидят капрала — вытянутся, подбородок вперед. Не шелохнутся. А были и третьи.

Начал капрал менять посты. Слышим, выкрикивает: «Томми!». Подошел к нему чернявый кучерявый солдатик. Козырнул и отправился на пост. Прямо возле кормы. Молоденький, стройный. Бедро выставил вперед — дубинка выглянула. Он другим боком повернулся, а там пистолет торчит. Застеснялся парень. Видно, самому неприятно, что у него оружие. Улыбается виновато.

А тут один наш машинист, Володя, баян вынес. Он все туш — особый марш для торжественных случаев — в каюте разучивал. А теперь сказал:

— Вспомним родную Русь на американской земле.

Уселся с краю на доски, пробежал пальцами по басам и заиграл вальс «На сопках Маньчжурии». Грустно стало. Сразу почувствовали, как далеко Родина.

Смотрим, и Томми в такт грустно головой покачивает. Скоро Володя повеселей заиграл «Катюшу». Мы повеселели. И Томми заулыбался. Пилотку на кучерявой голове подвинул. Подошли мы к нему, стали рядом, спрашиваем по-английски:

— Зачем тебя здесь поставили?

Он опять виновато улыбнулся. Только зубы заблестели.

А капрал увидел улыбку, как гаркнет:

— Томми!

Пожал Томми плечами, подтянулся, пошел к капралу. Стал капрал ему что-то говорить и от нас солдата спиной закрывает.

Сел Томми на доски, голову опустил, пальцем по доске водит, чертит что-то. Грустный. А капрал повертел головой влево, вправо. Снова как крикнет:

— Тэдди!

Вскочил со скамейки длинный солдат, как ударит каблуками об пол — и пошел марш отбивать. Сразу видно, мастер выслужиться. Чуть не до подбородка ноги подлетают. Подошел к капралу, вытянулся, вот-вот пополам разорвется. Глаза наружу вылезли, нос вытянут. Козырнул, повернулся на каблуке — и к посту маршем!

А наш машинист посмотрел на него, развернул меха да как заведет туш!

Капрал повернулся, рот приоткрыл. Солдаты оглянулись. А Тэдди покраснел, натужился изо всех сил, головы не повернет и под туш отшагивает.

Рассмеялись все, даже американцы насмешливо ухмыльнулись. Понял капрал шутку, вытащил сигару, запыхтел. А Томми голову поднял, на нас смотрит, улыбается. Не каждый американец перед капралом выслуживаться будет.

ПРИВЕТ ФИДЕЛЮ!

Я сидел с толстым панамцем, который американцев обходил стороной. Иногда он садился рядом с товарищами на поручни и качался под какую-то свою песню.

Когда показывались крыши поселка, он соскакивал, подходил к борту и начинал отбивать чечетку. Он показывал глазами на берег. Вечером на берегу его ждали веселые танцы, там стояли пальмочки и, как серьгами, качали кокосовыми орехами. Они тоже, казалось, пели песни.

А подходили к нам тепловозики — панамец прятал в карман толстую сигару, надевал рукавицы и тянул со всеми манилу — толстый канат. Мускулы у него вздувались, как у штангиста. Он торопливо бегал со всеми, кричал, шумел. А потом снова торжественно доставал сигару и важно курил.

Как-то он вынул из кармана газету, развернул ее.

— Американская? — спросил я.

— Но! Нет! — загудели разом швартовщики.— Панамская! Но янки!

Потом, глядя в газету, панамец спросил:

— Пароход идет на Кубу?

— Да. В Гавану! — ответил я.

— О! Гавана — хорошо! Фидель молодец! Салют Фиделю! — зашумели швартовщики. А маленький толстяк хлопнул меня по плечу и сказал:

— Будет и у нас свой Фидель! — и побежал тянуть канат. Весело тянуть судно, которое идет в Гавану!

Скоро канал кончился. Впереди зарокотал Атлантический океан. Карибское море. Вспыхнул закат. И к борту снова подошли два катера.

На один стали спускаться американцы. Молча. Хмуро. И только Томми оглянулся и кивнул головой: «Гуд бай!» Всего хорошего, Томми!

На второй катер стали шумно сходить панамцы. Они снова кричали, пели. А толстяк поднял ладонь и потряс в воздухе сигарой.

— Салюд, Гавана! Салюд, Фидель! — И побежал вниз.

САЛЮД, ГАВАНА!

До полночи я наглаживал брюки и рубашку. Потом вспомнил про значки. Вытащил их из чемодана. Сверкнули красные звезды с Лениным, спутники Земли. И маленький значок с сопкой, белым кораблем и надписью «Владивосток».

В полночь я вытащил матрац, бросил на доски прямо у борта. Не проспать бы Гавану.

И, кажется, почти сразу открыл глаза.

Передо мной прямо над зарей поднимались небоскребы. Между ними пробегали маленькие улочки с белыми, будто из сахарных кубиков, домиками. В глубине города, среди пальм, виднелся купол Капитолия. У набережной, возле ворот какого-то здания, негр в военном махал рукой.

Гавана! Я бросился одеваться. Мне на вахту.

Оделся я, повязал на рукав красную повязку и побежал за флагом.

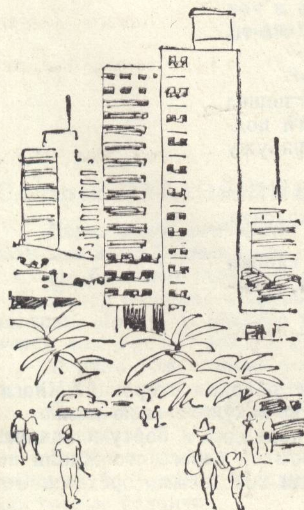
У мачты собралась команда. Я развернул полотнище флага, привязал его и потянул вверх. В это время с мостика крикнули:

— Трап, трап подавай!

У борта, рядом с нами, шел легкий кубинский катер, и на нем стояли настоящие барбудос! Мы спустили трап вниз, прямо к катеру. И скоро к нам быстро и немного торжественно поднялись несколько человек.

Лица у них были оранжевыми, как апельсиновая кожура. Они гордо держали головы и посматривали чуть-чуть свысока. Но все протягивали нам руки и улыбались:

— Буэнос, камарадос! Здравствуйте, товарищи!

Навстречу им спустился капитан. В белой сверкающей рубашке. Кубинцы пошли за ним в кают-компанию. А один, самый молодой, в синей форме, положил мне руку на плечо — такая, видно, у них привычка — и стал рядом на пост. У него были легкие погончики. На голове оливковый берет. А на боку, в кобуре, пистолет.

Пароход все еще медленно двигался. Справа золотились домики. В дымке виднелись башни, вспыхивали стекла. Кубинец обвел город рукой,

— Гавана. Это Гавана.

В это время за спиной кто-то спросил:

— А где Фидель?

Парень развел руками:

— Но компрендо... Не понимаю...

— Фидель где? Там, там или там?..— показал Иваныч-боцман на разные дома.

— А,— заулыбался парень и закивал головой.— Компрендо! Понял, понял! Там! — И он показал туда, где поднимался большой купол Капитолия.

— А ты Фиделя видел?

— Си! Да! — торжественно качнул головой парень и развел рукой дым от сигары.— Сьерра Маэстра! — И он похлопал рукой по кобуре.

Боцман присел на корточки, все подвинулись, а парень расстегнул кобуру, достал пистолет и, вытащив из него обойму с патронами, протянул пистолет мне. Я положил его на ладонь. Пистолет был как новенький, но пах порохом. Ко мне сразу протянулось несколько рук. Каждому хотелось подержать пистолет, который побывал в боях на Сьерра Маэстра.

Передал я его боцману. Иваныч взвесил пистолет на ладони, потом повернул и посмотрел на клеймо. «USA». Американский. Видно, в бою добыт.

— Ты Батисту бах, бах? — Боцман двинул пистолетом вперед.

— Си! — Парень засмеялся и кивнул головой. Потом взял пистолет, вставил обойму. И, положив его в кобуру, щелкнул застежкой.

СУВЕНИР

Как только мы пришвартовались, все судно окуталось дымом. Трап заскрипел, закачался: вверх побежали грузчики. Черные, коричневые, белые. И каждый пожимал мне руку. Они расходились по трюмам, взбирались на краны, приплясывали. И наш пароход становился маленькой смуглой Кубой.

Я еще не сходил на берег, но чувствовал себя так, будто уже ходил по Гаване.

Наша вахта подходила к концу, когда от капитана вышло несколько кубинцев. Один из них нес большой портрет Ленина. Подарок от всей команды.

Тогда я вытащил из кармана значок, на котором был Ленин. И приколол его к полинялому карману гимнастерки моего нового друга.

— О мучо грасья, большое спасибо! Эстэ гранд сувенир! Это очень большой сувенир! — улыбнулся мне товарищ и побежал на катер.

А грузчики загудели и протянули ко мне руки — коричневые, белые, черные.

Я достал несколько значков, и руки мигом исчезли. Значки тоже. А ко мне протянулись новые руки. Черные, белые, коричневые.

— О сувенир! Ленин сувенир!

Я вытащил еще несколько значков. Их тут же разобрали. Кто-то уже радостно приплясывал, восхищался. А меня окружали новые лица. Сверкающие глаза заглядывали в ладонь. И все кричали:

— Ми, ми, ми! Мне, мне, мне!

Я достал последние значки, раздал их и оставил только один. Хотел я его спрятать, подарить какому-нибудь пионеру. Но отовсюду зашумели:

— Нам!

— Нет,— сказал я и спрятал руку в карман,— это для пионеров!

Но все зашумели и снова протянули руки.

— Нет,— сказал я.— Значок один. А вас много.

Тогда все крикнули:

— Стой!

А один, толстый, круглый, бросился кого-то искать. Все повернули за ним головы и вдруг расступились. Толстяк, пыхтя и отдуваясь, вел за руку высокого седого мужчину.

— Ему! — закричали все.

— Почему? — удивился я. И сказал, как кубинцы: — Но компрендо! Не понимаю.

Толстяк взял меня за руку и показал на берег.

— Видишь? — Там стоял ржавый, черный пароход.— Это батиста барко! Батистовский пароход. Он хотел ночью пробраться к нам! А этот человек первым бросился на него. И подбил. И взял в плен. Он коммунист! Он был с Фиделем в Сьерра Маэстра и на Плайя Хирон. Он ранен, и у него есть орден. Ему!.. Компрендо?

— Нет, все-таки мне хотелось отдать значок пионерам.

Тогда все закричали человеку:

— Доставай документ!

Мужчина смутился, но по лицу было видно, что ему хочется получить значок. И он достал завернутую в целлофан книжицу.

Внутри нее была маленькая желтая фотокарточка. На ней мужчина был настоящим бородатым барбудо, с длинными волосами и в берете...

Я достал значок, приколол мужчине к рубахе, и он поклонился:

— Грасья, мучо грасья!

Грузчики захлопали в ладоши, закурили. И я тоже остался доволен. Мой значок будет сверкать рядом с кубинским орденом.

ПРОФЕССОР

На палубе грохотало: «Вира», «Майна»,— и связки досок то плыли вверх, то, поскрипывая, опускались за борт. Свежие, пахучие. Внизу звонко кричали кубинцы, укладывая доски на грузовики.

Вдруг по небу поплыли громадные тучи. За небоскребом пролетела молния, и полил дождь. Грузчики с тревогой посмотрели туда. Вот тучи взвалились на небоскреб, столкнулись, и раздался оглушительный грохот. Грузчики бросились врассыпную, как будто молнии били им под самые пятки. Сверкающие капли стали бомбить землю, площадь, пароход. Грузчики забились на палубу под навес.

Я открыл иллюминатор. В каюту залетели брызги, и хлынул свежий, пахучий воздух. Вдруг раздался стук. Дверь отворилась. Сначала в каюту просунулась рука с дымящейся сигарой, потом показалась голова с усиками, и на пороге появился толстый грузчик. Тот самый, что требовал значок для своего друга.

— Буэнос, амигос! Здравствуйте, друзья!

Он бросил у дверей мокрое сомбреро, шагнул в каюту и протянул руку.

За иллюминатором грохнуло. Толстяк надулся, затряс головой и выкрикнул какое-то рокочущее слово. Наверное, слово «гром». Затем обвел глазами каюту, подошел к белой стенке-переборке и ткнул в нее пальцем:

— Эстэ эс бланко!

Что это он? Не нравится ему, что ли?

Толстяк подошел к черному столу и хлопнул по нему ладонью так, что он чуть не треснул:

— Эстэ эс негро!

Чего он хочет?

Толстяк подошел к книжной полке, вытащил том Маршака в красном переплете:

— Эстэ эс рохо!

Он весело выпучил глаза и спросил:

— Компрендо?

— Но компрендо! — Я замотал головой. .

Тогда толстяк ударил себя кулаком в грудь:

— Я Франциско! Компрендо?

— Да! — кивнул я. — Компрендо. Ты Франциско!

Толстяк обрадованно выпучил глаза и показал на них пальцами:

— Эстэ, сон охос! Компрендо?

— Компрендо. Это глаза!

Франциско схватил себя за коричневые уши так, что они чуть не оторвались... Все понятно! Глаза, уши.

Потом он вдруг остановился. Хитро повернулся ко мне, показал на мои глаза, спрашивает:

— Это?

— Охос!

— Эстэ? — Он показал на нос.

— Нарис,— сказал я.

Франциско снова схватил том Маршака, захлопал красной обложкой.

— Эстэ рохо.— Он показал на свои красные губы.— И эстэ рохо.— Высунул язык.— И эстэ рохо! Компрендо?

— Компрендо,— выпалил я.— Рохо — красное.— Я показал на красную майку Рослого.— И эстэ рохо!

Тут Франциско вдруг подскочил, как футбольный мяч, выбежал за дверь, и через минуту его голос уже гудел на палубе. Я тоже вышел. Он что-то рассказывал, выпучив глаза, показывая пальцем в мою сторону, а грузчики иронически улыбались: «Неправда!».

Тогда Франциско подбежал ко мне, схватил меня за руку и потащил к грузчикам. Они окружили нас. Франциско поискал вокруг себя, что бы мне показать. Потом ткнул на небо:

— Эстэ?

— Бланко! — выпалил я.

Он показал на красный флаг на мачте.

— Рохо,— сказал я. Это я знал.

— Глаза?

— Охос!

Кубинцы изумленно закачали головами, а Франциско хлопнул меня по плечу:

— Профессор! Гранд профессор!

Я засмеялся и хлопнул по плечу его:

— Это ты профессор. Ты меня учил.

Он гордо выпятил могучую грудь, важно похлопал себя по ней. И согласился. Конечно, он учитель! Он учит ниньос — маленьких детей. А летом помогает разгружать суда. И он сделал руками движение, словно взвалил на спину доску. Ведь из этих досок будут строить для ниньос школы!

— И я ниньо? — засмеялся я.

— Но, ту профессор! Ту гранд профессор! Тебя надо наградить! — Тут Франциско схватился за голову, вспомнил про сомбреро, и мы снова пошли в каюту.

— Ты кушал пинью? — спросил меня Франциско.

— Нет,— ответил я.— Что за «пинья»?

Франциско довольно зажмурился, взял сомбреро и сказал:

— До завтра!

Полночи я простоял на вахте. А утром едва проснулся, уловил ароматный, сочный запах.

— Твой кореш приходил, пиню принес,— ухмыльнулся Рослый.

Я вскочил. На столе лежал сверток. А из него, как громадная кедровая шишка, выглядывал ананас. Сверху торчал зеленый чубчик острых листьев.

Ананас-то я пробовал! Только не знал, что по-кубински он называется «пинья». Неожиданно появился Франциско. Вытащил из кармана громадный нож. Отсек одним взмахом чубчик. Потом разрезал пиню на куски, выбрал самый большой, протянул мне. И мы принялись уписывать награду за мои профессорские успехи в учебе.

КУДА ЕДЕТ НАШ ЛЕС

Мы с Рослым захотели посмотреть, куда едет наш лес.

В воскресенье у трапа появился Франциско в новой белой рубашке, в узких, длинных туфлях. Мы с Рослым надели белые костюмы и вышли на причал.

Франциско оглядел нас и довольно хлопнул в ладоши:

— Буэнос компаньерос! — Молодцы ребята!

Потом он поговорил с шофером, мы взобрались на машину с досками и помчались вдоль набережной.

— С ветерком! — радостно вздохнул Рослый и повернул лицо к океану. От горизонта к берегу катились белые легкие барашки. Слева до самого голубого неба, сверкая окнами, поднимались небоскребы.

Мы проехали сквозь тоннель, потом промчались мимо зенитной батареи и затормозили у красивого цветного городка.

Дома стоят, как яркие кубики. Всюду клумбы с незнакомыми цветами и травами. А в конце квартала высокими штабелями белеют доски.

Повел нас Франциско к двухэтажному дому. За нами толпа смуглых ребятишек катится. Кричат:

— Руссо, руссо!

Открыл Франциско дверь и застучал каблуками по лестнице. Бежит по коридору, дверь за дверью распахивает. Настоящий парад дверей устроил. Двери перед нами навытяжку. Поскрипывают, вперед пропускают. Все из нашего леса сделаны.

Заглянули мы в один класс. А там новенькие столы и скамейки так и тянутся навстречу.

Хорошо! Есть где учиться кубинским ребятам!

Вышли мы на порог. Ребятишки в глаза заглядывают, о ладони курчавыми головами трутся.

Я говорю Рослому:

— Покажем им, на что еще наш лес годится!

Он понял меня. Остановились мы у штабелей, взяли доску покрепче, положили ее поперек других, уселись по краям. И давай качаться. Отталкиваемся, вверх подлетаем. Ребятня хохочет.

— Выше! — кричу.— Чтоб Москву видно было.

Слезли мы. А мальчишки чуть не дерутся — кому сесть.

Я им говорю, показываю:

— Досок разве мало?!

Положили еще несколько поперек. Смотрим. Уселись мальчишки. И давай ногами отталкиваться. Подлетают. Глазенки от страха раскрывают. Но все кричат:

— Више! Више!

Отправились мы на автобус. Оглядываемся, а сзади курчавые головы так и взлетают. Веселье! И доски не лежат без дела!

НОЧНОЙ БОЙ

Солнце докурило свою сигару. Пыхнуло напоследок и спряталось за гостиницей «Гавана Либре». Только дымок еще розовел над ней. Вверху над высокой «Гавана Либре» уже зажглась неоновая надпись, и я заторопился на судно. Как бы не стали беспокоиться!

По-ночному засинело небо. Жара спала. Двери домов были открыты. Куда ни поверни голову, всюду мерцают экраны телевизоров. Хоть на ходу телевизор смотри. Вон на экране барбудос шагают по каким-то зарослям. Вон кто-то на дерево лезет с биноклем.

Вышел я на тихую и темноватую улочку. Пройду квартал — и на автобус.

Бу-ух! Бух! Где-то рядом грохнул выстрел, второй. Ударила автоматная очередь, и в ответ ей еще одна. Неровная, захлебывающаяся.

Захлопали двери. По улице побежали люди. Кто-то кричит:

— Милисиано убит! Милисиано!

Я бросился вместе со всеми. Выскочил на перекресток. Пороховой дым плавает.

А у дома сидит милисиано, совсем молоденький, как тот, с которым я был на вахте. Привалился спиной к углу и все рукой автомат нащупывает, подняться силится. По груди у него пятно крови растекается, голова падает, а у ног стреляные гильзы разбросаны: отбивался.

Я взял одну гильзу, зажал в кулаке. Теплая еще. Попробовали парня поднять, а он уже не дышит. В толпе как закричат:

— К стенке их! К стенке недобитых!

Кинулись люди по улицам — нет никого! Только какая-то старушка сказала, что недобитые умчались в «линда макина негра» — в красивой черной машине. Милисиано, кажется, ранил одного. Тот взмахнул руками и упал.

Попались бы они мне, я бы их всех из автомата!

Сквозь толпу пробрались несколько милисианос. Отнесли товарища в машину. А у того места, где еще виднелась кровь, стали на пост два других. Командир еще раз расспросил старушку и быстро уехал.

Я выбрался из толпы и скорей пошел к себе, на вахту. На остановке сел в автобус, но по дороге все вглядывался в каждую красивую машину.

Вокруг скользили десятки красивых машин. Пробирались одна впереди другой, будто хотели скрыться. Но это только казалось. Из них смотрели веселые люди. А та, конечно, уже куда-нибудь спряталась.

ЧТО РАССКАЗАЛ ФРАНЦИСКО

На следующий день Франциско пришел опоясанный широким ремнем и с пистолетом. Он сказал:

— Вчера убили нашего товарища...

— Я знаю,— сказал я.— Недобитые.

— Добитые! — ударил ладонью по столу Франциско.— Их поймали мои ученики. Ночью, как только они подъехали к своей норе на машине.

— На черной? — спросил я.

— Си,— кивнул он.— На самой черной!

Он вскочил, заходил по каюте и быстро стал рассказывать.

Три ученика Франциско сидели на улице поздно вечером. Мимо них проехала черная машина и остановилась у дома напротив.

— «Кадиллак»,— сказал негритенок, тоже Франциско.

— Но «кадиллак»! «Шевроле»,— ответили двое других. Подошли ближе.

И вдруг из машины появились двое с автоматами. Третьего они вели под руки, рубаха у него была в крови.

Мальчики притихли.

Люди с оружием постучали в дверь и, оглядываясь, вошли.

Мальчики переглянулись. Почему они с оружием? Почему не отвезли раненого в госпиталь? И почему оглядываются? Они чего-то боятся! Это нехорошие люди.

Нужно было что-то делать, и дети решили.

Маленький Франциско бросился в народную милицию, его друзья остались следить за домом.

Черный «шевроле» все стоял на улице, у подъезда. Но незнакомцы могли выйти и укатить!

Мальчишки додумались! Они подкрались и вывинтили золотники из передних колес!

Когда двое, оглядываясь, вышли на улицу, их «шевроле» глядел носом в землю! Они торопливо стали исправлять.

Но ведь Франциско тоже не зевал! Он бежал со всех ног, и машина с милисианос успела как раз вовремя!

— Их взяли? — спросил я.

— Си!

— Тех самых недобитых? — спросил я.

— Си!.. Мои ученики! — С гордостью прошелся еще раз по каюте Франциско и собрался уходить.— Надо идти. Сегодня вечером я буду у Фиделя!

Я только вздохнул, позавидовал. Потом спохватился, остановил Франциско. Достал свой пиджак. Отстегнул от него значок и говорю:

— Передай Фиделю.

ЩЕДРОСТЬ КОРОЛЯ

Известный в XV веке английский писатель и историк Джон Лоу в старости остался без всяких средств к существованию и жил в страшной бедности. Узнав об этом, король выдал ему бумагу, в которой говорилось:

«Ввиду того, что Джон Лоу сорок лет своей жизни посвятил историческим и научным изысканиям и тем способствовал прославлению отечества, даем ему наше милостивое королевское разрешение нищенствовать на всех дорогах Англии в течение одного года и собранные подаяния употреблять в свою пользу».

Документ этот был скреплен собственноручной подписью короля и его печатью. Ничего не скажешь, поистине королевская щедрость!

ЧЕЙ ЗМЕЙ ВЫШЕ?

Мы расскажем вам про коробчатого змея, потому что плоские змеи — самые простые — делать совсем легко, и тут все можно сообразить самому. Коробчатый змей сложнее, зато он более устойчив в полете и может поднять больший груз.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ЗМЕЯ

Четыре рейки для каркаса и четыре на распорки. Для обтяжки потребуются две полосы материи. Ее крепят к рейкам и растягивают распорками. Чем сильнее натянута обтяжка, тем лучше.

КАК СДЕЛАТЬ ЗМЕЙ

Начинать надо с заготовки реек (обязательно из дерева без сучков, с ровным расположением слоев). Все рейки должны быть одинакового сечения (например, 10×10 мм), одной длины и веса. Концы реек промазывают клеем, затем сушат и обрабатывают напильником. Готовые рейки шлифуют шкуркой.

Для обтяжки нужен материал, который мало вытягивается. Из ткани выкраиваются две полосы, причем со всех сторон нужно припустить по 10 мм. Вдоль обеих длинных сторон вклеивается (столярным клеем) прочная нитка с тремя петлями (100—110 мм). Затем из полос склеиваются кольца — для этого понадобятся припуски на коротких сторонах.

Обтяжку можно сделать и из бумаги. В таком случае советуем сразу приготовить несколько запасных колец на случай, если порвутся.

Для распорок нужны рейки меньшего сечения, чем для каркаса. Каждый распорный крест делается из двух реек различной длины.

Заготовки распорок делайте чуть длиннее указанных размеров (на 20—25 мм). Сначала — две длинные распорки. Чтобы удобнее было крепить их к каркасу, к концам распорок столярным или казеиновым клеем приклеивают лапки из тонкой фанеры (см. рис.). Потом лапки плотно обматываются нитками, смазанными клеем. А короткие распорки подгоняются после, на собранном змее.

КАК СОБИРАТЬ ЗМЕЙ

Петли на кольцах обтяжки разрезают и образовавшимися «усиками» привязывают их к рейкам. Сначала кольца обтяжки крепятся к верхним концам всех лонжеронов (так называются основные силовые рейки каркаса), а затем к нижним.

Распорные кресты каркаса нужно вставлять вдвоем. Сначала вставляют длинную распорку. Потом, наложив лапку короткой распорки на одну из двух свободных реек, натягивают обтяжку и подгоняют длину короткой распорки. Избыточную длину срезают ножом. Так же устанавливается второй распорный крест.

ЛЕЕР

Полет змея зависит от того, как его привязать к лееру. Леер можно сделать из прочных ниток, лески, шпагата, тонкой проволоки и даже троса. Толщина леера зависит от размера змея.

Обратите особое внимание на петлю (см. рис.). Очень важно правильно подобрать длину верхней и нижней сторон петли — от этого зависит правильный полет змея. Верхняя часть петли обязательно должна быть короче нижней.

ЗАПУСК ЗМЕЯ

Лучше всего запускать змей на открытом месте против ветра. Запускать нужно вдвоем, особенно если ветер слабый.

Один из ребят, сдающий, держа змей обеими руками, относит его, вытягивая леер, метров на 50—75 по ветру и поднимает как можно выше. По сигналу запускающего сдающий подбрасывает змей вверх. Запускающий

ВИД СБОКУ
ВИД СПЕРЕДИ
1200+20
340 520 340
1200
720 220 720 720
800
РЕЙКИ (ЛОНЖЕРОНЫ) 10×10
РАСПОРКИ 8×8
ОБТЯЖКА
ВИД СВЕРХУ
2850
ВЫКРОЙКА ОБТЯЖКИ
НИТКА
ПРИВЯЗЫВАНИЕ РЕЕК К КОЛЬЦУ ОБТЯЖКИ
ОТРЕЗАТЬ
ПОДГОНКА РАСПОРКИ
ОБРАБОТКА КОНЦА РЕЙКИ (ЛОНЖЕРОНА)
ТОНКАЯ ФАНЕРА
ЛАПКА НА КОНЦЕ РАСПОРКИ
РЕЗИНА
ЛЕЕР
ПАЛОЧКА
ПЕТЛИ ИЛИ РОЛИКИ
ТЯГА ИЗ ПРОВОЛОКИ
ШАРНИРЫ
РАСТЯЖКА
ПАРУС
ЗАМОК
КУКЛА ПАРАШЮТИСТ
ПОЧТАЛЬОН

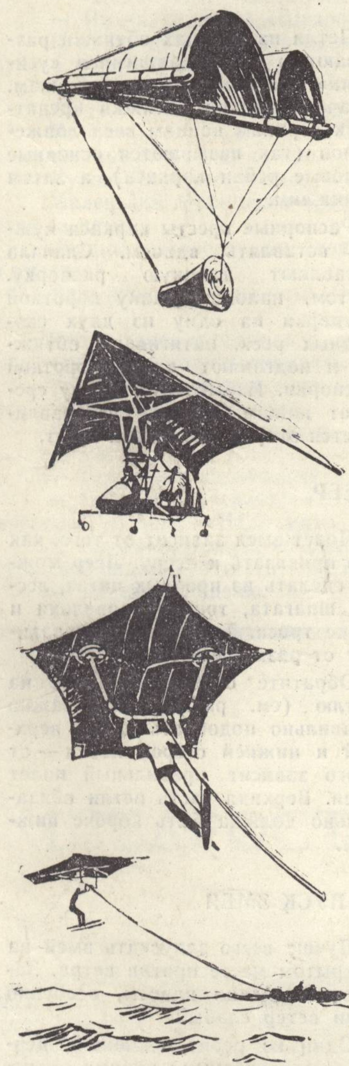

сразу же, как только змей освободился, бежит против ветра с леером в руке.

Нужно побыстрее поднять змей на высоту 20—25 мм: там обычно ветер ровнее и более сильный. При слабом ветре змей может набрать высоту и удержаться на ней только с вашей помощью — нужно бежать и подтягивать леер на себя.

В ветреную погоду змей сразу набирает высоту — тогда коробчатый змей можно запускать с места одному.

Если при запуске змей не поднимается высоко и, как говорится, «лежит», не тянет,— значит, совсем мала его подъемная сила.

Космонавтика, транспорт, авиация, спорт — где только не находят применения воздушные змеи! Как видите, и в XX веке они ничуть не устарели.

Нужно укоротить верхнюю часть петли, которой леер привязывается к змею.

Бывает и другое: змей на коротком леере стоит прямо над головой, а если отпустить леер, то змей и вовсе не поднимается — значит, опять мала подъемная сила, только по другой причине. В этом случае нужно удлинить верхнюю часть петли.

Вы сразу заметите, что, как только изменится ветер, змей начнет раскачиваться и бросаться в стороны. Ветер будет менять его подъемную силу. Чтобы избежать этого, сделайте петлю с амортизатором-резинкой. Он будет регулировать положение змея в зависимости от скорости ветра (см. рис.).

При сильном, порывистом ветре змей валится набок или «клюет носом». Нужно дать ему несколько метров леера — и все выправится.

При запуске змея, особенно в сильный ветер, надевайте перчатки или брезентовые рукавицы, чтобы не порезать леером руки.

«ПОЧТАЛЬОН»

Со змея интересно сбрасывать различные листовки, плакаты, легкие летающие модели самолетов, планеров, парашютов. Для этого нужно сделать «почтальона».

Работает «почтальон» так. На парус (см. рис.) давит ветер и поднимает его с грузом вверх. «Почтальон» как бы бежит по лееру вверх. Затем проволочное кольцо «почтальона» ударяется об упорную палочку, привязанную к петле змея. Замок открывается, из него падает груз и выскальзывают растяжки паруса. Парус складывается, и тележка-«почтальон» устремляется вниз.

Основание «почтальона» — сосновая рейка. Из тонкой проволоки делаются три петли: две — для скольжения по лееру, третья — для паруса. Петли приматываются нитками, смазанными клеем, к рейке.

Тяга к кольцам делается из стальной проволоки (1,5—2 мм). На рейке тяга крепится в жестяных угольничках с отверстиями.

Каркас паруса собирается из одной вертикальной и двух боковых реек, скрепленных шарнирно. Парус шьется из тонкого материала. К концам вертикальной и боковых реек каркаса паруса крепятся растяжки. Для запуска «почтальона» растяжки вставляют в замок.

В. ЕСЬКОВ,
зав. лабораторией
авиационной техники ЦСЮТ

ШАХМАТНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Много тайн хранят шахматные позиции. Есть в шахматах и запутанные лабиринты расчетов и подводный мир скрытых комбинаций. Все хочет узнать Пешкин, все проверить. Трудным делом занялся он. И я надеюсь, ребята, вы поможете вашему верному другу.

Как помочь? А вот так же, как помогли **Зоя Манина** из села Вуадиль, Ферганской области, **Юра Третьяк** из Днепропетровска, **Леня Бурдин** из села Канаши, Курганской области, и другие ребята.

Помните, в первом номере нашего журнала мы поместили этюд, в котором никак не мог разобраться **Сережа Звягин** из Новосибирска. Вот это положение: Белые, Крd6, пешки а7, b6, с6. Черные, Кра8, Ка5. Могут ли здесь белые выиграть, или юркий конь спасает черных от поражения?

Зоя, Леня и Юра прислали Пешкину такие варианты: белые должны играть 1. b7+ и после 1... К : b7+ неожиданное отступление королем на d5 ведет к победе. Пешку с6 черным не удержать.

А если после 1. b7+ черные сыграют 1... Кр : а7, то решает 2. с7! с такими любопытными возможностями: 2... Кр : b7 3. Крd7, или 2... К : b7+ 3. Крd5!

С задачей, которую Пешкин задал вам, выступая по телевидению, дело обстоит хуже. Правильных решений мы получили очень мало. Расставьте снова на доске

позицию этой трехходовки. Белые: Кра4, Cd5, Ка6, Кс6; черные Кра8, Лg2, пешка е2.

Сережа и **Павел Стрижовы** (Москва), ученики 76-й челябинской школы **Витя Лучинкин** и **Коля Хорошутин** решают задачу маневром 1. Кpb5. Ход этот, однако, встречает скрытое опровержение: после 1... Лg8! 2. Кpb6 Лс8! мат третьим ходом не получается.

Этой коварной ловушки не заметили почти все участники заочного соревнования. Надо играть только 1. Кра5! и тогда уже переброска ладьи на g8 не спасает из-за 2. Kd4 + Кра7 3. Kb5 мат.

СОВЕТУЕТ ЮРА БАЛАШОВ

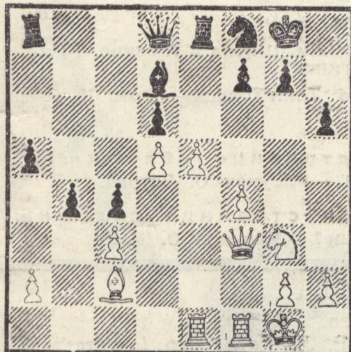
«Я хотел бы знать, как занимался шахматами самый молодой наш мастер Юра Балашов, пусть он посоветует ребятам, как лучше тренироваться».

Это письмо прислал нам **Игорь Руднев** из Брестской области.

Предоставляем слово **Юре Балашову.**

«В шахматы я играю уже давно, почти десять лет. Моим учителем был старший брат. Он тоже любил шахматы и здорово мне помогал. А потом, когда брат ушел в армию, я стал работать самостоятельно. Разбирал партии мастеров, читал шахматный журнал, играл в соревнованиях в моем родном городе Шадринске.

По-моему, каждый из вас, ребята, кто любит шахматы, может добиться успехов, если будет заниматься серьезно. Больше всего советую внимательно, не торопясь, разбирать партии хороших шахматистов, чтобы все понять в этих партиях».

Правильный совет дает Юра. Так занимался он сам. В прошлом году, когда Юре было пятнадцать лет, он получил звание мастера. Недавно Юра играл на международном турнире в Голландии и опередил ряд известных шахматистов.

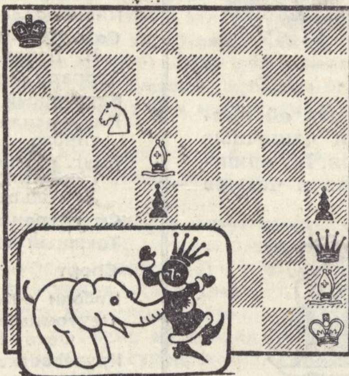
Разберите окончание партии, в которой Юра белыми разгромил немецкого мастера Мюллера. Составьте сами примечания и укажите наиболее интересные и поучительные варианты:

Партия Балашов — Мюллер продолжалась так:

22. Ке4 Cf5 23. Kf6 + gf 24. С : f5 Кg6 25. Фg4 h5 26. Ф : h5 Кpg7 27. е6 Лh8 28. Фg4 Фb6 + 29. Кphl Лh4 30. Фg3 Лh6 37. е7 Фb5 32. Фg4 Лаh8 33. h3 Лh4 34. Cd7 Ф : d5 35. Фg3. **Черные сдались.**

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Этот этюд нам прислал ученик шестого класса **Сосик Тамазян** из города Алаверди (Армянская ССР).

Крутится, вертится черный ферзь... И простор у него большой, а не уйти ему от преследующих белых фигур.

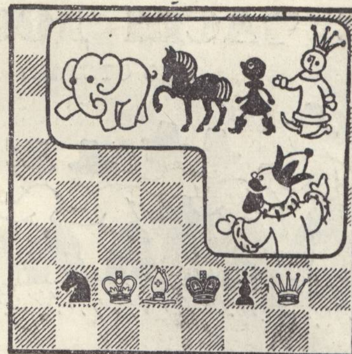
Интересная позиция, а вот первый ход решения неудачен. Белые делают очевидный ход 1. Cg2. А вот что будет дальше, найдите ребята сами. Шлите нам ваши решения.

Многие любители шахмат присылают нам задачи и этюды. Учтите, лучше, если первый ход решения не бросается в глаза. Правильно написал мне **Боря Гальпернас** из Вильнюса: решение не надо начинать взятием или шахом. Такие ходы найти нетрудно.

В ОДНУ ШЕРЕНГУ

И еще одно задание Пешкина. Попробуйте, ребята, найти, как белые, начиная игру, дают мат в два хода в следующей смешной позиции.

Шлите свои решения. Напишите, удачен ли в этой задаче первый ход.

ПЕШКИН ОТВЕЧАЕТ

«Объясни, пожалуйста, Пешкин, что означает слово «качество» в шахматной игре?» — спрашивает **Гена Макаров** из деревни Васильевка, Тульской области.

Ладья, как правило, значительно сильнее легких фигур — слона или коня. Преимущество ладьи и называют качеством.

«Я иной раз путаюсь, когда расставляю позиции диаграмм, не знаю, куда идут белые, куда — черные?» — пишет ученик четвертого класса **Володя Розанов** из станицы Каменнобродской, Ставропольского края.

На диаграммах, которые печатаются в книгах и журналах, белые всегда идут снизу вверх, первая вертикаль внизу, восьмая — вверху.

«Ребята со мной спорят, говорят, что пешку, которая стоит на линии ферзя, можно превращать только в ферзя, на линии ладьи — только в ладью. Так ли это?» — интересуется **Коля Белов** из города Чайковского.

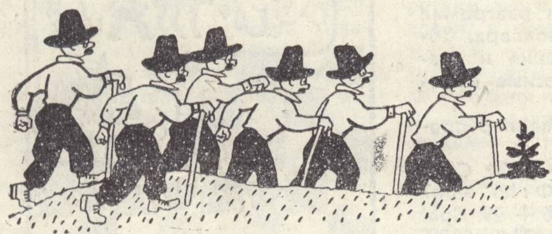
Нет, не так, Коля. Пешка, достигшая восьмой (первой) горизонтали, может быть превращена в любую фигуру, конечно, кроме короля. Теоретически на доске могут быть, скажем, девять ферзей или десять коней, но на практике этого, конечно, не бывает.

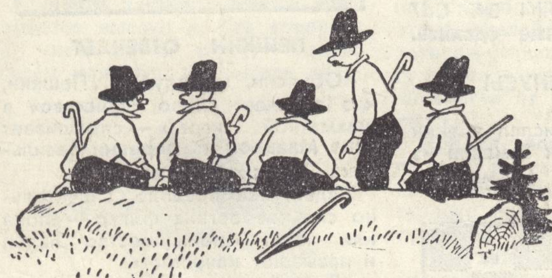
ПОБЕДИТЕЛИ СОРЕВНОВАНИЙ

За успехи в наших заочных соревнованиях грамотой «Ферзя и ладьи» награждаются А. Баранов (Пенза), И. Рудченко (с. Вольное, Днепропетровской области), А. Лебединский (с. Дмитриевская слободка, Владимирской области), Л. Майзель (Верхне-Днепропетровск), В. Аменещенко (с. Чкалово, Кокчетавской обл.), А. Якименко (пос. Браженко, Донецкой обл.), А. Булавин (с. Паново, Алтайский кр.), И. Кравчишин (с. Мариново, Одесской обл.), А. Воробьев (Сахалинская обл.).

В ЧАСЫ ДОСУГА

КТО ОТСТАЛ?

ОДНОЙ ГИРЕЙ

Хозяйка попросила соседку одолжить ей полтора килограмма муки. У той были чашечные весы и только одна гиря в 100 граммов. Ей пришлось вывешивать полтора килограмма в четыре приема. Как она это проделала?

Запомни — пригодится

МГНОВЕННОЕ УМНОЖЕНИЕ

Чтобы быстро умножить в уме на самое себя любое двузначное число, оканчивающееся цифрой 5, нужно перемножить числа десятков, увеличив одно из них на единицу, и к полученному произведению приписать справа 25. Например: чтобы умножить 65 на 65, достаточно 6 умножить на 7 и к произведению 42 приписать справа 25.

Проверь: $65 \times 65 = 4\,225$.

А какие еще способы быстрого умножения или других действий над числами известны вам, ребята? Напишите нам.

Содержание

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд,14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 02311. Подписано к печати 26/V 1965 г. Тираж 590 000 экз. Изд. № 989. Заказ № 1157.

Печ. листов 8,61. Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЮНЫЙ ДРУГ ПРИРОДЫ

Учись быть следопытом, и природа откроет тебе свои самые сокровенные тайны. Где бы ты ни был, только внимательно приглядись вокруг, и обнаружишь много интересного. Если ты будешь зорким и настойчивым, твои наблюдения могут быть ценным дополнением к работе ученых.

Звери, птицы, рептилии, амфибии, рыбы, насекомые, растения—всех их человек стремится сделать своими друзьями, заставить служить на пользу людям. Но, чтобы этого добиться, нужно хорошо знать их «биографию»: кто где живет; чем и в какое время питается; кто их враги и друзья; когда они выводят свое потомство; как передвигаются; чем слышат; при помощи чего узнают друг друга и т. д. Многие из таких наблюдений помогли появлению новой науки — бионики.

Видал ли ты когда-нибудь, как двигаются растения, когда и как они «спят» и «просыпаются». Наблюдай за ними и все, что увидишь, запиши.

Юные следопыты — любители природы могут помочь обнаружить заросли лекарственных растений, залежи минералов, строительных материалов (глины, песка, известняка) и т. п.

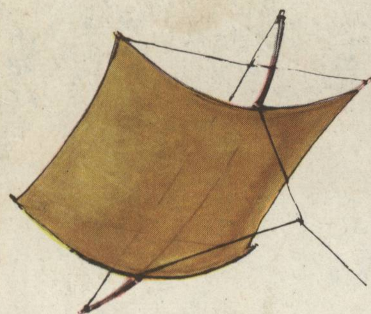
Зоркий глаз следопыта все видит, все подмечает. Вот коряга, напоминающая фантастическое животное, искривленный сучок в виде бегущего оленя, корни, похожие на старика-лесовика. Да мало ли что еще может напоминать сучок, ветка, корень, гриб-трутовик или нарост на дереве! Собирая такие диковинки, ты сможешь принять участие в конкурсе, который проводит Всероссийское общество охраны природы, а затем стать участником всероссийской выставки «Природа и фантазия».

Пионеры и школьники! Учитесь быть следопытами, наблюдайте природу, изучайте и охраняйте ее. Только наблюдательным и любящим ее природа открывает свои секреты.

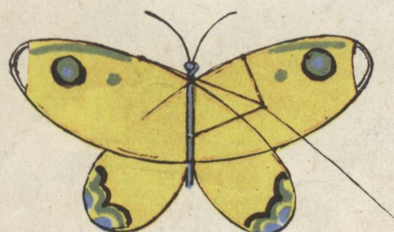

Цена 25 коп.

Индекс 70694

Полинезийский

Японские

Китайский „дракон"

Малайский